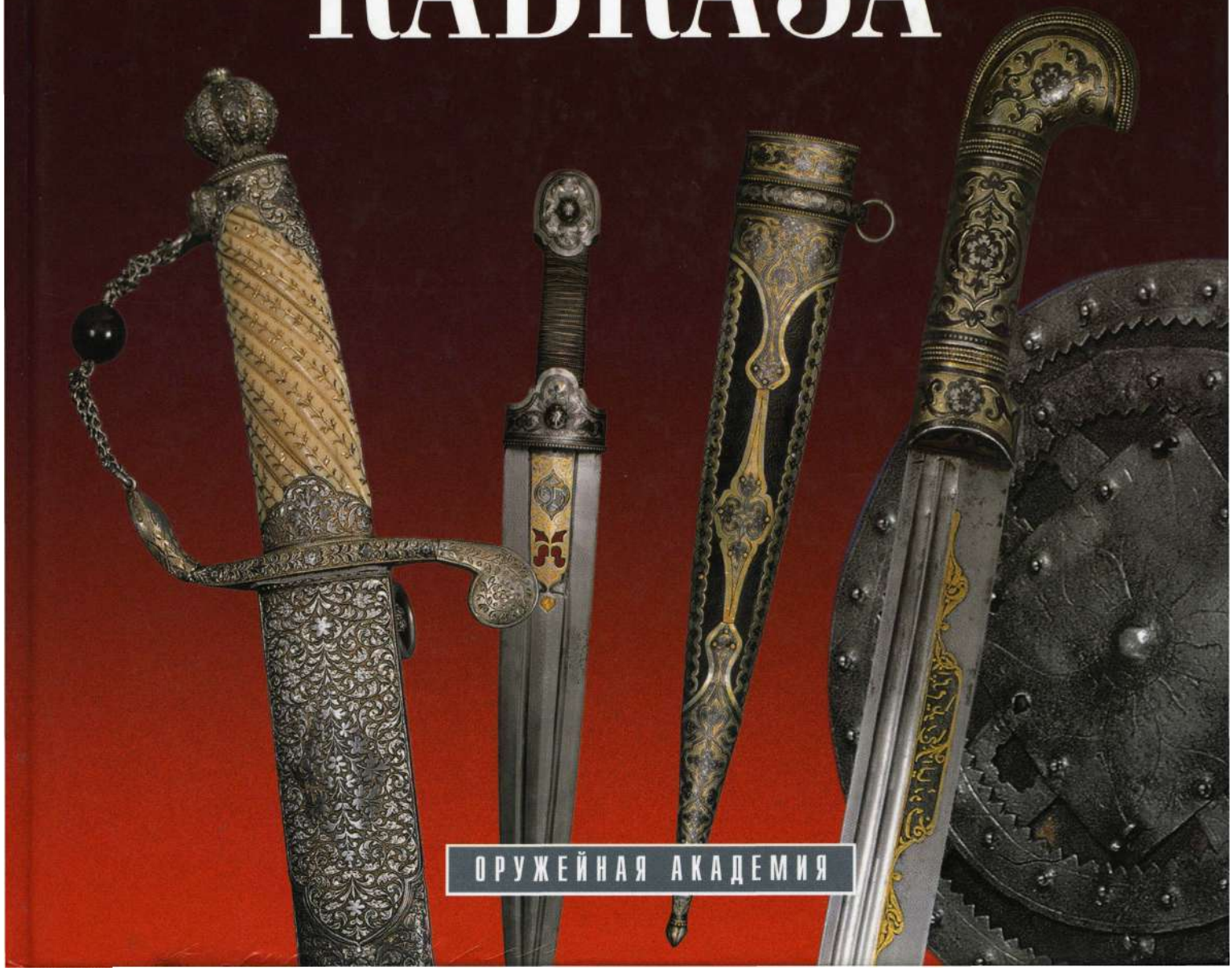
Э. Г. Аствацатурян

ОРУЖИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА



ОРУЖЕЙНАЯ АКАДЕМИЯ

ОРУЖИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА

Санкт-Петербург
«Атлант»
2004

ББК92 85.А14
А91

Издание осуществлено
при финансовой поддержке

Балтийской строительной компании

ГРУППА КОМПАНИЙ

Издательство выражает глубокую признательность

Игорю Александровичу Найвальту ***Сергею Вадимовичу Суслову***

Аствацатурян Э. Г.

А 91 Оружие народов Кавказа. Изд. 2-е, дополненное. - СПб.: 000 «Издательство „Атлант"», 2004. - 432 с; ил. - ISBN 5-901555-17-1

Автор — ведущий научный сотрудник Государственного Исторического музея, хранитель фонда Восточного оружия, кандидат исторических наук. В 1952 г. окончила отделение Востока МГУ, с 1954 г. работает в отделе оружия ГИМ. Автор монографий: «История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX — начале XX вв.», «Оружие народов Кавказа», справочников «Мастера оружейного и серебряного дела Северного Кавказа и Закавказья», «Указатель клейм мастеров оружейного и серебряного дела Северного Кавказа и Закавказья», «Турецкое оружие в собрании ГИМ» и ряда других статей по истории оружия.

ISBN 5-901555-17-1

© Аствацатурян Э. Г., 2004
© 000 «Издательство „Атлант"», 2004
© Государственный Исторический музей, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Изготовление оружия издавна было одним из важнейших промыслов народов Кавказа. Храбрые воины, кавказские горцы не расставались со своим оружием, высоко ценили его и не жалели средств на его украшение. Оружие стало частью их национального костюма. Тонкое искусство оружейников Черкесии и Дагестана, Грузии и Армении и других кавказских народов всегда вызывало восхищение.

Художественные промыслы Кавказа привлекают неизменный интерес читателей. Вышло уже немало монографий, посвященных прикладному искусству народов Дагестана, Кабардино-Балкарии, Закавказья и др. Такой важный раздел народного творчества, как изготовление оружия, заслуживает отдельного рассмотрения.

Изучение оружия интересно с разных точек зрения и, прежде всего, с точки зрения истории развития конструктивной мысли и технических решений, связанных с развитием военного искусства и вобравших опыт многих поколений народных мастеров.

Вместе с тем изделия кавказских оружейников и тех, кто украшал оружие, — это прекрасные произведения прикладного ювелирного искусства. Особая роль, которую художественное оружие играло в жизни кавказских народов, создавала ему высшую престижность и выдвигала его зачастую на первое место в ряде других прикладных искусств.

Материал для изучения кавказского оружия предоставляют оружейные коллекции, хранящиеся в музеях нашей страны. Это прежде всего коллекции Государственного Исторического музея (ГИМ), Государственных музеев Московского Кремля (ГММК, старое название — Оружейная палата — ОП), Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ), Центрального музея вооруженных сил (ЦМВС), Государственного Эрмитажа (ГЭ), Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС), Российского этнографического музея (РЭМ), Грузинского Государственного музея (ГрГМ), Государственного музея искусства Грузии, Государственного музея Абхазии, Государственного музея истории Армении (ГМИАр), Музея истории Азербайджана (МИАз), Государственного объединенного музея Дагестана, Дагестанского республиканского музея изобразительного искусства, Национального музея республики Кабардино-Балкарии, Краеведческого музея г. Пятигорска и других музеев.

В настоящей работе рассматривается оружие XVII — начала XX в. Археологическое оружие — предмет специального изучения, в данной работе оно привлекается лишь эпизодически.

Раннего оружия сохранилось, к сожалению, немного — это черкесские клинки и панцири XVII в., кремневые ружья первой трети XVIII в. в собрании Оружейной палаты. Основная масса дошедшего до нас оружия — ружья и пистолеты, шашки и кинжалы — относится ко второй половине XVIII—XX вв. Больше всего мы встречаем холодного оружия, главным образом кинжалов, конца XIX — начала XX в..

Из раннего сохранилось лишь то оружие, которое давно попало в качестве подарков и привозов в государственные и частные собрания — в Оружейную палату и Рюст-камеру. В другие крупные музеи — Артиллерийский, Царскосельский арсенал в Петербурге, Кавказский музей в Тифлисе — кавказское оружие стало поступать лишь в середине XIX в., а в Исторический музей в Москве, Музей этнографии (отделение Русского музея) в Петербурге — только в конце XIX в. Многие музеи открылись после революции. Естественно, что в эти музеи попадало то, что еще сохранилось у населения. А сохранялось оружие плохо — им продолжали пользоваться, оно изнашивалось, ломалось, из-за недостатка сырья переделывалось в новое изделие.

Кроме вещевого материала в данной работе использованы нарративные и документальные источники, а также общие исследования по вопросам истории материальной культуры. При этом разные кавказские регионы представлены разными источниками.

Для изучения оружия Западного Кавказа помимо вещевого материала очень важны нарративные источники — известия западноевропейских и русских ученых, путешественников, должностных лиц, посетивших эти области в XVI—XIX вв. Эти источники содержат описание военного быта и оружия, но, к сожалению, в них отсутствуют какие-либо указания на центры производства оружия и мастеров. Очень мало сведений содержат документальные источники — архивные, материалы выставок. Последние относились ко времени, когда основная масса населения покинула родные места и ремесло было в упадке. Некоторые сведения о мастерах и центрах производства оружия автору удалось собрать во время полевых обследований в 1958-1959 гг.

Советские историки, этнографы, искусствоведы, изучая различные виды ремесла и декоративно-прикладного искусства, отводили некоторое место и оружейному ремеслу. Результаты их исследований также использованы в настоящей работе.

Районам Центрального Кавказа, Чечне, Ингушетии и Осетии, которые по дореволюционному административному делению составляли Терскую область, не повезло в отношении источников по оружейному делу. Нарративные данные скудны, они содержат преимущественно лишь упоминания о наших ремеслах, изредка о центрах производства.

Вещевой материал этого региона, конечно, имеется в коллекциях, но он плохо выделен из общей массы кавказского оружия, что объясняется недостаточной изученностью признаков, свойственных оружию этих народов, — его орнаментики и конструктивных особенностей.

С документальными источниками этому региону тоже не повезло. В материалах выставок интересующие нас ремесла представлены слабо, а архивные данные по этой области также оказались малопредставительны. Дело в том, что архив Терского пробирера не сохранился. В архиве Владикавказа не удалось обнаружить ни одного дела, относящегося к Пробирному управлению. Отчеты же о проверках мастерских и торговцев по Терской области, посылавшиеся в Петербург за все годы деятельности пробиреров, к сожалению, отличаются большой неполнотой. Терские пробиреры сообщают лишь имена мастеров и торговцев, нарушивших пробирный устав; ни разу они не приводят имен всех проверенных ими мастеров, как это делали пробиреры Тифлиса и Баку. В своих отчетах они сообщают число проведенных ими осмотров и наименование населенных пунктов, где проживали проверяемые ими мастера, прибавляя отметку, есть или нет нарушений. Эти списки, содержащие имена нарушителей пробирного устава, относятся главным образом к городам. По селениям сведений почти нет.

Собственных полевых исследований автор в этих областях не проводил и опирается на ре-

зультаты работ других исследователей, занимавшихся изучением данных ремесел.

В последние годы (2000-2002) появились два очень ценных исследования, основанных на материалах полевых сборов: О. А. Габуевой о мастерах-осетинах Владикавказского округа и И. А. Асхабова о мастерах-чеченцах Грозненского округа. Хотя, по оценке авторов, эти сведения по разным обстоятельствам не полны, они дают существенную картину развития этих ремесел в Терской области.

Сведения о развитии оружейного и серебряного дела в Дагестане мы находим в источниках разного рода: в сообщениях русских ученых, путешественников, офицеров, посещавших Дагестан в XVIII—XIX вв. Пристальное внимание, с которым русское правительство относилось к Дагестану с начала XVIII в., побуждало его посылать туда офицеров, чиновников, ученых для сбора всевозможных сведений. Их отчеты содержат данные о военном деле, топографии, географии, экономике, истории и этнографии посещенных ими областей. Интересующая нас тема — оружие и серебряное дело — затронута в их сообщениях лишь вскользь, чаще всего в виде замечаний о наличии или отсутствии соответствующего производства.

Сообщения русских военных и ученых, посещавших Дагестан во время Кавказской войны и после его окончательного присоединения к России, несколько обстоятельнее освещают изучаемую тему. Их интересуют такие вопросы, как организация труда, число занятого в ремесле населения, количество продукции и т. п. Статьи публиковались в кавказской периодической печати и выходили отдельными изданиями.

Интерес представляют сообщения дагестанских ученых о жизни, быте и обычаях родных селений. Даже вскользь брошенные замечания важны, особенно когда они подтверждают сведения, полученные нами из какого-либо другого источника.

Из архивного материала важны документы, содержащие сведения о мастерах, работавших в селениях самого Дагестана, а также об ушедших на заработки в города и селения Северного Кавказа и Закавказья. (Эти данные мы находим в архивных материалах соответствующих областей.) По значению к ним примыкают Всеподданнейшие отчеты военных губернаторов Дагестанской области за 1905—1915 гг., в которых имеются статистические сведения о количестве мастеров по каждому округу и т. п. Отчеты и каталоги всероссийских и международных выставок содержат много имен дагестанцев, экспонентов выставок, а также сообщений о наградах, наименованиях их изделий, ценах на них и т. п.

Для изучения оружия Дагестана очень существен полевой материал. В настоящей работе используются результаты исследований советских ученых. Совместно с Э. В. Кильчевской автором были произведены сборы полевого материала в 1959—1961 гг. в центрах, известных в прошлом своими оружейными и серебряными промыслами.

О Дагестане существует довольно значительная литература, содержащая различные сведения об истории промыслов, творчестве отдельных мастеров, орнаментике, технологии производства и т. п. Первое исследование о дагестанском ремесле появилось в 1882 г. Это была работа О. В. Маргграфа, написанная на основании сведений, полученных во Владикавказе у дагестанских отходников. Достоверность приводимых им данных подтверждается другими источниками. Сведения, собранные Маргграфом о серебряном и оружейном деле, весьма разнообразны: он сообщает о деятельности мастеров-отходников, организации труда в Кубачи, Амузги, Харбуке, количестве продукции, ценах, заработках мастеров, анализирует причины расцвета оружейного дела в прошлом, отмечает намечающийся его упадок.

Большую ценность представляют работы Е. И. Козубского, который с 1899 г. был секретарем Дагестанского областного статистического комитета. Кустарная промышленность являлась объектом его пристального внимания, и, хотя специально он не изучал оружейного и серебряного дела, все его данные чрезвычайно интересны, так как получены путем тщательного обследования каждого селения. Особое внимание Е. И. Козубский уделял изучению отходничества.

Описание оружейного и серебряного ремесел Закавказья основано главным образом на архивных материалах, которые отражают дея-

тельность ремесленных управ, казенных палат, пробирных учреждений и хранятся в архивах Петербурга, Тбилиси, Баку Еревана. Документы датируются 1840—1917 гг.

Фонд Ремесленной управы Тифлиса содержит книги регистрации мастеров за 1878—1913 гг., в которых мы находим имена серебряников и оружейников, бравших в эти годы свидетельства на право заниматься ремеслом. В книгах почти всегда указывалось происхождение мастера. В фондах казенных палат Тифлиса, Баку, Эривани, Кутаиса имеются книги проверок торговых и промышленных заведений городов и селений соответствующих губерний. В книги заносились название заведения, имя владельца, число помощников, адрес, иногда годовой доход. Проверки осуществлялись во всех заведениях, поэтому их результаты могут считаться вполне представительными. Проверки проводились с 1876 по 1917 г., но для нас представляют интерес главным образом материалы 1876—1890 гг. Дело в том, что в последующие годы ремесленники, использовавшие в мастерской труд членов своей семьи и одного наемного рабочего, не облагались торговым налогом и не регистрировались. Между тем большинство оружейников и серебряников принадлежало именно к этой категории мастеров.

Среди архивных данных мы находим сведения о реорганизации цехового управления и избрании старшин в некоторых городах оакавказья в 1867—1870 гг. и во Владикавказе в 1890-1896 гг.; они содержат название и численность цехов, имена избранных старшин и т. п.

Наиболее многочисленные сведения о мастерах серебряного и оружейного дела, особенно для Закавказья, дают архивы пробирных учреждений. Они охватывают период 1840—1917 гг., дают сведения о числе и персональном составе мастеров, нередко о происхождении мастера, его доходе, ассортименте изделий и т. п. Наиболее полны материалы по Тифлису.

Объявления в «Кавказском календаре» за 1845—1855 гг. содержат имена и адреса закавказских серебряников и оружейников, а за 1909—1917 гг. — адреса мастерских и магазинов многих причастных к золотому и серебряному делу мастеров и торговцев. В «Кавказском календаре» в разделе «Ремесленная управа» находим за некоторые годы данные о числе членов цеха и имя старшины.

Ценные сведения включают каталоги местных, всероссийских и международных выставок, в которых закавказские мастера принимали активное участие; каталоги позволяют узнать ассортимент и цену изделий, награды и т. п.

Как дореволюционная, так и советская литература по оружейному и серебряному делу Закавказья невелика. Лучше других изучено грузинское оружие.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы возможно полнее показать разнообразные виды кавказского оружия, выяснив время и место его производства, то есть создать своего рода определитель кавказского оружия. Вместе с тем автор стремился осветить вопросы организации производства, поэтому наряду со сведениями о конструкции и орнаментике оружия приводятся данные о развитии оружейного и серебряного дела в крае, о центрах производства, о некоторых выдающихся мастерах.

Так как изготовление и бытование оружия были тесно связаны с историей и военным бытом края, автор счел полезным привести очень краткие сведения о военно-политической истории рассматриваемых регионов.

Уровень исследованности вопроса позволяет нам различать оружие, связанное своим происхождением главным образом с тремя крупными регионами Кавказа — Черкесией, Дагестаном, Закавказьем. Основанием для подобной классификации являются его орнаментальные и конструктивные особенности. Здесь могут быть известные допущения (в качестве черкесского оружия может быть определено и карачаево-балкарское, и чечено-ингушское, и осетинское), так как остаются неясными детали — особенности орнаментики и конструкции, по которым оно могло быть атрибутировано более точно.

Благодаря работам О. А. Габуевой и И. А. Асхабова появилась возможность частичного атрибутирования осетинского и чеченского оружия.

Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудников музеев, любезно предоставивших возможность работать с их коллекциями: В. А. Абрамян, А. А. Беляеву, О. А. Габуеву, Н. В. Гордеева, С. Н. Дагирову, С. Х. Джангирову М. А. Ихлясову, Г. Н. Комлеву, Н. В. Кор-

неева, Ю. А. Миллера, Ю. А. Нацваладзе, Р. М. Нырову, И. Шариеву, Е. В. Тихомирову Э. Товмасян, Е. Г. Цареву, М. И. Чартолани, Д. А. Чиркова, К. К. Чолокашвили.

Некоторые сведения о кавказском оружии

Кавказское оружие подразделяется на холодное, метательное, огнестрельное и защитное.

Холодное оружие не раз было предметом исследований русских и зарубежных ученых. В дореволюционной науке изучались конструктивные особенности клинков, рукоятей и портупей шашек и кинжалов, их бытование у разных народов Кавказа, выделены основные типы, описаны наиболее интересные образцы, проанализированы некоторые клейма и надписи.

Советские исследователи уделяли большое внимание изучению холодного оружия разных областей Кавказа, особенно Дагестана. Тщательно изучены технологический процесс изготовления клинков в селении Амузги и их последующего украшения в селении Кубачи и кубачинская орнаментика на стальных и серебряных деталях оружия (Н. Б. Бакланов, Н. Ф. Яковлев, Г. Сазонов, Е. М. Шиллинг, Э. В. Кильчевская, Р. А. Алиханов, П. М. Дебиров); выделена и исследована аварская орнаментика на оружии (Э. В. Кильчевская). Ряд работ посвящен лакскому (Д.-М. С. Габиев, Н. М. Ильчук) и грузинскому (К. К. Чолокашвили, М. И. Чартолани, Е. Н. Денисов) оружию, изучены его типология, орнаментика, производство. Исследованы центры производства кавказского холодного оружия, выявлены имена мастеров серебряного и оружейного дела (Э. Г. Аствацатурян). В 2000 г. Ю. А. Миллером издан каталог кавказского оружия собрания Государственного Эрмитажа (на датском и английском языках). Кавказское оружие было также предметом исследования в работах ряда зарубежных ученых (М. Генрик, Дж. Петрович, С. Мейер, Р. Целлер, Э. Рорер и Я. Лебединский).

Холодное оружие является средством нападения и активной защиты, приводимым в действие рукой человека. Клинковое оружие — один из видов холодного оружия. На Кавказе употреблялось холодное оружие с длинным и коротким клинком.

Оружие с длинным клинком было предназначено для нанесения рубящего или колющего удара на удобном для защиты и нападения расстоянии от противника. Минимальная длина клинка должна быть такой, чтобы всадник мог прикрыть клинком голову и туловище, держа эфес над головой, а при нападении, нагнувшись, достать клинком лежащего на земле противника. Дальнейшее увеличение длины клинка считалось нежелательным, так как утяжеляло его /Федоров, 20/. Рубящий удар наносится лезвием клинка, колющий — острием.

К оружию с длинным прямым клинком относились мечи и палаши — два сходных по конструкции вида оружия. Но если для меча обязательна заточка обоих лезвий, то для палаша возможна заточка и обоих, и одного лезвия. Для меча характерно только прямое расположение рукояти, у палаша рукоять может быть и прямой, и отогнутой к лезвию. Таким образом, существуют палаши как и совершенно идентичные мечу, так и отличные от него по конструкции. Название «меч» применяется обычно к оружию, датированному до XVII в., с XVII в. к длинному прямому оружию с широким клинком применяется название «палаш».

Из кавказского оружия с прямым клинком сохранились (исключая археологические находки) лишь грузинские палаши XVIII-XIX вв..

Наиболее распространенными видами длинного клинкового оружия в новое время на Кавказе было оружие с изогнутым клинком — сабли и шашки.

Основное назначение кривизны клинка состоит в том, чтобы придать центральной линии рубящего оружия линию направления удара, то есть чтобы обе эти линии — рубящего оружия и направления удара — совпадали, а не приходились друг к другу под углом. При этом изогнутая часть клинка служит рулем при размахе и заставляет клинок совпадать с линией удара /П.Н.С., 140—141/. Наибольшим проникающим действием обладали сильно изогнутые (до 45°) иранские и турецкие клинки. Сила удара холодного оружия зависит от его веса и скорости движения. Восточные сабли принадлежали к легкому типу оружия.

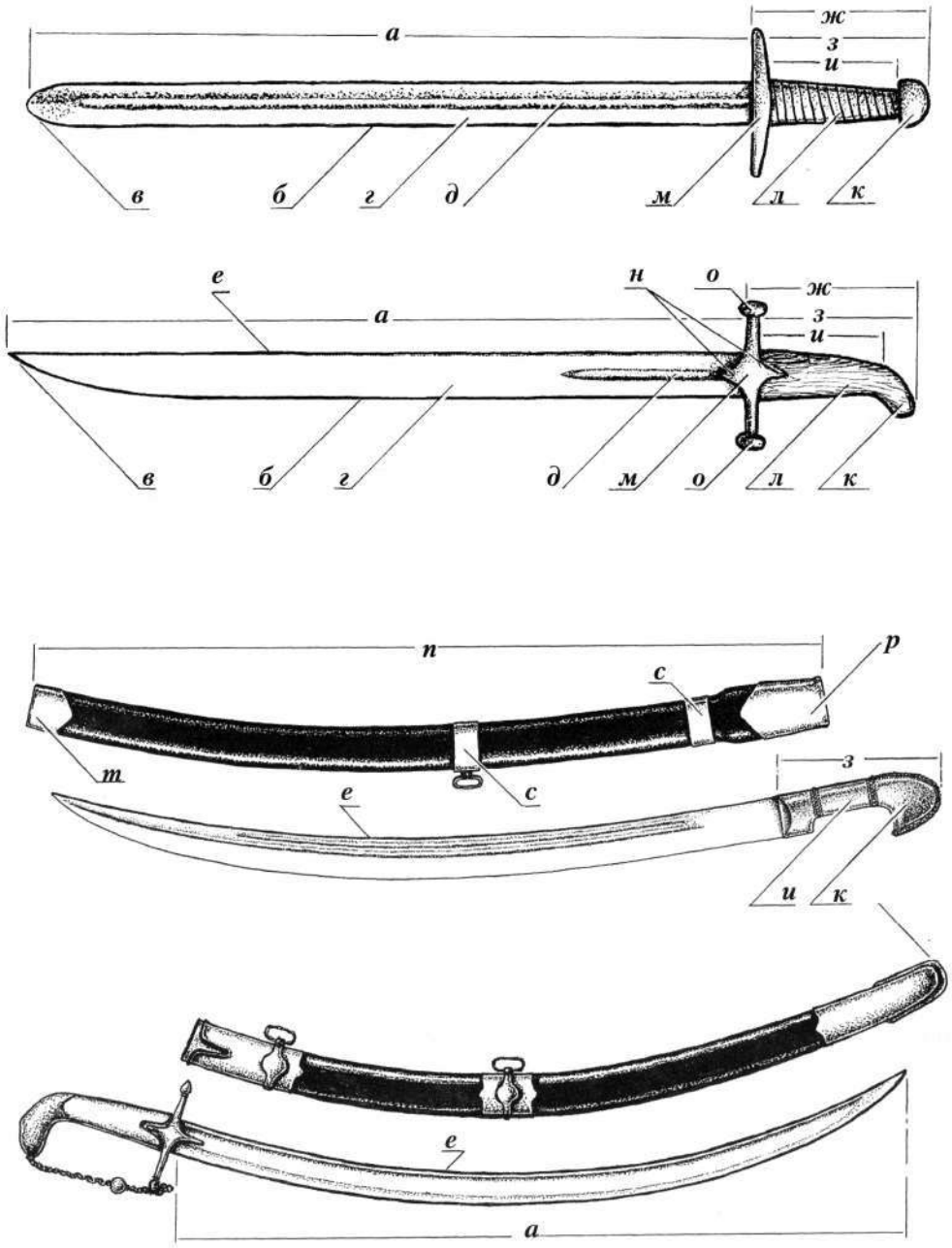


Рис. 1. Меч, палаш, сабля и шашка:
а - клинок; б - лезвие; в - острие; г - поверхность клинка; д - дол; е - обух; ж - эфес; з - рукоять;
и - черен рукояти; к - головка рукояти; л - щечки рукояти; м - крестовина или перекрестье;
н - вертикальные концы крестовины; о - поперечные концы крестовины; п - ножны; р - устье ножен;
с - обоймица; т - наконечник; у - бородка наконечника

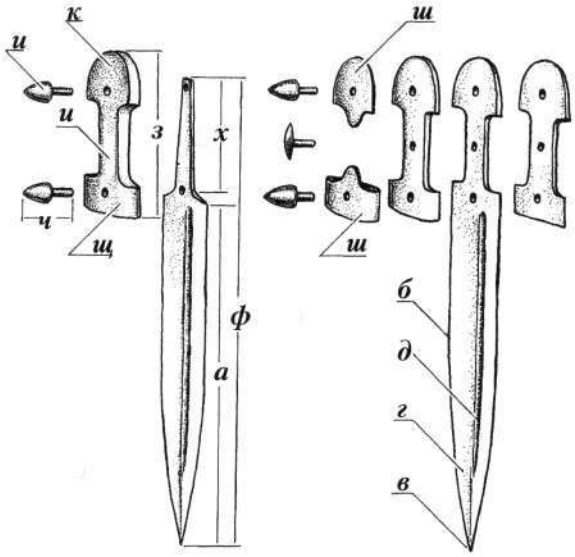


Рис. 2. Кинжал. Клинок и рукоять

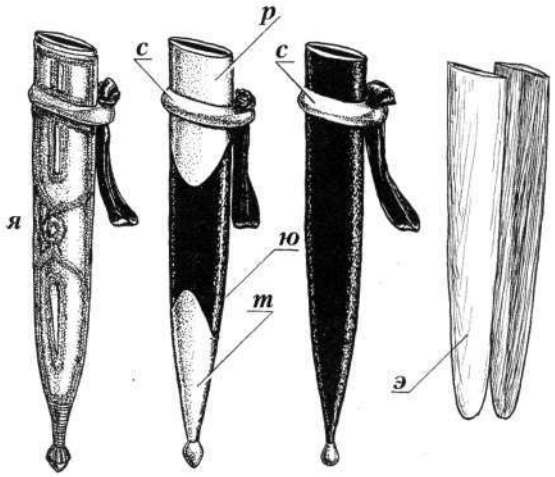


Рис. 3. Типы ножен

а - клинок; б - лезвие; в - острие; г - поверхность клинка; д - дол; з - рукоять; и - черен рукояти; к - головка рукояти; р - устье ножен; с - обоймица; т - наконечник; ф - полоса; х - хвостовик; ц - шляпка заклепки; ч - заклепка; ш - накладка на рукоять; щ - основание рукояти; э - дощечка; ю - кожа; я - серебряный футляр

Для облегчения веса клинка на нем делались продольные канавки — долы. Они характерны для кавказского холодного оружия. Долы намного уменьшают вес клинка, не снижая его прочности. Более прочной и тяжелой была так называемая рабочая часть клинка, которой наносился удар. Весь остальной клинок являлся лишь рычагом для рабочей части. Рабочая часть располагается в 1/5—1/3 от острия клинка; здесь обух сведен на нет, долы сглажены, клинок имеет овальное сечение. В рабочей части располагается центр тяжести клинка. Это является одним из признаков изогнутого клинка — центр тяжести расположен не у эфеса, как у прямого клинка, а в рабочей части и совпадает с центром удара. В центре удара на кавказских клинках кончается верхний или все долы. Для рубящего оружия с изогнутым клинком большое значение имеет правильная пригонка рукояти. Рукоять должна быть продолжением клинка и вместе с ним составлять рычаг для рабочей части. Всякое изменение этого направления, например придание рукояти наклона к лезвию, превращает оружие в колющее /Федоров, 21—26/.

Время появления сабель у кавказских народов — рубеж VIII в. Археологический материал до VIII в. дает только длинные (до 1 м) прямые обоюдоострые мечи без перекрестья, иногда с закругленным нижним концом.

Кавказское оружие с коротким клинком — кинжал — традиционно. Археологический материал по всему Кавказу дает кинжалы с прямым, заточенным с обеих сторон клинком, с прямой рукоятью, заканчивающейся колпачком. И в новое время были распространены главным образом кинжалы и, в меньшей степени, ножи. Они использовались и как оружие, и как предмет домашнего обихода для различных хозяйственных нужд — рубки хвороста и т. п. В Дагестане, Адыгее, Осетии, Чечне, Кабарде кинжалы носились мужчинами постоянно, начиная с подросткового возраста. Поэтому во второй половине XIX в. кинжалов производилось значительно больше, чем остальных видов холодного оружия: после окончания Кавказской войны сабли и шашки

должны были иметь только те жители Кавказа, кто шел служить в русскую армию; кинжалы же по обычаю имел каждый. Естественно, что в музейных собраниях имеется значительно больше кинжалов, чём других видов оружия.

Кавказские кинжалы имели свои характерные черты. Их клинок прямой, двулезвийный, его поверхность разделана долами, число которых колебалось от одного до четырех. Долы не только уменьшали вес клинка, увеличивали его прочность, но и придавали ему декоративность. Наиболее распространенный для всего Кавказа клинок имел по одному глубокому смещенному от центра долу с каждой стороны. Хотя клинки одинаковой формы происходили из разных районов Кавказа, все же, пользуясь дополнительными признаками, то есть формой и украшением рукояти и ножен, можно установить зависимость формы клинка от местности изготовления. Впрочем, не следует забывать, что один мастер нередко делал клинки разной формы, исходя, возможно, из желания заказчика. Клинок заканчивается вытянутым четырехгранным острием и в разрезе имеет форму ромба. Такой конец приспособлен к колющему удару. Наиболее крупные клинки длиной 45—55 см, шириной 4,5—5 см свойственны Дагестану и Армении; клинки среднего размера, длиной BB-SS см, шириной 3—3,2 см, более характерны для Северного Кавказа и Грузии. Клинки небольшого размера, длиной 25—30 см, шириной 3 см, скорее присущи Новочеркасску.

Многие клинки имеют надписи, содержащие имена мастеров, владельцев, дату изготовления, клейма, иногда какие-нибудь изречения. Эти надписи, а также украшения клинков помогают определять место их производства.

Рукояти кинжалов прямые, в разрезе имеют форму квадрата или прямоугольника. Основание рукояти той же ширины, что и клинок, головка же небольшая, имеет форму колпачка. Форма головки может указывать на местность и время изготовления кинжала.

Рукояти делались из разных материалов — кости, рога, железа, серебра. Металлические рукояти представляют собой футляр; роговые и костяные делались цельными или составными. Цельные насаживались на конический хвостовик и крепились с ним; составные повторяли форму хвостовика и плотно прижимались к нему с обеих сторон при помощи железных заклепок с серебряными выпуклыми с лицевой стороны шляпками. Форма заклепок может помочь определить место изготовления кинжала. Две высокие заклепки больше характерны для Северного Кавказа и Дагестана, три, средняя из которых более плоская, — для Закавказья.

Ножны изготовлялись двух типов. Наиболее распространенными были ножны, сделанные из двух деревянных дощечек, обтянутых черной кожей: справа — шагреневой, слева — простой. Слева в дереве вытачивалось углубление, над которым из кожи образовывался кармашек — гнездо для подкинжального ножичка. Прибор ножен — устье и наконечник — производился из железа или серебра. В устье впаивалась железная или серебряная узкая обоймица, которая слева имела круглое отверстие для вдевания ременной петли. Когда устье отсутствовало, обоймица прикреплялась к ножнам. Наконечник надевался на ножны сверху или прятался под кожу, снаружи оставался лишь шарик, которым заканчивался наконечник. Металлический прибор, как правило, был украшен: железные устье и наконечник орнаментировали золотой или серебряной насечкой, серебряные — гравировкой и чернью.

Другой тип ножен представлял собой железный или серебряный футляр со впаянной в него обоймицей; он заканчивался кисточкой или шариком. Вся поверхность ножен украшалась насечкой или гравировкой. Наряду с чертами, характерными для всех районов Кавказа, кинжалы обладают и более специфическими признаками, характерными для каждой определенной местности.

Кавказское огнестрельное оружие в дореволюционное время почти не исследовалось. Русские ученые и путешественники называли его достоинства и недостатки вскользь, не описывая подробно. Исключением является работа О. В. Маргграфа, в которой подробно рассказана технология производства харбукских стволов.

Огнестрельное оружие распространилось на Кавказе в XVI—XVII вв., причем долгое время сосуществовало с луком и стрелами. Ружья XVI—XVII вв. — фитильные. Оружие XVIII в.

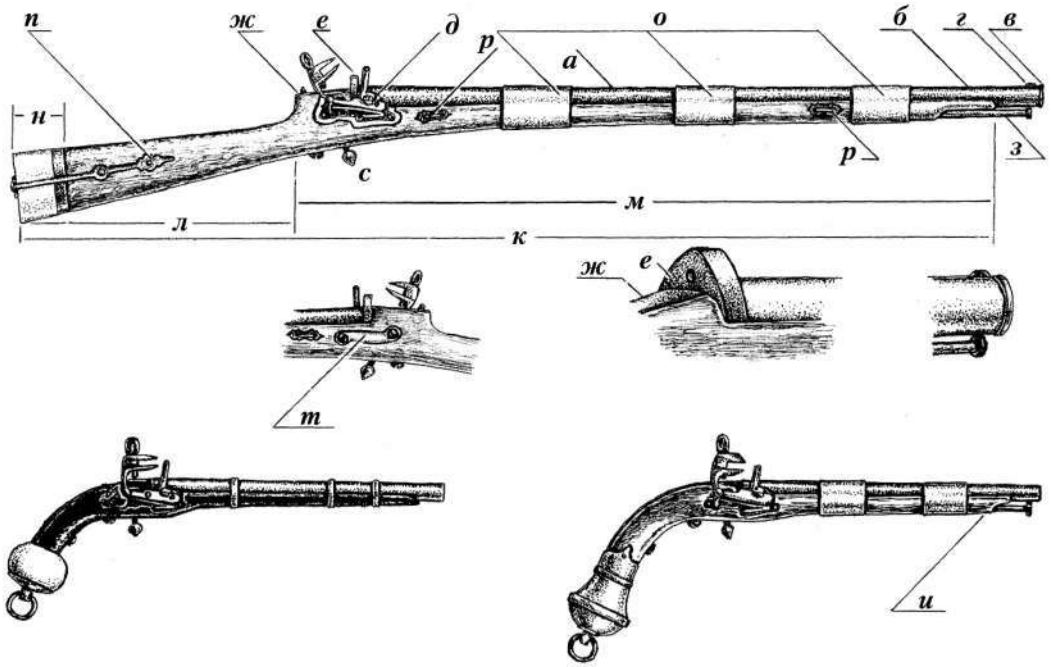


Рис. 4. Кремневые ружье и пистолет

а - ствол; б - дульная часть; в - дульный срез; г - мушка; д - казенная часть; е - прицел; ж - хвостовик; з - шомпол; и - шомпольное гнездо; к - ложа; л - приклад; м ~ цевье; н - пята или затыльник; о - обоймица; п - стрелка; р - гнездо или прорезь для ремня; с - спуск; т - замочная личина

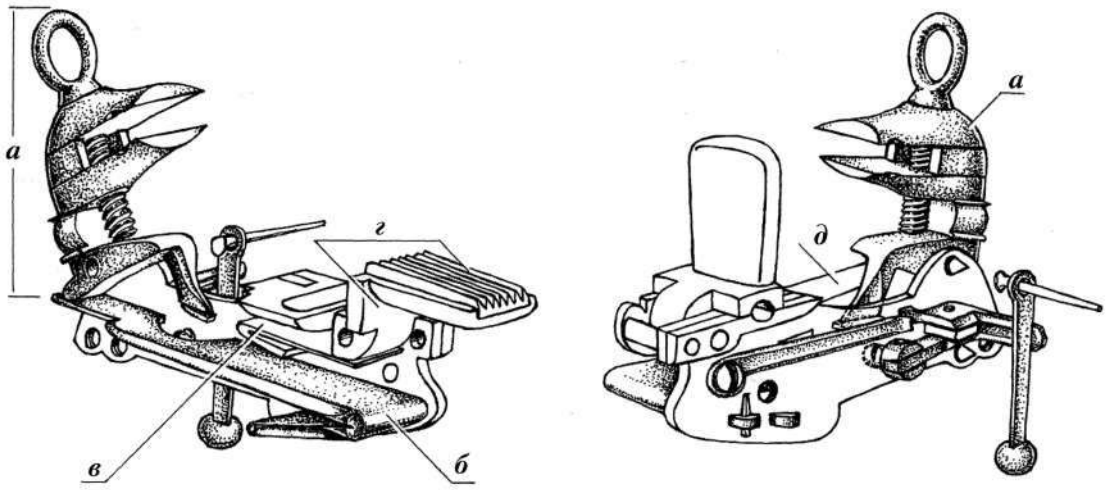


Рис. 5. Кремневый замок

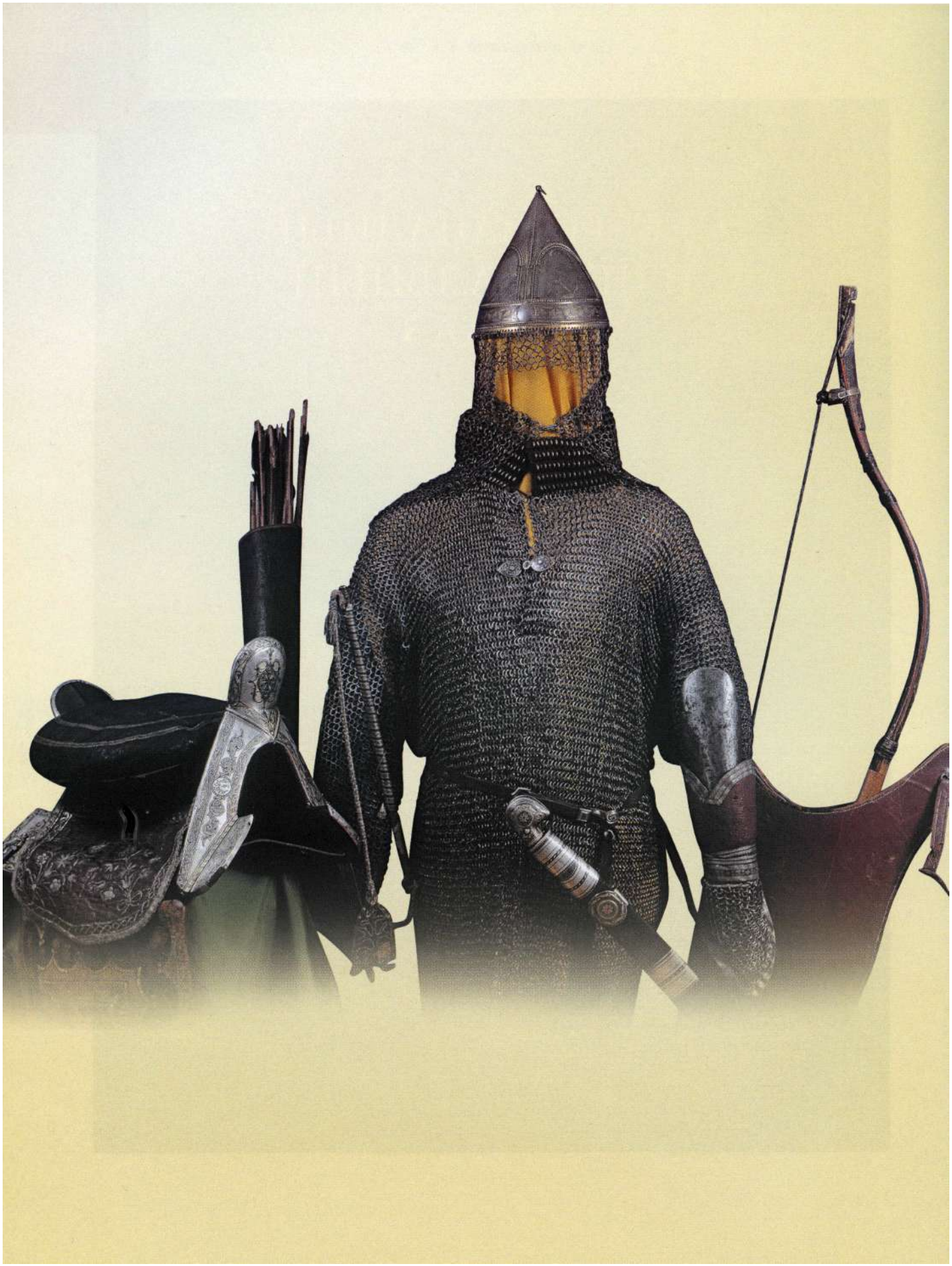
а - курок; б - подкурковая или боевая пружина; в - подогнивная пружина; г - огниво и крышка полки; д - боковая планка

источники называют «огненным», оно имело искровой кремневый замок. Самое раннее дошедшее до нас кавказское огнестрельное оружие, датируемое первой четвертью XVIII в., хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Коллекция Оружейной палаты позволяет судить о некоторых характерных особенностях ранних кавказских ружей. Прежде всего бросается в глаза их конструктивное и орнаментальное сходство с современными им турецкими ружьями. Это сходство, как и сообщения письменных источников, свидетельствует о том, что кремневое оружие на Кавказ привозилось из Турции. Вероятно, первоначально ввозили готовые турецкие ружья, со временем же местные мастера приступили к самостоятельному изготовлению оружия, используя турецкие ружья в качестве образцов. Ружья первой четверти XVIII в. имеют переходный характер, они сочетают в себе черты турецкого ружья этого периода и особенности кавказского типа ружья более позднего времени — конца XVIII—XIX в. Ружья второй половины XVIII—XIX в. являются оригинальным оружием, обладающим характерными чертами, позволяющими дать им определение «кавказский тип ружья».

Крупные собрания кавказского огнестрельного оружия хранятся в музеях Москвы — в Оружейной палате и Государственном Истори-

ГЛАВА
I

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ



ЧЕРКЕСИЯ

Рис. 6. Расселение черкесских племен в первой половине XIX в.

На территории в виде большого треугольника, образованного берегом Черного моря, рекой Кубанью и ее притоком Лабой, в VIII—X вв. из отдельных этнических групп сформировался народ, называющий себя адыге. В конце XIV в. после поражения, нанесенного Тимуром Золотой Орде, татаро-монголы покинули Северный Кавказ, который завоевали в XIII—XIV вв., оттеснив алан и половцев в горы. По-видимому, в конце XIV в. на опустевшие после ухода монголов земли в район Пятигорья продвинулось одно из адыгских племен — кабардинцы. Они получили название «восточные адыги», в отличие от причерноморских — западных. В XV в. часть кабардинцев и западных адыгов заселила верховья Кубани, образовав третью группу адыгского расселения.

Предков адыгов другие народы называли зихи, меоты, керкеты. В более поздние времена татары и турки именовали адыгов черкесами. Этим же наименованием пользовались и русские, сохранилось оно и теперь как второе название адыгского народа. В настоящее время адыгами, или черкесами, именуют современных адыгейцев, кабардинцев и черкесов, населяющих Адыгею, Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию.

Территория, где жили черкесы, не знала единой государственной власти. И в средние века, и в новое время черкесы составляли независимые друг от друга племена, во главе которых стояли князья. Племена были различны по численности, от небольших в 2—5 тыс. до могущественных в 160—200 тыс. человек. В течение столетий число племен изменялось; некоторые племена исчезли или потеряли значение самостоятельных образований. (Так, крупное в XVII в. племя шегаков в 1812 г. почти полностью вымерло от чумы и остатки его слились с натухайцами.) В результате, согласно источникам, в XVII в. насчитывалось одиннадцать племен, в XVIII в. — восемнадцать, в середине XIX в. — вновь одиннадцать. Общая численность черкесов в первой половине XIX в., по сообщениям источников и подсчетам некоторых исследователей, составляла около 500 тыс. человек /Челеби, II, 28, 69; Гарданов, 21,22,43/.

Общественный строй черкесов отличался большой устойчивостью, не изменяясь на про-

тяжении многих веков. До конца XVIII в. все черкесские племена имели одинаковую форму правления: во главе племени стоял князь, считавшийся верховным владельцем всех земель, главой своего народа, предводителем вооруженных сил. В непосредственной вассальной зависимости от него находились знатные дворяне — уорки, первой обязанностью которых по отношению к князю была военная служба. Они составляли княжескую дружину и выступали по его зову на войну. Если у уорков были свои вассалы, то они должны были выводить и их. Этот слой менее знатных дворян также имел зависимых людей, которые вместе с ними несли военную службу. Свободные общинники в случае военной необходимости составляли народное ополчение. Номинально все князья считались равными между собой, но фактически их могущество и влияние различались в зависимости от числа подданных и имущественного положения: ведь чем больше уорков проживало во владениях князя, тем многочисленнее было его войско. Князья старались привлечь к себе на службу новых уорков, а иногда и жаловали в дворянство своих подданных-простолюдинов.

В конце XVIII в. три самых крупных черкесских племени — абадзехи, шапсуги и натухайцы — изгнали своих князей и установили в качестве верховной власти совет старшин, который принимал решения по всем важнейшим делам, в том числе и военным. В науке эти племена принято называть «демократическими», в отличие от остальных — «аристократических», сохранивших княжеское управление.

Жизнь черкесского народа проходила в борьбе за свою независимость. Черкесские земли дважды подверглись страшному нашествию монголов — в 1222 г. во главе с Батыем и в 1395 г. под предводительством Тимура. После нашествия Батыя черкесы стали данниками Золотой Орды, а затем отделившегося от нее Крымского ханства. Крымское ханство, которое само с конца XV в. находилось под властью Османской империи, считало черкесские земли своими. В действительности отношения носили характер вассальных (в современном понятии можно говорить о протекторате). Зависимость от Крымского ханства ограничивалась тем, что при восшествии на престол очередного хана из Черкесии присылалось 300 рабов — мальчиков и девочек. Кроме того, черкесы должны были участвовать в военных походах Крыма. Стремясь усилить свое влияние, ханы направляли в землю черкесов войска, но каждый раз наталкивались на сопротивление. Джиовани Лукка, префект доминиканской миссии в Крыму, в Каффе, составивший описание черкесов около 1634 г., писал: «Деревни их (черкесов) расположены в самых густых лесах. Они окружают их сплетенными одно с другим деревьями, чтобы таким образом затруднить въезд татарской коннице. Черкесы часто с последней сражаются, так как не проходит года, в который бы татары, привлекаемые главным образом красотой рабов из этого народа, не произвели на их страну какого-нибудь набега, чтобы наловить последних. И ногайцы часто с той же целью производят сюда набеги. Постоянное беспокойство, которое причиняют им татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар»(Лукка, 71). Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Черкесию в 1666 г. подробно рассказывает о беспрерывных столкновениях кабардинцев с калмыками, а западных адыгов с абхазами. «А за горами живут абхазы. В общем же все племена абхазов враждебны к этим кочевым племенам черкесов. Так что у них в конце концов нет ни одного дня, свободного от битв и столкновений — каждый день с разных сторон приходят враги. И потому у этих племен черкесов нет возможности жить в одном и том же селении... хотя бы в течение десяти лет» /Челеби 66, 67, 87/.

Помимо борьбы с внешним врагом в Черкесии постоянно велись междоусобные войны князей. Их целью был захват скота, имущества и, главное, людей, которые затем, обращенные в рабство, обменивались на товары или продавались. Важную роль в работорговле играли генуэзские колонии Черноморского побережья Кавказа и Крыма. Установившееся с конца XIII в. господство татаро-монголов способствовало развитию работорговли. Итальянские купцы скупали у татар пленных черкесов и продавали их на рынках Ближнего Востока. После установления на Черном море османского господства турками предпринимались военные экспеди-

Рис. 7. Типы черкесов XVII в.
Рисунок из книги А. Олеария

ции для захвата рабов; крымские и турецкие купцы также покупали рабов у черкесских князей. Набеги на черкесские селения с целью захвата имущества и рабов продолжались в XVII, XVIII и даже в XIX вв.

Итальянский путешественник Джорджио Интериано, посетивший Черкесию во второй половине XV в., писал об этом: «Они (т. е. знатные) нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем, перевозя из одной местности в другую, обменивают или продают. Большая часть проданных увозится в город Каир, в Египет, и таким образом случается, что фортуна превращает их из самых жалких крестьян на свете, какими они были, в величайших владык на свете и государей нашего века, а именно, в султанов, эмиров и т. п.» /Интериано, 48/.

«Черкесские рабы ценятся гораздо дороже других за красоту и способности в делах, для которых их употребляют, так как от природы они очень умны», — писал Джиовани Лукка (1634 г.) /Лукка,72/.

Посетивший в 1793 г. Северный Кавказ академик П.-С. Паллас сообщал о черкесских князьях: «Князья и знать не имеют других занятий, кроме войны, охоты и грабежа. Они живут большими сеньорами, ездят по полям верхом, устраивают пирушки и совершают набеги. Уздени, или знатные, держат народ в повиновении и обязаны лишь служить своим князьям во время войны» /Паллас, 219—220/. Даже в первой половине XIX в. грабительские набеги продолжали оставаться главным занятием князей и знати. Вот как их описывает адыгский ученый XIX в. Хан-Гирей: «Весна и осень — два времени в году, которые можно назвать у черкесов наездническими. Тогда князья, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, в поле и, избрав удобное место, располагаются в шалашах на всю осень или весну. Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием. Служители и молодежь разъезжают по ночам за добычей, захватывают и пригоняют быков и баранов для пищи, что иногда, смотря по удобности, делают и днем, и посылая в близи лежащие аулы за провизиею, которой нельзя приобретать молодечеством, как то: за пшеном, молоком, сыром и пр. Между тем лучшие наездники отправляются в дальние племена. Там угоняют они табуны лошадей, захватывают людей и с добычею возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь, пируя за счет оплошных жителей окрестных аулов, с нетерпением ждут возвращения наездников. В таких разбойнических, но воинственных упражнениях проводят осень и почти до наступления зимы, а весну до наступления сильных жаров лета... Наконец, при наступлении времени разъезда по домам, обыкновенно пленников и лошадей, доставшихся в добычу, променивают на товары» /Хан-Гирей: Гарданов,170—171/.

Французский консул в Крыму — К. Пейсонель (1750-е гг.) сообщает: «Торговля рабами в Крыму очень значительна; продают рабов 4-х

*Рис. 8. Г. Гагарин. Собрание черкесских князей**
Из альбома: Le Concaseploresque. Dessine d'apres nature par le Prince G.Gagarin, Paris, 1847

* Рисунок Г. Гагарина назван им «Совещание черкесских князей в 1839—40-х гг.».

Исследователь этого вопроса Д. К. Чачхалия приводит следующие соображения по этому поводу. Термин «черкесы» употреблен здесь в широком северо-кавказском смысле. На самом деле рисунок следовало бы назвать «Совещание абхазских предводителей». Рисунок создавался в Сочи в 1841 г. и отражает конкретные события этого года. В центре стоит пожилой князь в белой черкеске. Это абхазский князь Гечба Арсланбей, выдающийся политический деятель, влиятельный представитель князей Гечба, владевших приморской частью г. Сочи. В конце XVIII в. Гечба Арсланбей был Сухумским наибом. Личность этого князя собственноручно подтвердил Г. Гагарин на одном из набросков к этому рисунку. Крайний слева — выдающийся политический деятель Кац Маан. Он был первым министром при дворе владетельного князя Абхазии. На русской службе достиг чина генерал-майора. Он — решительный командир, гибкий дипломат, общительный и прозорливый собеседник, жестокий подавитель любого мятежа.

Невысокий аристократ с остренькой бородкой — князь Аублаа Али Ахмет — владетель Сочи.

Справа от кн. Гечба Арсланбея стоит князь Зоскан Амарщан. Ему принадлежал Дала — труднодоступный край в центре Абхазии. Он был сторонником русских и подписал клятву, данную русскому царю в 1837 г. Был убит 7 октября 1841 г. в сражении с абхазами, противниками русской власти.

Из-за спин выглядывает молодой княжич Ростом Инал-ипа. Он принадлежал к роду, владевшему замлями в нижнем течении Бэыби. Молодой князь Ростом Инал-ипа воспитывался в доме своего аталыка — предводителя убыков Хаджи Керантука.

Абхазские князья стоят в окружении своих телохранителей, которые набирались из личных дворян. Художник зарисовал их с натуры в Сочи и Адлере во время событий 1841 г. В это время владетель Абхазии Михаил Чачба, оказывая услуги русскому правительству, старался склонить предвоителей Малой Абхазии и черкесского племени убыков прекратить сопротивление и покориться. Весной 1841 г. его миротворческие усилия были особенно активными и успешными — 4 мая было заключено соглашение с убыками, 12 мая принес присягу на верность российскому престолу князь Аублаа Али Ахмед. Г. Гагарин изобразил группу участников сочинских переговоров, происходивших в мае—июне 1841 г. (Чачхалия, 85— 91).

Рис. 9. Личный конвой императора Николая I из черкесских дворян 1840—1845 гг.

народностей — черкесов, грузин, калмыков и абазов. Наибольший спрос существует на черкесов; женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Мужчины также все высоки ростом и хорошо сложены» /Пейсонель,177, 188/.

В вассальной зависимости от Крыма Кабарда находилась до 1739 г. В 1739 г. согласно русско-турецкому договору Кабарда была объявлена нейтральной страной; но уже по Кучук-Кайнарджийскому русско-турецкому договору 1774 г. Кабарда перешла в состав Российской империи. Закубанские адыги остались под протекторатом Крыма, хотя последний сам оказался вассалом не Турции, а России. По русско-турецкому Ясскому договору 1791 г. за Турцией сохранялось все Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа вплоть до Кубани. Как известно, в 1801—1810 гг. в грузинских царствах было введено российское управление, а в 1813 г. по Гюлистанскому договору с Ираном граница России передвинулась на Араке. Таким образом, Северный Кавказ оказался в тылу Российской империи. В 1816 г. на Кавказ был назначен главнокомандующим А. П. Ермолов. Основным направлением его политики стало установление на Северном Кавказе реальной русской военно-административной власти. Для этого Ермолов предпринял перенос укреплений военной линии с Терека к подножию Кавказского хребта, что привело к потере горцами плодородных земель в Чечне, Кабарде и Северном Дагестане. Горцы ответили сопротивлением, возглавленным князьями. Так в 1818 г. началась Кавказская война. Часть кабардинских князей, не признавших русскую власть, ушла в горы и увела своих людей. Горцы стали совершать наезды на казачьи станицы, угоняя их жителей и скот. В ответ Ермолов направлял карательные экспедиции, разорявшие и сжигавшие селения, захватывавшие скот и взимавшие поборы с населения. Ожесточенная война между русскими войсками и населением Кабарды и Чечни продолжалась в течение 20-х годов XIX в. Ермолов добивался расселения местных жителей под

Рис. 10. Форма конвойца эпохи Николая I. Хранится в музее замка Шантийи во Франции

надзор военных укреплений. По его распоряжению беспощадно вырубались леса и сады, сжигались селения. В результате, несмотря на вооруженное сопротивление, чеченцы и кабардинцы были оттеснены к югу, а на захваченных у них землях заложены русские крепости и города. И. Ф. Паскевич, сменивший в 1826 г. А. П. Ермолова, продолжал ту же политику.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. внесла изменения в положение западных адыгов. По Адрианопольскому договору 1829 г. Порта отказалась в пользу России от всех прав на берег Черного моря — от устья Кубани до Поти. (По сути Османская империя уступила России то, чем сама фактически не владела.) Адыги не признали Адрианопольского договора, Россия же считала его юридическим основанием для распространения своей власти на территории, ими заселенные, и с 1830 г. стала проводить карательные экспедиции в глубь черкесской территории. В ответ началось освободительное движение. Наиболее крупные выступления закубанских горцев относятся к 1840 г., тогда было взято штурмом несколько русских укреплений на берегу Черного моря. Антиколониальная борьба горцев сочеталась с антифеодальной. Начиная с 1840 г., на Западный Кавказ посылал своих наибов Шамиль, среди которых наиболее активную роль в 1848—1859 гг. сыграл Мухаммед-Амин. Власть Мухаммеда-Амина постепенно распространилась на всю приморскую Черкесию, включая территории абадзехов, натухайцев, шапсугов. Все подвластные ему земли теперь делились на семь округов. В каждом округе утверждался свой совет, в распоряжении которого находились вооруженные конные отряды муртазикатов, составлявшие ядро постоянной армии. С каждого двора население должно было выставлять по одному конному воину, по первому призыву наиба являвшемуся на сборный пункт.

Перед началом Крымской войны в 1853 г. Мухаммед-Амин попытался пробиться через Карачай для соединения с силами Шамиля, но эта попытка, как и другие, закончилась неудачей. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. турки и англичане стремились побудить черкесов к активным военным действиям против России. Но черкесы вели себя пассивно, не желая быть орудием в чьих-либо руках. К тому же русские войска на Кавказском фронте действовали успешно. После окончания войны усилились наступательные действия царских войск на Восточном и Западном Кавказе. Освободительную борьбу горцев возглавили два руководителя: демократического направления — упомянутый Мухаммед-Амин и аристократического — князь Сефербей Заноко. Они не смогли объединиться для общей борьбы. Русские войска активно наступали, адыги отчаянно защищались. Пленение Шамиля в 1859 г. ослабило движение, и в том же году наиб Мухаммед-Амин дал присягу на верность российскому государю.

В том же 1859 г. скончался Сефербей. Горцы воевали еще несколько лет, но постепенно сопротивление племен было сломлено: в 1860 г. капитулировали натухайцы, в 1863 г. — шапсуги и абадзехи, в 1864 г. — убыхи. В 1864 г. Кавказская война была закончена и в этом регионе.

Однако народам Северного Кавказа суждено было пережить еще одну трагедию — переселение со своих земель в Османскую империю. В науке существуют разные точки зрения на причины этого переселения: его объясняют принуждением со стороны царского правительства, агитацией турецких эмиссаров, религиозными чувствами населения. Все это имело место. Действительно, в планы царского правительства входило выселение горцев со всего черноморского побережья, горцев насильственно изгоняли из родных аулов, предоставляя другие, как правило, менее плодородные земли. Иногда такие переселения совершались неоднократно. Все это побуждало горцев покидать свои края. Подобное стремление всячески поощрялось царским правительством, желавшим избавиться от воинственных и враждебных подданных. Была образована даже специальная комиссия, которая предоставляла денежное пособие желающим переселиться и оказывала помощь в предоставлении транспортных средств.

Горские феодалы, не добившись подтверждения своих владельческих прав на земли и крестьян и приравнивания к положению русского дворянства (правительство откладывало решение этого вопроса) и убедившись в неизбежности отмены крепостного права, развернули агитацию в пользу переселения. Порта сначала была

ВОЕННЫЙ УКЛАД В ЖИЗНИ ЧЕРКЕСОВ

Рис. 11. Х. Гейслер. Вооруженный черкес и знатный черкес в обычной одежде конца XVIII в. Из книги: Rommel C. Die Volker der Caucasus nacn den Berichnen der Reisebeschrieben. Weimar, 1809

По понятиям черкесского общества, представитель господствующего класса должен был заниматься только военной деятельностью. Вот как об этом писал Джорджио Интериано, итальянский путешественник, посетивший Черкесию во второй половине XV в.: «Они (т. е. черкесы. — *Э. А.)* держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был (человек) из самого древнего, даже царского рода. Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажи своей добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом» /Интериано, 49/.

Военная тренировка знатных юношей начиналась с самого раннего возраста. Знатные люди, как правило, сами не воспитывали сыновей, этим занимались их подданные, называвшиеся аталыками. Первым этот обычай описал тот же Д. Интериано: «Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одному из слуг, и тот ежедневно его возит с собою на коне с маленьким луком в руках и как завидит курицу или /другую/ птицу, а не то свинью или другое животное, то учит его стрелять, а затем, когда он станет побольше, он и сам охотится за этой живностью в своих же собственных владениях, и подданный не смеет чинить ему никаких препятствий. Сделавшись же взрослыми мужчинами, они проводят свою жизнь в постоянной охоте на диких зверей, но более всего охотятся за домашними (животными) и даже за людьми» /Интериано, 48/. Почти через два века в «Описании кабардинского народа, сочиненном в мае 1748 г.» читаем: «Новорожденный владельческий сын тотчас отдается к дятке, одному из ближних узденей (здесь подданных. — *Э.* А), который сыщет ему и кормилицу, а при возрасте обучает его стрелять из лука и из пищали и саблями рубиться и колоться и протчим военным по их обычаю экзерцицыям, также красть сперва у подданных своих овцу, корову и лошадь, а потом и к посторонним на воровство ездить для отгону лошадей и скота»

*Рис. 12. Г. Гагарин. Молодой убыхский князь и его аталык**

* Так назвал рисунок Г. Гагарин. На самом деле здесь изображен юный абхазский князь Ростом Инал-ипа и его воспитатель, аталык, убыхский дворянин, один из лидеров горского сопротивления Хаджи Керантух Берзек (Чахкалия, 93— 94)

/ОКН, 159/. Таким образом, аталык должен был научить своего воспитанника прекрасному владению оружием, стрельбе в цель, умению выездить боевого коня, неожиданно напасть на неприятеля и уйти от погони. Аталык также приучал воспитанника переносить голод и бессонницу. По окончании обучения он отвозил юношу в родительский дом, подарив ему хорошее вооружение, коня и одежду.

Идеология господствующего класса влияла и на идеологию всего общества. Джигитом считался удалой наездник, меткий стрелок, удачливый захватчик. Умение хорошо скакать на коне, метко стрелять в цель высоко ценилось во всем черкесском обществе. Ведь во время войны не только дворяне должны были воевать, эта обязанность лежала и на крепостных крестьянах, выходивших со своим владельцем, и на свободных общинниках. Дети простых людей воспитывались дома, но также получали все элементы военной подготовки. В результате все мужчины владели военным делом, совершенствуя свое военное искусство в разнообразных военно-спортивных соревнованиях, очень распространенных в черкесском обществе. Эти соревнования сопровождали различные события жизни. Во время свадьбы устраивались скачки и стрельба в цель, а в песнях, которые пелись на свадьбе, также прославлялась доблесть. На поминках, происходивших в годовщину смерти знатного человека, устраивались скачки и джигитовка, а затем стрельба в цель для конных и пеших. За нею следовала стрельба в «кабак», характерная только для поминок. В этом соревновании участвовали лишь отличные стрелки. И. Ф. Бларамберг к стрельбе в цель из ружья, пистолета или лука прибавлял еще метание «джерида» — легкой палки длиной 3 фута /Бларамберг, 388/.

Искусство владения черкесами оружием поражало европейцев. Так, Джемс Белл (английский политический агент, живший среди черкесов в 1837- 1839 гг.), во время состязания 31 мая 1837 г., обратил внимание на одного молодого человека, выделявшегося среди товарищей могучим сложением, гибкостью и живостью, который показал кроме «замечательного искусства управлять лошадью и уменья на всем скаку вынуть ружье из чехла, поднять курок и выстрелить в шапку, брошенную на землю, еще и другое проявление ловкости... а именно, выпрыгнуть из седла на землю и почти в то же мгновение зарядить ружье и выхватить саблю из ножен» /Белл, 475/.

Численность вооруженных сил черкесских племен в общих чертах определил турецкий географ и путешественник XVII в. Эвлия Челеби. Описывая осаду турками в 1640 г. Азова, захваченного донскими казаками, он сообщил, что от 10 черкесских племен в турецком войске находилось 40 тыс. отборных воинов /Челеби, II, 28/. В 1666 г. он же посетил земли одиннадцати черкесских племен и составил перечень вооруженных сил их князей. Турецкий географ сообщал, что племя шегаке, насчитывавшее 10 тыс. человек, располагало 3 тыс. конных и пеших воинов; князь племени большая жанэ возглавлял десятитысячный отряд конных и пеших, а у малой жанетии было всего 3 тыс. воинов. (Племя жанэ в начале XIX в. было почти истреблено в столкновении с татарами, его остатки слились с натухайцами.) Князь племени хатукай был «владельцем 8 тыс. хорошо вооруженных воинов»; семеро братьев-князей племени болоткай (по-видимому, темиргоевцев) имели в своем распоряжении тысячу (по другой редакции — 10 тыс.) «отборных воинов»; глава бжедугов (Челеби пишет бузудуков) командовал 3 тыс. человек. Бесленеевцы могли выставить 5 тыс. воинов. Князья племен Кабарды распоряжались в общей сложности 10 тыс. человек, а страны «Таустан» (Малой Кабарды) — 12 тыс. и т. д. Всего, согласно Эвлия Челеби, Черкесия могла выставить 64 тыс. воинов и еще 38 тыс. принадлежали союзным адыгам ногайцам (у племени чобан — 20 тыс., племени новруз — 10 тыс., деви - 8 тыс.) /Челеби, II, 52, 54, 56, 63, 64, 66, 68, 73, 75, 76, 78, 84, 86, 88, 89, 97/. Генерал-лейтенант русской службы Иван Федорович Бларамберг, получивший в 1833 г. задание составить описание народов Северного Кавказа, полагал, исходя из общей численности населения, проживавшего в 60 тыс. дворов (примерно 514 900 жителей), что черкесы могут выставить более 60 тыс. человек, считая по одному воину с каждого двора /Бларамберг, 401/.

Войско каждого князя состояло из трех частей. Князь и высший слой дворянства — уорки — составляли профессиональное войско, которое было

Рис. 13. Г. Гагарин. Натухаец из Анапы

Рис. 14. Г. Гагарин. Кабардинец

прекрасно вооружено и снаряжено. Оно было конным. Каждый всадник имел защитное вооружение, состоящее из шлема, кольчуги, налокотников, кольчужных перчаток. Наступательным оружием в доогнестрельный период являлись лук и стрелы, дротики и копья, мечи и сабли. Джиованни Лукка, префект доминиканской миссии в Каффе (Феодосии), составивший описание черкесов около 1625 г., писал: «Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют шашкой. Орудием для нападения, кроме лука, служат им копья и дротики. Голову защищают они кольчатым шишаком, покрывающим лицо» /Лукка, 71/.

Вторую часть войска составляла также дворянская конница, предоставленная вассалами наиболее знатных уорков. Эти всадники должны были выводить с собой, в соответствии с достатком, своих зависимых людей — крепостных крестьян или слуг. Крестьяне и слуги составляли третью часть войска. В случае большой военной опасности к ним присоединялись и свободные крестьяне. Защитного вооружения воины-крестьяне не имели. Они сражались в пешем строю и со времени появления огнестрельного оружия были им вооружены. Видимо, об этой части войска писал Эвлия Челеби: «Их пешие воины все имеют ружья и стреляют свинцовыми пулями так метко, что попадут в глаз блохе» /Челеби, II, 59/. Сложившийся порядок сохранялся и в начале XIX в. В труде русского исследователя Кавказа С. М. Броневского, написанном в 1810 г., говорится: «Всякий первостатейный узденъ (здесь уорк. — *Э. А.)* обязан поставить известное число воинов, распределенных по числу дворов и по другим местным удобностям. По собрании сих участников, старший в своем роде князь ведет их

Рис. 15. П. С. Руссель. Черкесы, 40-е годы XIX в.
(ГИМ № ИШ 71880/21858)

против неприятеля, сохраняя всегда начальство над своим участным отрядом. Каждый отряд состоит из панцирников, простой конницы и пехоты. Князья и уздени, одетые в панцири с ближними их людьми, составляют отборную конницу наездников, прочие разделяются на простую конницу и, смотря по обстоятельствам, на пехоту, в коей служат одни крестьяне, открывая звание стрелков при случае защиты тесных проходов» /Броневский,122/.

В черкесском обществе право владеть оружием имели независимые сословия. Зависимому населению в случае нужды оружие предоставлял их господин. Французский консул в Каффе в 60-х годах XVIII в. Карл Пейсонель сообщал: «Беи, знать и сипаги одни имеют право носить оружие или иметь его у себя; это воспрещается всем подданным сервам. С тех пор как знатный стал беем, его единственная забота — обеспечить себя достаточным количеством оружия для вооружения всех подданных его владения; когда он идет на войну, все кулы, которые должны за ним следовать, приходят к нему за луками, стрелами, саблями, ружьями и пистолетами; по их возвращении они приносят на склад оружие, которое взяли» /Пейсонель, 201/*.

* К. Пейсонель следующим образом раскрывает значения употребляемых им терминов: бей — глава семьи, управляющий племенем; кул — раб; сипаги — кулы, получившие свободу и возвратившиеся на родину; серв — крепостной крестьянин (Пейсонель, 201).

Положение начало изменяться в середине XIX в. Джемс Белл писал: «Здесь, как и везде, переворот, который произошел в системе ведения войны, как следствие развития торговых сношений, вызвал коренные изменения в общественных делениях на классы. Кольчуга, шлем и лук составляли вооружение князя или дворянина; если допустить, что этим вооружением и разрешалось пользоваться простым смертным (утверждают, что это им не разрешалось), то все же эти предметы стоили слишком дорого, чтобы они могли бы стать общим достоянием, ни один из них не изготовлялся в стране*. Многие из этих кольчуг были непроницаемы для пуль, и в то же время, когда еще огнестрельное оружие мало употребляли, один храбрый и сильный человек был сам себе господином; кроме того, его защиты должны были искать все, кто находился по соседству и кто не пользовался правом иметь такое же оружие или не имел средств, чтобы вооружиться, как и он. Но те две причины, которые я привел, вызвали большие изменения. Кольчугу, за которую приходилось отдавать от 10 до 200 быков (в зависимости от качества), можно теперь приобретать за половину ее прежней стоимости (ввиду того, что теперь, как убедились, она не может служить защитой от пушечных выстрелов), вместе с тем лук — значительно менее действенное и к тому же более дорогое оружие, чем ружье и пистолет. Сейчас каждый пастушок обладает или ружьем, или пистолетом, а иногда и тем, и другим. Многие из токавов и даже рабов стали путем торговли (заниматься торговлей всегда считается унизительным для двух других сословий) значительно богаче, чем большинство дворян и князей, и поэтому имеют возможность приобрести все, что необходимо для своей защиты» /Белл, 499/.

Писатели, ученые, путешественники, посетившие Черкесию в первой половине XIX в., оставили описание виденного ими черкесского оружия. Г.-Ю. Клапрот, русский академик, ученый-ориенталист, побывавший на Северном Кавказе в 1807—1808 гг. с научными целями, писал о черкесском вооружении: «Черкес никогда не выйдет из своего дома невооруженным, по меньшей мере он носит обычно саблю или кинжал у пояса, на плечах у него бурка (по-черкесски джако, по-татарски ямач и по-армянски япинджи). Полным вооружением считается, кроме ружья и пистолетов, кольчуга (афе), небольшой шлем (кипха) или большой (таш), железные перчатки (аштельт), нарукавники (абшумбух). Если они выезжают в поле или наносят визиты, то бывают вооружены луком и колчаном со стрелами. Щит же у них не распространен. Все их оружие вообще прекрасного качества, но очень дорогое. Комплект оружия князя оценивается примерно в две тысячи рублей серебром» /Клапрот, 266/. Это описание дополняет Жан-Шарль де Бесс, венгерский ученый, предпринявший в 1829 г. поездку на Кавказ также с научными целями. «Когда черкесы одевают парадную форму, они носят кольчугу, называемую афех, маленький шлем, кипха; их манто, бурка, делается из мохнатого войлока; черкесы называют его джако, а татары — ямаче; простолюдины носят кусок козьего меха, чтобы укрываться от дождя; в плохую погоду они носят на голове своеобразный капюшон, именуемый башлык. Свои ружья, «молоток» они носят на ремне и укрывают в кусок козьей или барсучьей шкуры, не пропускающей воду и влагу. К поясу, «каес», они прикрепляют единственный пистолет; спереди на поясе висит длинный кинжал, а на боку — сабля. Подобное черкесское вооружение перенято даже офицерами черноморских казаков и на всей Кавказской линии» /Бесс, 335/. Кольчуга и другие части защитного вооружения надевались при походах или в торжественных случаях. Повседневно черкесские воины носили костюм, общий для всех слоев общества. Он состоял из рубашки, двух кафтанов, штанов, ноговиц, обуви и шапки. Рубашка шилась из белой или крашеной хлопчатобумажной ткани или полотна или из красной шелковой ткани, застегивалась на груди. Сверху на рубашку надевался кафтан — бешмет. Он шился из шелка или из ситца, преимущественно одноцветного, и украшался галунами и вышивками. Иногда этот кафтан делался на вате. На кафтан сверху надевался еще один, верхний, который черкесы называли циех, татары — чекмень, русские — черкеска. Рукава нижнего кафтана

* С последним утверждением Дж. Белла трудно согласиться. О производстве оружия в Черкесии см. далее.

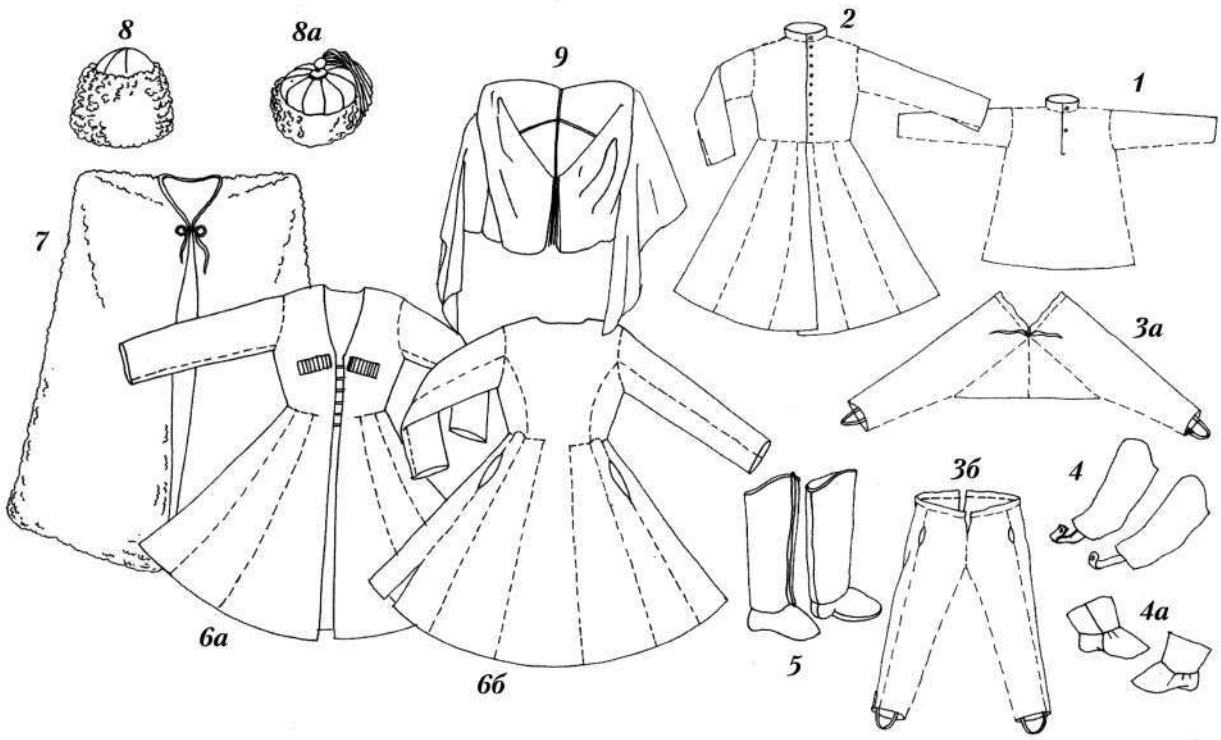


Рис. 16. Черкесский костюм: нижняя рубаха (1), бешмет (2), штаны (2 типа) (3а, 3б), обувь (2 типа) (4, 4а, 5), черкеска (спереди (6а) и сзади (6б)), бурка (7), шапки (8, 8а), башлык (9) (Студенецкая, рис. 8—15)

выпускали наружу, наподобие манжет. У кабардинцев нижний кафтан был короче чем черкеска, у западных черкесов — длиннее. Черкеска шилась из сукна местной выработки довольно грубого качества, серого, голубого, фиолетового, желтоватого, коричневого цветов. Черкеска не имела воротника, она плотно облегала фигуру сверху, застегивалась спереди на крючки. Длина черкески достигала середины бедра, немного выше колен. На талии черкеска и нижний кафтан туго стягивались тонким кожаным ремешком. На груди по обе стороны от разреза к бокам пришивались восемь карманчиков, вернее по одному карману с 8 отделениями для патронов. Карман делали из сукна или из сафьяна. Низ черкески обшивался галунами, иногда галун нашивался и на спине. Черкеска могла быть сшита из шелка. Лонгворт, английский журналист, живший в Черкесии, пишет, что на празднике, на котором он присутствовал, некоторые молодые дворяне красовались в новых шелковых черкесках, обшитых по краю серебряными галунами. /Лонгворт, 579/. Штаны шились из местного сукна серого, белого, бурого, коричневого, синего цветов или из полотна. Покрой их бывал двух видов. Широкие сверху (шальвары), с колен начинают сужаться, образуя складки под коленями, плотно обтягивая колени и икры. Снизу ступни ног перехватывались красными проймами. Сбоку на штаны нашивался серебрянный галун. Низ штанов до середины икры заправлялся в чулки — ноговицы — из кожи или из мягкого коричневого войлока или в пестрые вязаные носки с яркими завязками. К верхнему краю ноговицы прикреплялся кожаный ремешок из двух кусочков сыромятой кожи, который подтягивал ее кверху и завязывался над и под коленом. Так как тонкая шерсть была дорогая,

то для экономии нередко ту часть штанов, которую закрывали полы черкески, шили из хлопчатобумажной ткани. Чтобы не портить штаны во время верховой езды, сверху надевали что-либо похуже. Второй вид штанов — панталоны, очень удобные, спускающиеся до пят поверх обуви, по швам украшенные золотым или серебряным галуном.

Употреблялась обувь двух видов. На наговицы (чулки) надевались кожаные туфли (месты), очень узкие, которые при первом надевании изнутри смачивались мыльной водой и после высыхания на ноге сохраняли ее форму. Туфли шились из кожи или из сафьяна разного цвета: красного — для князей, желтого — для дворян, черного — для простого народа. Они кроились точно по ноге со швом посередине, без подошвы. Сзади немного вырезались. Особенно красиво, по замечанию очевидцев, выглядели красные туфли из сафьяна, украшенные серебряной вышивкой. Второй вид обуви, которую носили молодые дворяне в праздничных случаях, — это элегантного цвета сафьяновые туфли с очень высокими каблуками, благодаря которым человек казался выше ростом. На голове черкесы носили шапку (колпак «борк»), по форме напоминающую половину дыни. Шапка шилась из сукна, а по краю оторачивалась широкой полосой меха, чаще черного, реже белого цвета. Мех мог быть бараньим, козьим, каракулевым, мелко завитым или плотным, густым длинным или коротким. Шапка придавала индивидуальность одежде.

Колпак мог быть красного цвета, покрывать верхнюю заднюю часть головы; к верхней части прикреплялись золотые или серебряные галуны. Черкесский верхний костюм был очень удобен в обычной будничной жизни, для верховой езды и военных походов. Недаром он был перенят у черкесов другими народами Кавказа, а также русскими казаками. Черкесская знать часто не выделялась своим костюмом. Многие очевидцы и в XVIII—XIX вв. отмечали, что на князьях и на знатных уорках одежда не очень хорошая, но зато оружие прекрасное.

Генерал-лейтенант И. Ф. Бларамберг, несколько раз побывавший на Северном Кавказе в 1830—1840 гг. и тщательно изучивший этот край по сведениям, собранным в штабе Отдельного Кавказского корпуса, писал: «Главная роскошь у черкесов состоит в их оружии; хотя их особенно интересует само качество оружия, они все же неравнодушны и к богатому украшению оружия. Их сабли, кинжалы, пистолеты, ружья, сбруя и так далее покрыты украшениями из серебра и золота превосходной работы. Седла и ножны шашки украшены галунами. Они никогда не продают свое лучшее оружие, и оно обычно переходит по наследству от отца к сыну» /Бларамберг, 364/.

Так как оружие имело высокую материальную ценность, то оно играло большую роль при жизненно важных расчетах. В плату за невесту — калым — всегда входило оружие. Д'Асколи, возглавлявший в 1625—1634 гг. доминиканскую миссию в Каффе, писал: «Отцам и братьям намеченных девушек молодые чиркасы дают в приданое некоторое количество коней, кольчуг, красивых мечей, платьев, серебряных чаш, смотря по тому, сколько они потребуют того или другого» /Д'Асколи, 65/. Но и позже условие осталось прежним. У П. С. Потемкина, командующего Кавказским корпусом, находим (1784 г.): «Жених должен платить за невесту калым, то есть вывод, рыцарскими доспехами, как-то: панцирями, наручами, ружьем и тому подобным» /Потемкин, 362/. О калыме, состоявшем в XIX в. из скота и оружия (сабель, ружей, кольчуг), пишут Г.-Ю. Клапрот, Ж.-В. Тэбу де Мариньи, посещавший причерноморскую Черкесию в 1818—1824 гг. И. Ф. Бларамберг сообщил более подробно, из каких видов оружия состоит калым: у князей и дворян обязательны кольчуга, шлем, боевые перчатки и налокотники, шашка, мальчик-раб, восемь быков, конь, лошадь; остальная часть калыма выплачивалась в виде 20 быков, ружья и пистолета. У простолюдинов непременную часть калыма составляли ружья с серебряной насечкой, две лошади, два быка, 10 баранов и коз, медный котел; остальное в виде рогатого скота выплачивалось в течение трех последующих лет /Бларамберг, 383/.

Таким образом, мы видим, что в дворянский обязательный калым и в XIX в. входили защитный доспех и шашка, а в простонародный — ружье, то есть по-прежнему дворянин был всадником в защитном вооружении, а простолюдин — стрелком из ружья. Оружие входило также и в уплату штрафа за убитого. В плату за кровь дво-

Рис. 17. Кабардинец в старинном вооружении

рянина включались панцирь, шлем, шашка, налокотники, ружье, серебряный кубок, хороший конь, 23 лошади, быки /Дубровин, 230/. Немного иной набор приводит И. Ф. Бларамберг: шлем, кольчуга, шашка, хороший конь, семь рабов и другое имущество /Бларамберг, 393/. Как видим, в части, касающейся оружия, эта плата совпадала.

Оружие играло большую роль при свадебном обряде. Во время свадьбы устраивались скачки и стрельба в цель; в песнях, которые пелись на свадьбах, прославлялась воинская доблесть. На свадьбу мужчины приходили в кольчугах. Свадебный поезд — арбу с невестой — сопровождали всадники с песнями и стрельбой из ружей и пистолетов. Выстрелы, дым от которых стлался туманом, постоянно звучали во время свадьбы. Мастерски исполненный танец или музыка в знак одобрения сопровождались пальбой. «Даже к такому, казалось бы, мирному развлечению, — писал Д. Белл в 1837 г., — должно всегда здесь примешиваться нечто воинственное: так, ежеминутно раздавались выстрелы из пистолетов над кругом танцующих, и непрестанно этот круг находился под угрозой быть прорванным под натиском всадников (некоторые вожди принимали в этом участие, но никто из них в танцах), которых, однако, сдерживает кучка молодых пеших людей, старающихся визгом и ударами ветвей пугать коней» /Белл, 481/.

В глазах черкеса богатство олицетворяют только оружие и лошади. «Этот черкес, который едва имеет во что одеться и крышу жалкой лачуги над головой, может быть обладателем ружья стоимостью в несколько сот рублей и соответствующих сабель, кинжалов и ножей. Выходя из дому, он украшает себя этим оружием» /Монпере, 442/.

Об этом же пишет Тэбу де Мариньи:«Предметами роскоши у черкесов считается прекрасное оружие. За которым они следят с величайшим терпением» /Мариньи, 295/. Об уходе за оружием Г.-Ю. Кларпот пишет: «Одно из основных занятий их состоит в том, что они приводят в порядок и чистят оружие; и действительно, их оружие содержится постоянно в образцовом порядке, очень блестящим и красивым. Уже с раннего утра они опоясываются саблей и кинжалом и проверяют, не пострадало ли остальное вооружение от влажного ночного воздуха» /Клапрот, 266/.

Оружие составляло главное убранство комнаты. Существовал обычай, согласно которому черкесы, входя в дом, «отдают слугам все свое оружие, которое тут же развешивается на стенах рядом с оружием хозяина», они «оставляют при себе только кинжал, с которым не расстаются никогда». Дом натухаевского князя Индар-оглы имел «гостевое помещение, где стены были украшены саблями, кинжалами, луками, стрелами, пистолетами, ружьями, шлемами и большим числом кольчуг». «При входе с нас также было снято оружие», — сообщал Тэбу де Мариньи /Мариньи, 296, 307/. Французский ученый Дюбуа де Монпере, посетивший Черкесию в 1833 г. и подробно ознакомившийся с ее жизнью, подтверждает, что «единственным украшением стен жилища князя является оружие всех видов, кольчуги, луки, стрелы и т. п., развешанные на гвоздях». И добавляет: в доме «одежда и оружие развешиваются на деревянных крюках» /Монпере, 436, 438/. По словам Джемса Белла, стены комнаты в черкесском доме «покрыты циновками прекрасной работы», «на них тесно располагался ряд деревянных колышков для того, чтобы вешать на них оружие гостей» /Белл, 464/.

Итак, значительная численность вооруженных отрядов, участвовавших в постоянных набегах, усобицах, борьбе за независимость; многообразный состав вооружения, разработанная система обучения военному искусству, высокий социальный престиж воина, социальное неравенство разных слоев в праве на владение теми или другими видами оружия, наконец, роль оружия в общественном быте — все это говорит о большом весе военного уклада в жизни черкесов. Естественно, что в подобном обществе важное значение придавалось производству и ввозу вооружения, а также его традиционно развитому украшению.

ПРОИЗВОДСТВО И УКРАШЕНИЕ ОРУЖИЯ

На основании изучения археологических и письменных источников исследователи истории черкесов пришли к выводу о существовании у них со времени раннего средневековья ремесел, связанных с обработкой металла, — кузнечного и серебряного. Именно они вышли за рамки домашней промышленности и достигли уровня профессионального ремесла. Кроме мирного применения, эти ремесла специализировались на производстве оружия, были тесно связаны с его изготовлением и украшением.

Городов у черкесов не было, ремесло носило сельский характер. Существовали крупные селения с развитым ремесленным производством. О подобных населенных пунктах сообщил в 1666 г. Эвлия Челеби. Во всех домах большого селения племени шегаке, состоящего из 550 домов, писал он, «есть очень способные, ловкие, искусные люди, рукам которых не чуждо ни одно ремесло». В другом большом селении Субай, ставке князя племени хатукай, насчитывавшем 500 домов, все население — ремесленники, хотя лавок там не было. «Все работают дома. Здесь же находятся и все мастера». Турецкий путешественник посетил также большое селение племени бесленей, «достойное называться городом», в котором живет «народ искусных умельцев», и крупное селение в Большой Кабарде близ берега реки Кумы, где «народ весьма искусный: каждый у себя в доме занимается ремеслом». Он даже отметил, что существуют племена, для которых ремесло было главным занятием. Так, в селениях племени адами, принадлежащего к темиргоевцам, «все население — народ ремесленный», еще два племени — такаку и мамшука — состоят не из воинственных народов, большинство из них не имеет ни оружия, ни снаряжения. Это ремесленные народы, среди них существуют искусные портные, есть и кузнецы /Челеби, 11, 56, 65,69,71,76-78,86/.

Специализированных центров с кузнечным, оружейным и ювелирным производством в Черкесии, по-видимому, не возникло, в противном случае они, хотя бы однажды, были упомянуты посещавшими ее иностранцами. Сырье для металлических изделий добывалось на месте, а частично ввозилось извне. О добыче и переработке руды в Черкесии сообщают французский коммерсант Ж.-Б. Тавернье и немецкий

врач и путешественник Э. Кемпфер*. Ж.-Б. Тавернье пишет: «Они все настолько трудолюбивы, что сами добывают железную руду которую затем расплавляют и из которой изготовляют различную домашнюю утварь» /Тавернье, 81/. Э. Кемпфер ему вторит: «Они очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куют и изготавливают из него всякого рода орудия» /Кемпфер, 117/. И. Ф. Бларамберг полагал, что, поскольку черкесы «не имеют представления о геологической разведке и эксплуатации шахт, они используют только такие минералы, с помощью которых можно получить металл без особого труда». «На территории абадзехов, — продолжал он, — у подножия горы Ногокоссого имеется самородное железо в форме крупного песка; абадзехи собирают его и без особого труда выплавляют в виде слитков, пригодных для использования в различных целях. В недрах земли черкесов имеются также медь, свинец и серебро, но в малых количествах» /Бларамберг, 371/. Железную руду залегавшую в долине реки Шавдан, в Балкарии, в Чегемском ущелье, жители переплавляли и смешивали со свинцом, который добывали в выработках горы Экаргаджейтау (Свинцовая гора); из полученного сплава отливали пули. Еще одно место свинцовых разработок находится на горе Исди-хонг в Балкарии по пути в Дигорию /Клапрот, 255, 257/. Железо производилось методом сырого дутья; его доводили до мягкого состояния, поддававшегося ковке. Из местного металла изготовлялись сельскохозяйственные орудия, предметы домашней утвари и оружие. Как писал Тэбу де Мариньи, «кузнецы выковывают ножи, топоры и гвозди» /Мариньи, 308/. Профессия кузнеца была широко распространена в Черкесии и пользовалась большим уважением.

С профессией кузнеца связаны различные легенды и поверья. Покровителем кузнецов считался Тлебс /Тлебш/ — бог железа и оружия. Существовало предание, согласно которому Тлебс был кузнецом, отличавшимся святой жизнью и изготовлявшим такие сабли, которые рассекали целые горы железа. По преданию, Тлебс похоронен в лесу и его могила посыпана железными опилками. Тлебс очень любим народом, его имя произносится как клятва. В праздник, ему посвященный, черкесы молились, лили хмельные напитки на лемех и топор; после этих обрядов ели, пили и предавались забавам, главной из которых была стрельба в цель, преимущественно в яйцо, поставленное на видном месте. К Тлебсу прибегали с молитвой об излечении раненого/Дубровин, 109/.

Местного сырья для производства оружия и сельскохозяйственных орудий не хватало, поэтому значительное количество металла и готовых металлических изделий ввозилось из-за границы. С XII в. большую роль во внешней торговле Черкесии стали играть генуэзские колонии. Генуэзские купцы проникали на северные и восточные берега Черного моря, плавали по Кубани. В XIII—XIV вв. они основали ряд поселений в Крыму и на Кавказе. На Северном Кавказе самыми крупными колониями были Матрика, Мапа (Анапа), на Кубани — Копа** и др. Генуэзские торговые фактории основывались и в глубинных районах Черкесии. Генуэзцы в обмен на черкесских рабов, продукты земледелия и скотоводства поставляли черкесской знати шелковые и бархатные ткани, пряности, золотую и серебряную посуду, различные изделия из металла. Оружие составляло существенную часть генуэзского экспорта. Память о тех временах сохранилась даже и в начале XIX в. Тэбу де Мариньи писал: «Я видел много оружия производства европейских мастеров, между прочим, много венецианских и генуэзских сабель, кроме тех, что приходят к ним по торговым путям, причем у них есть старинное оружие, большинство из них найдены в могилах, и легко можно определить время их службы, если видишь, что их ширина зачастую уменьшилась на одну треть» /Мариньи, 308/. После турецкого завоевания генуэзцы были вытеснены с Черноморского побережья Кавказа. Их города-колонии

* Оба автора Черкесию не посещали, тексты же их сообщений настолько близки между собой, что возникает мысль об использовании ими какого-то общего источника.

** Копа находилась в устье Кубани при реке Прокопе, на месте современной станицы Славянской. Матрика также находилась в устье Кубани.

пришли в упадок; главными торговыми партнерами для Черкесии стали Крым и Турция, а центрами этой торговли — Тамань и Темрюк. Через эти пункты проходили почти все товары, ввозимые в Черкесию. О торговой роли Темрюка и Тамани сообщает французский путешественник Абри де *ля* Мотрэ, посетивший Черкесию в 1711 г.: «Тамань хотя и небольшой, но очень населенный город. Его можно было бы назвать колонией армян, грузин, мингрелов и черкесов, так как они составляли большую часть его населения, что наблюдается также в Темрюке». Он пишет, что черкесы, живущие в Крыму, Темрюке и Тамани, ведут торговлю во внутренних областях Черкесии, покупают там рабов, лошадей и другие товары, в число которых входят сабли и ножи. Турецкие купцы ждут их на пристанях Керченского пролива и покупают у них товары /Мотрэ, 125,122/. В книге, посвященной исследованию черноморской торговли, Карл Пейсонель рассматривает также черкесский экспорт и импорт. По его данным, в 1750—1760 гг. в Черкесию через Тамань были ввезены 3 тыс. кинталов* свинца для ружейных и пистолетных пуль и для груза к удочкам; от 2 тыс. до 3 тыс. кинталов железа в брусках (полосах), 500—600 окк олова. Доставлялись и готовые изделия из металла: от 30 тыс. до 35 тыс. кос из Германии, 3 тыс. пар стремян из Бахчисарая и Ахмешида (Симферополя), от 3 тыс. до 4 тыс. лошадиных удил, 4 тыс. наборов подков с гвоздями для лошадей, от 5 тыс. до 6 тыс. крымских ножей, из Бахчисарая тысяча ружейных стволов /Пейсонель, 183,184,193-195/. Г.-Ю. Клапрот сообщает об иных источниках поступления оружия в Черкесию: «Часть оружия они получают от турок, часть — из Грузии, у них есть большой запас дорогостоящих старых венецианских и генуэзских мечей и пистолетов» /Клапрот, 266/. Тэбу де Мариньи сообщает о ввозе других видов оружия: «Шлемы, кольчуги и луки приходят к черкесам из Персии и Константинополя; они покупают их мало. Обычно турки поставляют черкесам дула ружей и пистолетов и лезвия сабель, которые черкесы затем налаживают на свой манер». И продолжает: «Большая часть наконечников и прекрасных кинжалов, которыми они пользуются, делается далеко проживающей народностью кумыков» /Мариньи, 308/. Дюбуа де Монпере называет среди товаров, ввозимых турками в Черкесию, порох, свинец, ружья, сабли, пистолеты /Монпере, 454/.

Итак, кузнечное и оружейное дело было развито в Черкесии. Мастера работали частично на местном, частично на привозном сырье. Ввозилось не только сырье, но и готовые изделия — сельскохозяйственные орудия, предметы конского снаряжения, турецкое и крымское оружие, а также полуфабрикаты для изготовления оружия: стволы, клинки. Черкесские мастера-оружейники достигли высокого уровня профессионализма. По отзыву Лапинского, «кузнецы очень многочисленны в стране. Они почти повсюду оружейных и серебряных дел мастера и очень искусны в своей профессии: это почти непостижимо, как они с их немногочисленными и недостаточными инструментами могут приготовлять превосходное оружие. Золотые и серебряные украшения, которые вызывают восхищение европейского любителя оружия, изготовляются с большим терпением и трудом скудными инструментами» /цит. по: Гарданов, 109/. О том, что производство оружия было широко развито у черкесов, свидетельствуют рассказы русских солдат, бывших в плену у черкесов. Они утверждают, что почти в каждом ауле были мастера-оружейники. Оружейники удовлетворяли главным образом спрос внутреннего рынка, но значительная часть их изделий шла на продажу терским и кубанским казакам и офицерам Кавказской армии. Г. И. Филипсон в своих воспоминаниях отмечал, что в период Кавказской войны «черкесское оружие носили всегда и все офицеры» российской армии. «Оружие имело условную цену, иногда до нелепости высокую. Холодное оружие было действительно недурно... Огнестрельное оружие было гораздо хуже: кремневые замки винтовок и пистолетов были старинной очень неудобной системы. Наружный вид и отделка оружия были своеобразны и очень красивы» /Цит. по: Гарданов, 108, 109, 111/. На народных собраниях закубанских племен во время Кавказской войны принимались постановления о запрещении продажи оружия в Россию.

* Кинтал — турецкая мера веса, равная 44 оккам. Окка — турецкая мера веса, равная 1,28 кг.

С появлением огнестрельного оружия понадобилось организовать производство свинца для пуль и пороха для зарядов. Согласно Эвлии Челеби, члены племени шегаке «сами изготавливают черный порох»/Челеби, II, 58/. Г.-Ю. Клапрот писал; «Порох ("гин") они (черкесы. — *Э. А.)* изготавливают сами, как почти все кавказцы. Селитру ("гин-хуч" или "гин-чух") они часто добывают в горах в натуральном виде, а частично выщелачивают ее из подстилок в стойлах скота и сами варят ее»/Клапрот, 266/. С. М. Броневский, пожалуй, уточняет это свидетельство: «Черкесы приготавливают также порох и всякий для себя делает селитру из быльника (бурьяна), в июле собираемого, который, очистив от листьев и отростков, один стебель сжигают» /Броневский, 142/. Лапинский указывал, что большое число семейств закубанских адыгов занималось исключительно производством пороха; селитра для изготовления его добывалась на месте, а сера ввозилась из-за границы /Цит. по: Гарданов, 109/.

Черкесский ученый А. Хан-Гирей писал в 1836 г., что в Черкесии «в каждом ауле в небольшом количестве приготавливают порох» /Хан-Гирей, 266/.

Но изготовляемого в стране пороха не хватало, его также ввозили из-за границы. К. Пейсонель сообщает, что в Черкесию через Тамань ввозится «большое количество пороха из Каффы и Константинополя; самый плохой продается по 20 пара* за окку; французский, когда удается его привезти, стоит до 60 пара, английский не имеет цены» /Пейсонель, 194/. По словам Г.-Ю. Клапрота, «кремни у них редки, их они по большей части получают от русских» /Клапрот, 266/. И кожу для ружейных чехлов ввозили из Крыма: от 1000 до 1500 кож в обрезках по 40 пара за штуку /Пейсонель, 193/.

Другой отраслью, в которой черкесские мастера достигли высокого совершенства, было серебряное и ювелирное дело. Существовало несколько видов работ: изготовление золотых и серебряных чаш, женских украшений и отделка оружия. Еще Д. Интериано писал, что у знатных людей в домах «имеются массивные золотые чаши, стоимостью от тридцати до пятисот дукатов, также и серебряные, из которых они пьют с величайшей торжественностью». «Если же случится им (знатным черкесам) приобрести в качестве добычи или иным путем золото или .серебро, то сейчас же они его тратят на те чаши, о которых я говорил выше, или же на украшение седла, обычней же всего — на украшение оружия» /Интериано, 49, 50/. Высокая престижность оружия требовала тщательного его украшения. И черкесы достигли в этом очень большого мастерства. Абри де ла Мотрэ сообщал в 1711 г.: «Черкесы, в особенности жители гор, ведущие торговлю с помощью обмена, не знают ни цены, ни употребления серебра; они пользуются им только для плавки и выделки украшений на рукояти своих ножей или сабель, что превосходно им удается» /Мотрэ, 133/. Тэбу де Мариньи отмечал: «Серебряных дел мастера украшают оружие, рожки для пороха, пояса и т. п. Трудно представить себе степень совершенства этой работы, красоту и правильность рисунков, наносимых на металле чернью с помощью кислоты» /Мариньи, 308/. К этому можно прибавить наблюдение Дюбуа де Монпере: «Единственный промысел, который у них развит довольно высоко, это выделка золотых и серебряных изделий. У них есть очень искусные мастера, особенно по обработке серебра и рисунку на черненом серебре; черненым серебром они покрывают рукоятки пистолетов, сабель, ножны кинжалов; они умеют также насекать узоры (выделывать дамасскую сталь) на стволах ружей» /Монпере, 454/. С. М. Броневский в 1810 г. писал: серебряники «наводят чернь с золотою насечкою на серебре и стали для конских уборов и других оружейных украшений на такой же образец и едва ли с меньшим искусством в отделке, как работают в Великом Устюге» /Броневский, 141/. Джемс Белл в дневнике за 1837 г. отмечал, что в селении Агсмуг, где он тогда находился, проживал пожилой мастер, который «проводил много времени, выполняя искусные, тонкие работы из серебра». Он сумел очень хорошо починить музыкальный ящик для Белла /Белл, 473/. А. Хан-Гирей добавлял: «В Персии и Турции и в других местах Азии вы найдете оружие более богатое, нежели в Черкесии, но с таким прекрас-

* Пара — мелкая турецкая монета, составляющая 1/40 пиастра.

ным вкусом обработанных там не увидите. Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова, и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходят» /Хан-Гирей, 265—266/.

В конце XVIII — первой половине XIX в. серебро к адыгам поступало из России через купцов, причем время наиболее интенсивного ввоза приходится на 1842—1845 гг. «За Кубань и горские деревни» в эти годы было ввезено 203 золотника и 8067 литров* серебра. После 1846 г. ввоз прекратился и в качестве материала для новых изделий использовались старые вещи /Унарокова, 100/.

Итак, в XIX в. важной отраслью деятельности серебряников было украшение оружия: шашек и кинжалов, ружей и пистолетов, а также разных предметов снаряжения — поясов-портупей, пороховниц, газырей и т. п. Много украшений производилось для седел — оковки и накладки и для конской упряжи — бляшки, пряжки и т. п. Мастера также делали разнообразные украшения к женскому костюму: пояса, нагрудники, застежки для воротника, украшения на шапочку, серьги, перстни, кольца. До 60-х годов XIX в. черкесские ювелиры полностью удовлетворяли потребности жителей в украшении и изготовлении изделий из серебра. В 1870—1880-е годы в черкесских селениях появляются дагестанские мастера. Они приезжают на заработки и привозят готовые изделия, свои и своих односельчан. Обычно они работали по нескольку сезонов, иногда же поселялись навсегда. С их появлением число серебряников в Центральном и Западном Кавказе увеличилось. В итоге в 1880-х гг. в Пятигорском отделе работали 17 мастеров, в Нальчикском округе — 47. Заработки у мастеров были хорошие — от 2 до 3 рублей в день /Мамбетов, 82, 83/.

Необходимо отметить участие женщин в украшении черкесского оружия, производстве предметов обихода воинов и их одежды. Еще Д. Интериано писал о занятиях благородных черкешенок: «Знатные женщины у них не занимаются никакой работой, за исключением вышивания и украшения кожаных изделий; они расшивают узорами кожаные кисеты для огнива и очень красивые кожаные же кушаки». И еще: черкесы имеют при себе на боку свое снаряжение, «а именно огниво в красивом кожаном кисете, который делают и расшивают им женщины» /Интериано, 49, 51/. У Тавернье находим сообщение о труде кабардинок: «Они делают много вышивок золотом и серебром для украшения лошадиных седел, колчанов, луков, стрел» /Тавернье, 81/. К этому можно прибавить и свидетельство Э. Кемпфера (1683 г.): «Знатные женщины вышивают золотом и серебром чепраки, колчаны, повязки или носовые платки» /Кемпфер, 117/. В XVIII—XIX вв. положение не изменилось. По-прежнему все нужные для жизни изделия изготавливались в семье и по-прежнему очень важную роль играл женский труд. Вот как об этом пишет Тэбу де Мариньи: «Внутри ограды каждого жилища производится все, что необходимо для его обитателей. Женщины там заняты тем, что делают из светлой пряжи сукно, напоминающее фланель; бурки, седельные подушки, полотно, одежду, обувь, галуны, ножны для сабель, чехлы для ружей и пистолетов. Черкесские княжны вовсе не освобождены от этих работ; наоборот, для них славой является выделиться, опередить в своем искусстве других» /Мариньи, 308/.

Итак, женским трудом производилась вся одежда и обувь, в том числе черкески, бурки, наговицы, перчатки; все кожаные принадлежности военного снаряжения: подушки для седел, ножны для шашек и кинжалов, налучья и колчаны для луков и стрел, а впоследствии, с распространением огнестрельного оружия, чехлы для ружей, кобуры для пистолетов.

* Литр — весовая единица, колебавшаяся от 327 до 426 г.

ОРНАМЕНТИКА НА ОРУЖИИ

Оружие, хранящееся в музеях и определяемое мною как черкесское, в большинстве не имеет ни надписей, ни музейных паспортов, сообщающих именно о черкесском его происхождении. Лишь немногие экземпляры подписаны специфически черкесским именем мастера. Поначалу только орнаментика служила признаком, позволявшим судить о черкесском происхождении вещи. Орнамент, украшающий черкесское оружие, не представляет собой чего-то специфического, он характерен и для костюма, тканей, обуви, деревянной утвари и других предметов домашнего обихода и аналогичен орнаментике женских украшений, которые очень важны для определения, так как имеют специфические национальные признаки даже в своей форме. Сопоставление орнамента на оружии с орнаментом на серебряных изделиях, тканях, деревянных и металлических изделиях позволяет говорить о черкесском происхождении большой группы оружия. Выделив эту группу первоначально по орнаменту, при дальнейшем изучении мы находим свойственные ей конструктивные признаки. Теперь можно выделить как черкесское уже и не орнаментированное оружие. Однако надо иметь в виду, что другие народы Западного и Центрального Кавказа — абхазцы, карачаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы, ингуши — в орнаментике имели много общих черт с черкесами. Поэтому термин «черкесский» следует понимать в более широком смысле, распространяя его на весь Западный и Центральный Кавказ. Рассмотрим основные типы черкесского орнамента, встречающегося на оружии и других предметах черкесского изготовления.

Стиль орнаментации черкесского серебра — анималистический и растительный с применением геометрических форм. Черкесской орнаментике присущ крупный и редкий рисунок, при котором остается много свободного фона, подчеркивающего монументальность рисунка /Шиллинг, 1940; 158/. Техника украшения серебра — гравировка и чернь. Гравировка, по-видимому, наиболее ранняя техника, знакомая адыгам; ее мы видим на изделиях местных мастеров из Белореченских курганов (XV в.), а также на шлемах, налокотниках и ружьях XVIII в. Фон у этих изделий канфарен точками (то есть на нем нанесены точечные углубления). В XIX в. преоб-

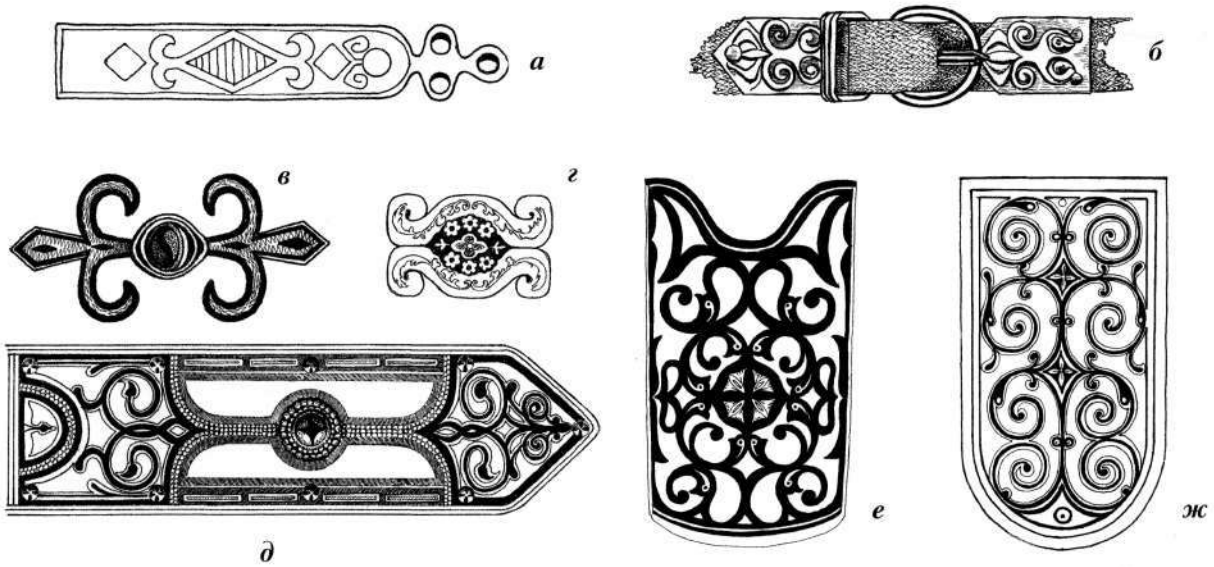


Рис. 18. Стилизованный бараний рог:
а, б — детали белореченских поясов конца XIV — XV в.; в — застежка нагрудника XIX в.; г — деталь украшения пистолета XIX в.; д — половинка пряжки женского пояса XIX в.; е, ж — наконечники ножен кинжалов

ладающей техникой становится чернь. Основной рисунок создавался свободно расположенными сочными черневыми линиями, которые с обеих сторон отчеркивались линиями вторичной гравировки. В украшении фона присутствуют два варианта: его поверхность покрывалась мелкими гравированными зигзагами, наносимыми штихелем; или фон превращался в составную часть орнамента — заполнялся гравированным стилизованным растительным узором.

Наиболее распространены следующие варианты черкесского орнамента:

1. Одним из наиболее древних элементов черкесской орнаментики является стилизованное изображение бараньего рога. Оно присутствует на бляшках из Белореченских курганов* /Веселовский, 1898; 6, рис. 33/. В изделиях XIX в. рог представляет собой закрученные в разные стороны спирали с утолщением в виде точки на конце. Нередко от спирально закрученных рогов отходят новые парные завитки, образуя в местах раздвоения стилизованный восточный двухлепестник. В виде рога делались иногда женские украшения — застежки.

2. Наиболее распространенный элемент в украшении серебра — этолепестки в форме, попарно соединенные головками. В центре головки нередко помещена точка.

Лепестки — мотив, присутствующий на пластинках из Белореченских курганов /Веселовский, 18, рис. 88а; 25, рис. 123/. К ним по форме очень близки плоские сердцевидные подвески из Пятигорских курганов, датируемых XVI—XVII вв. /Нагоев, 24, рис. 5 (7-8); 29, рис. 10 (7); 39, рис. 15/. Такого же типа лепестки мы видим на турецком ружье XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля. На серебре XIX в. форма лепестков различна: иногда они очень короткие, иногда — вытянутые, расположенные параллельно друг другу или под углом.

* На происхождение изделий из Белореченских курганов существуют две различные точки зрения. В. П. Левашева считала их работой местных мастеров /Левашева , 197—202/; М. Г. Крамаровский определяет их как привозные «латинские». /Крамаровский, 155—161/. В любом случае эти изделия бытовали у адыгов в XIV—XV вв. и могли оказать влияние на формирование адыгской орнаментики более позднего времени.

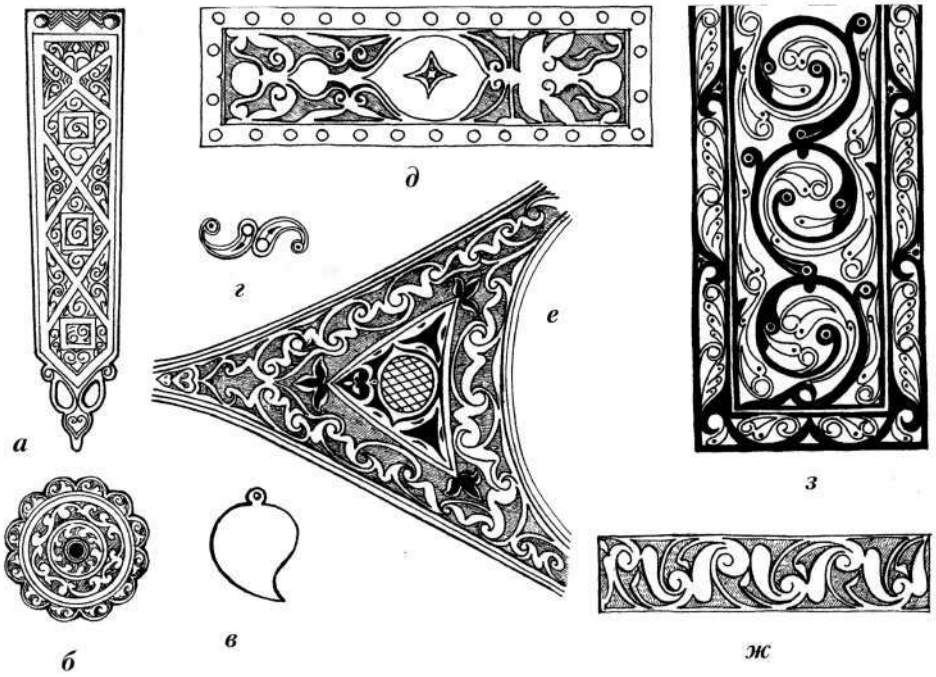


Рис. 19. Завитки в форме запятой:
а, б — детали белореченских поясов конца XIV — XV в.; в — подвеска из Пятигорского кургана XVI—XVII вв.;
г — деталь конского убора XIX в.; д,е, ж — детали украшения шлемов XVIII в.; з — устье ножен кинжала XIX в.

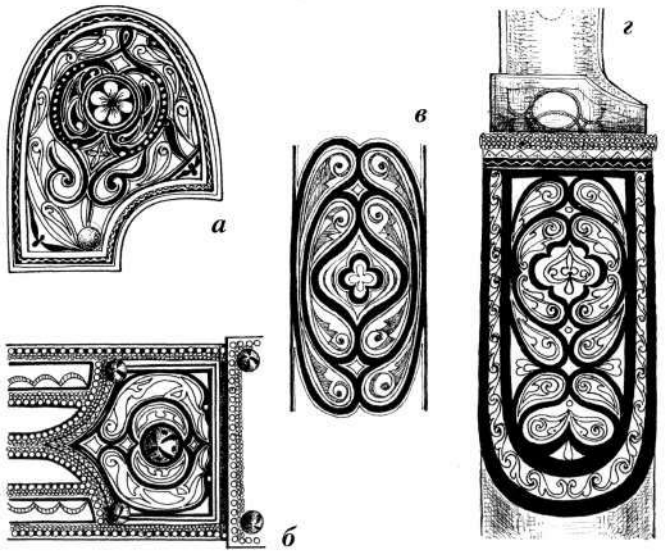


Рис. 20. Замкнутые круги и овалы:
а — головка шашки XIX в.; б — фрагмент пряжки женского пояса XIX в.;
в — деталь украшения пистолета XIX в.; г — устье ножен шашки XIX в.

Они составляют самостоятельный узор или вписываются в черневые овалы и рамки. Чаще всего рисунок выполнен гравировкой, но встречаются и чернью, с белой или черной точкой в головке. Вариантом этого орнамента является крупный раздвоенный завиток с рельефно очерченной головкой; головки завитков нередко соприкасаются. Орнамент выполнен без черни, гравировкой или чеканкой. Он украшает шлемы, мисюрки, налокотники, некоторые ружья. Часть из них датирована концом XVIII в., остальные не имеют датировки. На более поздних вещах подобный орнамент не встречается.

3. Очень распространен орнамент, построенный на сочетании черни и гравировки, когда основной рисунок выполнен чернью, а дополнительный — гравировкой. Он представляет собой черневые замкнутые круги или овалы правильной или немного сплющенной с боков формы. Круги или овалы образуют своеобразные двойные или тройные рамки, между которыми помещен гравированный рисунок: соединенные в гирлянды лепестки в форме запятой, с точками в головках или стилизованные стебли с листочками. Иногда внутренние круги превращаются в каплевидные медальоны, а внешние — в фигурную рамку.

4. Один из древних адыгейских орнаментальных мотивов — это изображение тамги, — родового знака, которым клеймили скот. Е. М. Шиллинг и В. П. Пожидаев считали тамгу одним из источников, создавших адыгейскую орнаментику. Стилизованное изображение тамги Шиллинг видел в симметричной фигуре с квадратом или ромбом в центре, от которого в противоположные стороны отходят по два рогообразных завитка. Он встречал этот узор на мешочках, кисетах и других мелких вещицах /Шиллинг, 159/; к ним можно прибавить и такие изделия из металла, как белореченская бляшка, серебряные изделия XIX в. — пояса, нагрудные украшения, головки шашек. Изображение тамги чаще можно видеть на предметах конского снаряжения — сбруях, седлах и т. п.; нередко оно и на колчанах, женских поясах, головках шашек. Тэбу де Мариньи писал, что он заметил на рукоятке одной из сабель, принадлежавших князю Мехмету Индар-оглы, фигуру, похожую на русскую букву «т», которая являлась его родовым тавром/Мариньи, 302/.

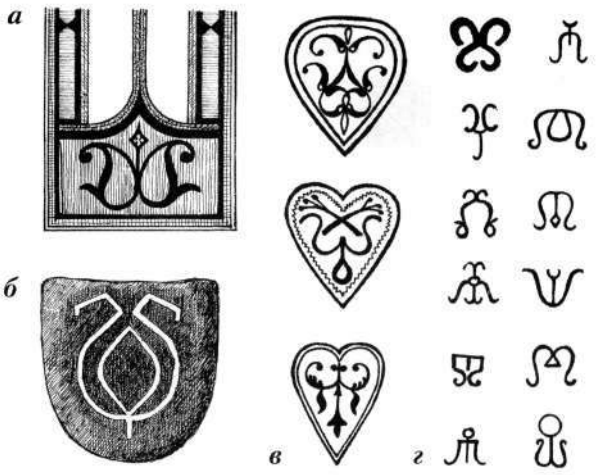


Рис.21. Тамга:
а — фрагмент пряжки женского пояса XIX в.;
б — сумочка XIX в.; в — детали конского
убора XIX в.; г — тамги некоторых адыгских родов

5. Весьма распространен в адыгейской орнаментике мотив — трехлепестник. В Белореченских материалах есть поясные наконечники, заканчивающиеся таким трехлепестником /Веселовский, 7, рис. 46, см. рис. 1/. На серебре XIX в. — на подвесках, газырях, оружии — также присутствует этот трехлепестник (на оружии, как правило, в сочетании с каким-либо еще элементом орнаментики).

6. Древним элементом черкесского орнамента являются четырех-, шести-, восьмилепестковые розетки. Они имеются и на Белореченских бляшках /Веселовский, 7, рис. 48; 27, рис. 134; 29, рис. 164а; 31, рис. 174; 34, рис. 1876; 44, рис. 226а; 59, рис. 290д/, и на серебре XIX в. — на пряжках женских поясов, и на головках шашек, где образуют центральную часть рисунка.

7. Часто встречаются солярная розетка и круги, заполненные сеткой; условное название этих кругов — «решето» или «сито». Чаще всего они присутствуют в украшении огнестрельного оружия.

8. Поверхность серебряных изделий XIX в. почти всегда украшена небольшими полусферическими шляпками, иногда гладкими, но большей частью покрытыми черневыми полосками. Характерно, что в Белореченском материале до-

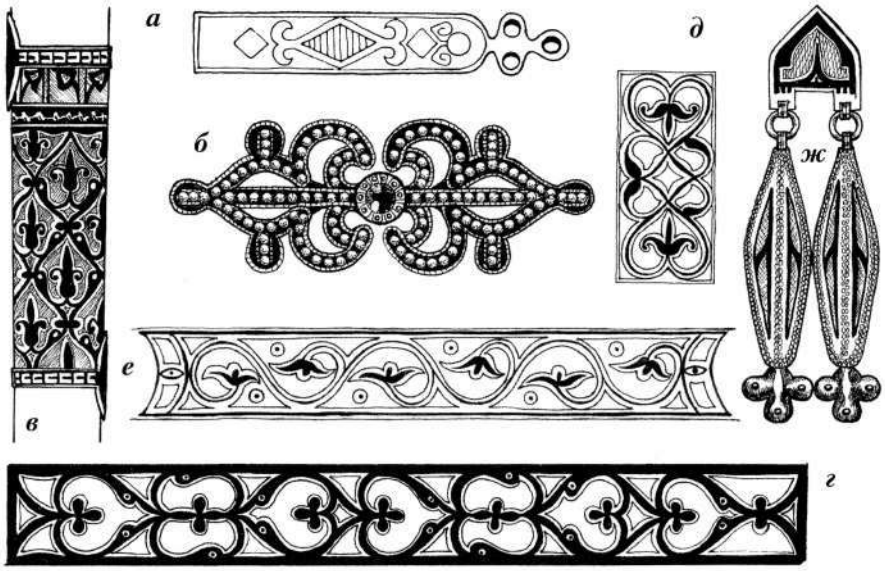


Рис. 22. Трехлепестник: а — деталь белореченского пояса конца XIV — XV в.; б — застежка нагрудника XIX в.; в, г — детали украшения пистолета XIX в.; д,е — детали украшения шлемов XVIII в.; ж — украшение к платью

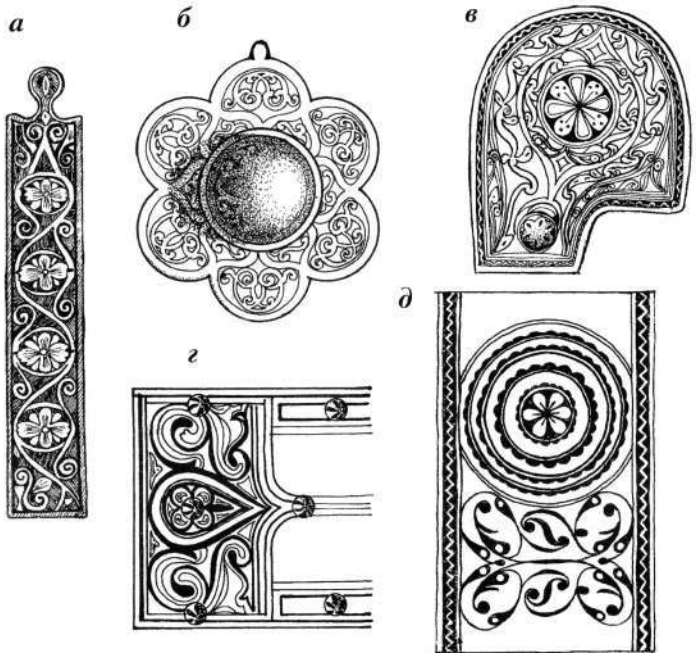


Рис. 23. Четырех-, шести- и восьмилепестковая розетки: а — деталь белореченского пояса конца XIV—XV в.; б — белореченская подвеска конца XIV—XV в.; в — головка шашки XIX в.; г — фрагмент пряжки женского пояса XIX в.; д — обоймица ружья XIX в.

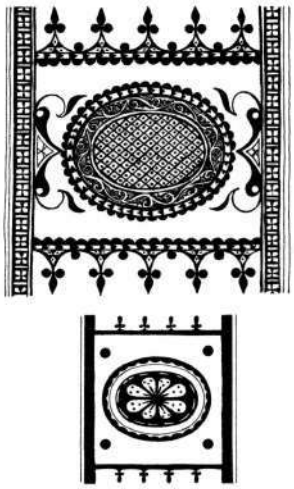


Рис.24. Солярная розетка и сито-обоймицы ружей

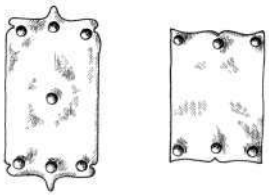


Рис. 25. Белореченская пластина с полусферическими шляпками

Рис. 26. Филигрань и зернь:
а — белореченская коробочка конца XIV — XV в.; б — фрагменты пряжки женского пояса XIX в.;
в, г — фрагменты ножен кинжала начала XX в. (ТИМ № 3771, 16344)

вольно много небольших серебряных пластинок, украшенных по контуру, а иногда и в центре крупными шляпками гвоздиков. В. П. Левашова считает их аналогичными кочевническим /Левашова, 199/. В позднее время приемы украшения, распространенные среди кочевников, видимо, вошли в адыгский стиль, где совместились и орнаментальные и вогнуто-накладные способы украшения.

9. Одним из наиболее древних и любимых украшений серебряных изделий была филигрань. Среди белореченских изделий женские туалетные приборы имеют напайные филигранные розетки из крученой проволоки и крупную зернь, края женских поясных пряжек окаймлены филигранными плетенками /Веселовский, 1898,44, рис. 226а; 47, рис. 2376; 52, рис. 257/. Такая же плетенка обрамляет пряжку от женского пояса, которая, видимо, была изготовлена ранее XIX в. На изделиях XIX в. эти филигранные косички заменены прокатками ложной зерни, более легкими в изготовлении. Крупные и мелкие зерневые прокатки встречаются в окаймлении и на свободном поле женских поясов, рукоятей шашек, подвесок мужских поясов; они обрамляют также гнезда для камней. По-видимому, зерневые прокатки становятся одним из наиболее любимых приемов украшения. Наряду с прокатками ложной зерни очень широко применяются украшения настоящей крупной напайной зернью в розетках из тонкой закрученной проволоки. Крупная напайная зернь стала очень модной в конце XIX — начале XX в. Сплошной зернью украшались серебряная поверхность рукоятей и ножен холодного оружия, мужские и женские пояса, нагрудные украшения и т. п. Эту технику применяли и местные адыгские мастера и приезжие дагестанцы.

Рис. 27. Женский пояс и браслеты. Работа черкесского мастера

На Северо-Западный Кавказ приезжает в поисках работы много дагестанских мастеров серебряного дела, главным образом лакцев и кубачинцев, а в Нальчике, Пятигорске, Кисловодске работали и армянские серебряники. Эти мастера, создавая вещи для местного черкесского населения, приспосабливались к вкусам заказчиков, но, конечно, вносили много элементов своего национального искусства и своих технических приемов. Кроме того, и они сами, и приезжавшие к ним родственники, и односельчане привозили изделия, нередко служившие образцами, которым следовали местные мастера. Так, в черкесские овалы вносились дагестанские стебли и розетки. Орнамент выполнялся в дагестанской технике глубокой гравировки, а не в черкесской — почти гладкой черни с фоном, покрытым штриховкой. Вырабатывался тип орнамента, в котором любимые местные мотивы — обрамление рисунка рядами ложной зерни, крупная напайная зернь в розетках, заполнявшая поверхность украшаемого предмета, черневые рамки — сочетались с кубачинско-лакским стилизованным растительным орнаментом (ветка и заросль), исполненным глубокой гравировкой, позолотой, чернью. Этот орнамент, назовем его дробным /см. гл II раздел «Лакский орнамент»/, особенно часто украшал кинжалы. Большое распространение получила сложная накладная филигрань, покрывающая всю поверхность; ее узор строится из крупных проволочек и сплошь заполняется завитками, розетками с крупными камнями и зернью.

В глубокой древности, благодаря вере в магическую силу изображения, орнамент играл функциональную роль, в рассматриваемое время он выражал эстетические вкусы общества.

МАСТЕРА СЕРЕБРЯНОГО ДЕЛА

К сожалению, история не сохранила имен черкесских мастеров раннего времени. На серебряных изделиях, главным образом на оружии, мы находим имена мастеров только начиная с 40-х годов XIX в. Исключение — шлемы, датированные 1785, 1896 гг., с именем мастера. Подписи мастеров на серебряных деталях оружия, украшенных черкесским орнаментом, позволяют восстановить хотя бы часть имен мастеров серебряного дела. Приводим эти подписи, их перевод, наименование предмета с указанием его номера и шифра музея.

«Работал Лбдаллах сын Лазака (?) 1280» (1863/64). Шашка с орнаментом из завитков в форме запятой(ГЭ 1918).

«Работал Абдаллах Амрихан». Пистолет с орнаментом из двухлепестников, выполненным глубокой гравировкой (ДГОМ3366).

«Работал Абдул-Азиз 1295» (1878). Шашка с черневым галунным орнаментом и рогообразными завитками (ТИМ 798).

«Работал Абдуррахман». На клинке дата «1319» (1901/02). Кинжал с орнаментом из переплетающихся завитков.

«Работал Абубекр». Пистолет с черневым орнаментом из трехлепестников и стебля с розетками и листьями (ТИМ 344).

«Работал Аклы (?) 1888». Кинжал с черневым орнаментом — спиралями из завитков в форме запятой (ТМИИВ 1530/III).

«Работал Али сын Хаджи Бакы в 1200» (1785/86). Шлем с гравированным и черневым орнаментом из двухлепестников и завитков в форме запятой (ГЭ 3331).

«Работал Али 1261» (1845). Пистолет с черневым рогообразным и двухлепестниковым орнаментом (ВИМАИВиВС 38/423).

«Работал Али 1264» (1847/48). Пистолет с черневым орнаментом из вьющихся стеблей с двухлепестниками. Кость инкрустирована серебряными проволочками (ТИМ 1231).

«Работал Али 1266» (1849/50). Пара пистолетов с черневым орнаментом типа сито (ГЭ 1003, 4758).

«Работал Али». Пара пистолетов с черневым орнаментом из трехлепестников и сита (ГЭЗЗЮ).

«Работал Али». Пистолет с черневым орнаментом из трехлепестников и сита (ГЭ 3306).

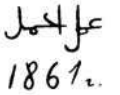
«Работал Али». Пистолет с черневым орнаментом из трехлепестников (ГИМ 1134).

«Работал Али». Пистолет с черневым орнаментом из трехлепестников. Кость инкрустирована серебряными проволочками (ГИМ 343).

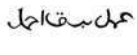
«Хамран (?) 1280» (1863/64). Пистолет с гладким черневым солярным орнаментом (ГИМ 1531).

«Работал Атлы (?)». Пара пистолетов с черневым орнаментом из двух-и трехлепестников и сита (ГЭ 1000, 4722).

«Лтлы (?) 1244» (1828/29). Пороховница с черневым орнаментом из двухлепестников (РЭМ).



«Работал Ахмед, 1861 г.». Шашка с галунным орнаментом и крупными розетками (ВИМАИВиВС 117/224).



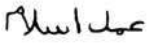
«Работал Бару к Ахмед». Пистолет с гравированным двухлепестковым и зерневым орнаментом (ВИМАИВВС 38/318).

«Работал Асаф 1268» (1851/52). Кинжал с густым черневым цветочным орнаментом (ВИМАИВиВС 121/356).

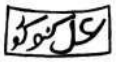
«Работал Асаф 1248» (1832/33). Пистолет с густым черневым цветочным орнаментом (ВИМАИВиВС 38/284).

«Работал Асаф 1270» (1853/54). Шашка с густым черневым орнаментом с двухлепестниками (ТИМ 777).

Три предмета являются, по-видимому, работой одного мастера.

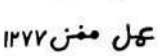


«Работал Ислам». Шашка с гравированным галунным и запятаеобразным орнаментом (ГОМКБ 3016).



«Работал Кукур». Пистолет с густым черневым цветочным орнаментом (ВИМАИВиВС 38/323).

«Работал Яйкыз (?)». Ружье с черкесским орнаментом (ВИМАИВиВС, 2/621).



«Работал Маган (?) 1277» (1860/61). Шашка с черневым орнаментом из овалов и двухлепестников (ГОМКБ 894).

«Работал Мухаммед». Кинжал с орнаментом из крупной зерни (ТИМ 3553).

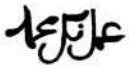
«Работал Мухаммед 1258» (1842/43). Пистолет с черневым орнаментом из трехлепестников (ВИМАИВС 38/291).

«Работал Мухаммед». Кинжал с гравированным и филигранным орнаментом (ГЭ 3378).

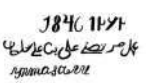
«Работал Мухаммед 1336» (1917/18). Кинжал с гравированным и черневым орнаментом из овалов и двухлепестников.

«Работал Мухаммед Али». Пистолет с черневым орнаментом из двухлепестников (ВИМАИВиВС 38/390).

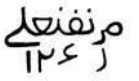
«Работал Мухаммед». Шашка с черненым и гравированным орнаментом из овалов, двухлепестников, рогообразных завитков (МИАЗ 1144).



«Работал Бек Мухаммед». Пистолет с черневым орнаментом из двухлепестников и сита (ТИМ 15503).



«Работал Муртазали сын Салтана 1846 1262». Прибор для шашки с густым черневым цветочным орнаментом (ГОИАМРД 2552).



«Муртазали 1261» (1845). Пистолет с густым черневым цветочным орнаментом (ВИМАИВиВС 38/325).

«Муртазали 1265» (1848/49). Пистолет с черневым солярным орнаментом (ВИМАИВиВС 30/330).

«Муртазали». Пороховница с черневым орнаментом из рогообразных завитков и двухлепестников (ГИМ 14304).

По-видимому, все четыре предмета являются работой одного мастера.

«Муса (далее неясно. — А. Э.) в 1796». Черкесские шлемы с серебряными накладками с орнаментом из двухлепестников, завитками в форме запятых, ситом.

ВИМАИВиВС 138/1 имеет клеймо: [84] [сБ] клеймо г. Тулы.

ВИМАИВиВС 138/411 имеет клеймо: [84] [сБ]

ВИМАИВиВС 138/384.

ГМЭ 3266 имеет клеймо [84][сБ] клеймо Москвы. НД 836.

«Работал Омар 1261» (1845). Пара пистолетов с черневым орна-

ментом из двух-, трехлепестников и сита (ГЭ 999).

«Работал Омар 1262» (1845/46). Пистолет с черневым рогообразным орнаментом (ВИМАИВиВС 38/285, 286).

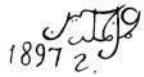
«Работал Омар 1263» (1846/47). Ружье с черневым растительным орнаментом (ГЭ 3205).

«Работал Омар 1265» (1848/49). Ружье с черневым орнаментом из вьющихся стеблей с двух- и трехлепестниками (ГЭ 2758).

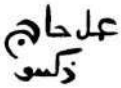
«Работал Омар 1265» (1848/49). Пистолет с черневым орнаментом из вьющегося стебля с двух- и трехлепестниками (ГЭ 3023).

«Работал Пиху в 1275» (1858/59). «Андреевский Пихувъ 1858 года». Шашка с галунным орнаментом, черневыми стеблями с белыми завитками, солярными розетками (ПМК2323).

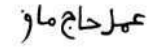
«Работал Расул сын Мухаммеда Сабира». Пистолет с орнаментом из черневых солярных розеток и двухлепестников (ВИМАИВиВС38/292).



«Работал Сайд Малич 1897 г». Пояс с орнаментом черкесского типа (К.-Ч. МК 535).



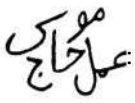
«Работал Хаджи Закишу». Кинжал с орнаментом, состоящим из двух- и трехлепестников и завитков в форме запятой (ТИМ 15784).



«Работал Хаджи Мафи». Пистолет с черневым орнаментом из двухлепестников (ВИМАИВиВС 38/322).

«Хаджимук Мусават Бек». Пистолет с орнаментом с завитками в форме запятой (ВИМАИВиВС 38/385).

«Работал Хаджи Муса». Шашка с гравированным и черневым орнаментом с солярными розетками и завитками в форме запятой (КБГМ 3055).



«Работал Хаджи Муса». Ружье с орнаментом из двухлепестников (ВИМАИВиВС 2/587).

«Работал Хусейн». Кинжал с гравировкой и чернью. Клеймо г. Тифлиса, 1890 г. (ГМИНВ 3271/III).

«Работал Хусейн». Шашка с очень тонким галунным орнаментом и завитками в форме запятой (ГЭ2782).

«Работал Хусейн 1903 г.». Кинжал с черневым орнаментом по белому фону (ВИМАИВиВС 121/99).

«Работал Шариф» (Куваев), сел. Хакуринохабль (Адыгея, конец XIX — начало XX в.). Пояс северокавказского типа с гравировкой (частное собрание).

«Работал Шумаф. 1235» (1819/20). Шашка с завитками черкесского типа (РМЭ 225 —Т).

Имена мастеров-серебряников второй половины XIX — начала XX в. восстановлены в исследованиях Г. Х. Мамбетова, Б. Х. Мальбахова, М.А. Меретукова. К ним добавляем имена, собранные автором настоящей работы в 1958 г. Последние отмечены звездочкой /Мамбетов, 84—87; Мальбахов, 101—102; Аствацатурян, 1977,11153,154,171/.

Алоков Хажгери (вторая половина XIX в.), сел. Баксан.

** Арипшев Хайсет (род. в 1859 г., в 1958 г. был жив), сел. Чегем I. Изготавливал оправы для кинжалов и шашек, пояса, конскую упряжь. Считался лучшим мастером, учился у дагестанца.*

Батмен Джафар.

Бегаев Натшао (вторая половина XIX в.), сел. Хамидие.

** Билемготов Насхуд (1870—1938), сел. Ходзь. Изготавливал украшения для оружия, женские украшения, пояса, сбрую.*

** Дабагов Сайд (конец XIX в.), сел. Чегем.*

** Джандаров Хачемиз, сын Чеча Джандарова (конец XIX — начало XX в.), сел. Понежукай. Изготавливал украшения для кинжалов, пояса и женские украшения.*

** Джандаров Чеч Элмизович (вторая половина XIX в.), сел. Понежукай. Изготавливал украшения для кинжалов, пояса, женские у крашения.*

Догужаев Коды (вторая половина XIX в.), сел. Урожайное.

Додохов Сайд (вторая половина XIX в.).

Дударов А. (конец XIX в.), сел. Куркужин. С ним около двух лет проработали Кумышее Х., Ныров С, Пшуков П. Между ними существовало разделение труда: один отливал детали для пояса, другой гравировал, третий украшал чернью и т. п.

Дышеков Салих (вторая половина XIX в.), сел. Верхний Курп. Работал в Урвани.

Дышеков Шамиль (вторая половина XIX в.), сел. Терекское.

** Жалу ков Меджид (род. в 1888 г.), сел. Чегем I. Изготавливал женские украшения и пояса.*

Жемухов М. (вторая половина XIX в.), сел. Кызбурун I.

Карашаев Шамиль (вторая половина XIX в.).

** Куваев Барок, прозвище «Нафих» (конец XIX — начало XX в.), сел. Хакуринохабль.*

Куйцуков (вторая половина XIXв.), сел. Старый Урух. Работал в Балкарии (у Мальбахова — он Ку иду ков).

Кумышев Х. (вторая половина XIX в.), сел. Куркужин.

Курманаев Ю., современный мастер, г. Нальчик.

Кушхова Мадина, современный мастер, г. Нальчик.

Меретуков Пак.

** Метов Асланук (1860—1937 гг.), сел. Ходзь. Изготавливал украшения для оружия, пояса, женские украшения. Работал в технике гравировки и зерни.*

** Небежев (конец XIX в.), сел. Кошехабль. Учился ремеслу у дагестанцев. Изготавливал те же изделия, что и они.*

Ныров С. (вторая половина XIX в.), сел. Куркцжин.

Пушков П. (вторая половина XIXв.), сел. Куркуэюин.

Саблиров Х. (вторая половина XIX в.), сел. Баксан (Мальбахов), сел. Старая Крепость (Мамбетов). Работал в Гунделене.

** Темзоков Юсуп (конец XIX — начало XX в.), сел. Хатажукай. Изготавливал пояса и другие изделия.*

** Темзоков Яку б (конец XIX — начало XX в.), сел. Хатажукай. Изготавливал пояса, женские украшения, украшения для оружия; работал в основном в технике черни.*

Тумов Ф. (середина XIX в.), сел. Нижний Акбаш.

Тхакако Захарий.

Уджуху Нещцу.

Хабеков Нафедз (вторая половина XIX в.), сел. Дейское.

** Хажуков Айтеч (конец XIX — начало XX в.), постоянно жил в Турции, приезжал работать в сел. Ходзь.*

** Хакунов Али (конец XIX — начало XX в.), сел. Хакуринохабль. Изготавливал украшения для оружия, пояса, женские украшения. Работал в основном в технике зерни.*

Хамуков Е. (вторая половина XIX в.), сел. Нартан.

Хамуков Тамаша (вторая половина XIX в.), сел. Нартан.

Шоров И. (вторая половина XIX в.), сел. Куба. Десять лет работал в Карачае.

Шхаумежев Д. (конец XIX в.), сел. Баксаненок. Работал в Нсыхурсе.

ТИПЫ ОРУЖИЯ

Холодное оружие

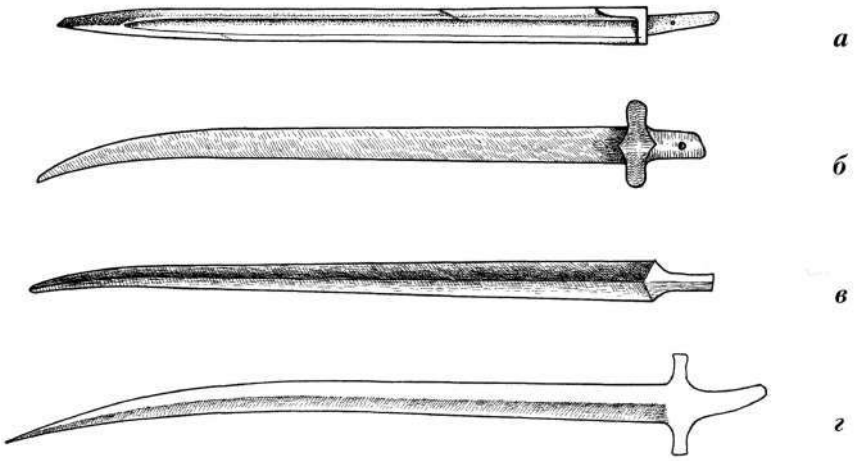


Рис. 28. Клинки сабель:
а, б- VIII-XIвв.;в -IX-XIвв.;г -X-XШвв.

Сабли

На территории, населенной адыгами, в VIII—XI вв. употреблялись сабли, характерные для салтовской и древней венгерской культур, то есть культуры Хазарского Каганата и древних венгров. Богато украшенные сабли дошли до нас из раскопок у села Колосовки (датируются X—XII вв.). Они слегка изогнуты, имеют небольшой скос хвостовика в сторону лезвия. Верхняя часть клинка усилена елманью, иногда имеется дол. Крестовины рукояти прямые, с уплощенными луковицами на концах. У некоторых клинков конец обоюдоострый. На крестовинах рукояти и приборе ножен расположен растительный орнамент (завитки, розетки), реже зооморфный (изображение льва, хищной птицы и т. п.). Сабли XIV—XV вв. также представлены только археологическим материалом, происходящим из адыгских погребальных курганов, территориально образующих три группы; восточно-причерноморскую (от Анапы до Сочи), белореченскую, или закубанскую, и пятигорско-кабардинскую.

Белореченская культура представляет собой западно-кубанский или адыгский вариант культуры Золотой Орды. Для большинства сабель из Белореченских курганов характерно следующее строение: узкий (3—3,5 см) и длинный (100—120 см) мало изогнутый клинок с концом в форме штыка, составляющим 1/3 общей длины клинка; вдоль клинка проходит ребро, в широкой части оно расположено ближе к обуху, в штыковой — посередине. В широкой части от ребра к обуху клинок немного утончен; обух смягчен и от ребра к лезвию резко скошен. Хвостовик клинка слегка отогнут в сторону лезвия и имеет одно, реже два-три отверстия для заклепок. Крестовина рукояти небольшая, железная, верхний конец закруглен, боковые отогнуты вниз. На пяте клинка небольшие накладки, на двух из них — остатки инкрустации /Левашева, 177/. Сабли из пятигорско-кабардинских курганов очень близки к белореченским: железные, средне или мало изогнутые, довольно узкие (ширина, как и у белореченских, — 3—3,5 см), общая длина полосы — 120—130 см, средняя длина клинка — 110 см. Заканчиваются

клинки длинным кинжалообразным острием. Хвостовик также слегка отогнут в сторону лезвия, имеет три отверстия для заклепок. Рукоять состоит из двух деревянных пластин, скрепленных с хвостовиком тремя железными заклепками. Головка рукояти отличается уплощенно-цилиндрической формой с плоским дном. Рукояти некоторых сабель инкрустированы мелкими костяными зернышками. Прямые крестовины плотно насажены на хвостовик. Деревянные ножны обтянуты берестой и кожей, имеют две железные обоймицы с железными колечками для подвешивания, одна расположена в верхней части ножен, другая — в середине. Наконечник ножен имеет уплощенно-цилиндрическую форму с плоским дном /Нзгоев, 34—35/.

Ранние сабли были не только рубящим, но и колющим оружием, пригодным для прокола кольчуги. С этой целью кривизна клинка делалась незначительной, а конец оформлялся в виде узкого штыка; хвостовик отгибался в сторону лезвия к точке наибольшего упора руки на рукоять: рука, передвигаясь к концу рукояти, оказывалась на одной линии с острием клинка и создавала непосредственное давление в момент укола.

К XVII в. относятся хранящиеся в Оружейной палате четыре черкесские полосы /ОМОП, 224-226/. Две из них (6067 и 6068) были записаны как черкесские в описи 1687 г. Представляется, что термин «черкесский» в данном случае был употреблен не для указания места производства, а для обозначения определенного типа конструкции. Так, полоса № 6068, значащаяся в описи 1687 г. как «булатная черкесская», имеет на клинке и хвостовике очень характерный иранский картуш с надписью: «Работа Кельб-Али сына Асадуллы, Исфахан». Иранское происхождение клинка и надписи сомнений не вызывают, полоса выполнена из прекрасного булата. Надо сказать, что в описи 1885 г. составители различали иранское происхождение и черкесский тип этой полосы — «полоса черкесская, XVII в., булатная, персидской работы». Из булатной стали более низких сортов выполнены полосы № 6067 и 6070. Полоса № 6067 отмечена в описи 1687 г. как «черкесский выков». Это можно понимать по-разному: скорее всего имеется в виду иранская работа по черкесскому об-

Рис. 29. а — белореченский клинок конца XIV—XV в.; б — полоса сабли со штыковым концом XVI—XVII вв.; в — оружие с прямым клинком со штыковым концом. (ГИММ 7892, 1809,5391)

разцу, но не исключено изготовление полосы на Кавказе из булата. Вспомним просьбу от имени царя Алексея Михайловича прислать в Москву черкас «булатного сабельного дела сварщиков самых добрых мастеров» /КРО, I, 326/. В адыгском языке есть термин для обозначения булатной стали — «чыр» /Меретуков, 52/.

Полоса № 6069 — стальная, поэтому ее кавказское производство наиболее вероятно. Характерный черкесский признак всех четырех полос — штыковой конец клинка. Как основной признак он упомянут в описи 1687 г. при сообщении о двух русских полосах —«две полосы стальные, одна на Тавризское дело с долом, другая на Черказское дело штыком» /ОМОП, 237, № 6036/. Вспомним, как Эвлия Челеби описывал черкесское холодное оружие: «Острия их мечей похожи на острия четырехгранных и трехгранных копий. Вначале они останавливают врага мечами, потом мечами же рубят» /Челеби, II, 59/. Полосы имеют длину от 106 до 114 см, длина клинка — 95—106 см, ширина — 3,2—3,5 см, кривизна средняя — 9/55—12/61 см. Вдоль клинка посередине расположено резко выступающее ребро; имеется небольшой обух, который в 35—39 см от острия клинка сведен на нет и, начиная с этого места, образован штыковой конец. Клинки имеют долы разной формы: один широкий и два-четыре узких. Оформление долами сохранилось у более поздних кавказских клинков. Рукоять крепилась к хвостовику при помощи заклепок, для них в хвостовике имеется по одному-два отверстия. Так как полосы попали в Оружейную палату без прибора, то нельзя ничего сказать об их рукоятях и крестовинах.

В собрании ГИМ хранится полоса подобного типа (ГИМ, 1809), которую можно датировать XVI—XVII вв. Ее клинок — стальной, длина полосы — 106 см, клинка — 97 см, четырехгранного штыка — 36 см; под обухом расположены узкая полоса и два дола. С одной стороны клинка находится картуш, выполненный золотой насечкой по процарапанному фону. В картуше выведена арабская надпись «Работал Хусейн».

Сабель более позднего времени (XVIII и XIX вв.) среди коллекций черкесского оружия не встречается. Единственный вид сабли, который называет Хан-Гирей, — это «сабля колчанная (дяте). Она носится при колчане, имеет ручку чешуйчатую и обыкновенно бывает оправлена в желтую медь, с искусством чеканенную. Эта сабля имеет то преимущество над шашкою, что ею можно рубить и колоть, между тем как шашкою можно только рубить» /Хан-Гирей, 243/. Таких сабель не приходилось видеть в музейных собраниях.

Шашки

Шашка представляет собой разновидность сабли, ее название имеет черкесское происхождение и означает«длинный нож». Очевидно, у черкесов и следует искать родину этого оружия. В письменных источниках слово «шашка» впервые было употреблено Джиованни де Луккой в 1625 г.; при описании оружия черкесов —«они ловко действуют шашкой» /Лукка, 71/. Если мы обратимся к археологическому материалу, то увидим, что наряду с длинной саблей со штыковым концом в погребениях XII—XIII вв. встречаются более короткие (до 1 м) малоизогнутые клинки, не имеющие штыкового конца и защиты для руки. Это, видимо, и есть ранние варианты шашки — длинного ножа. Долгое время эти два вида холодного оружия сосуществовали. В «Описании кабардинского народа» 1748 г. читаем: «А сабли и сашки припущенные у каждого кабардинца... Они при драке их с неприятелями ис пищалей стреляют каждой только один раз, а потом все саблями и сашками рубят и колют» /ОКН, 158/. В XVIII в. и в первой половине XIX в. черкесские дворяне, прежде всего кабардинцы, продолжали носить доспех, состоявший из кольчужной рубашки и рукавиц, пластинчатых налокотников и высокого шлема с низко спускавшейся на плечи кольчужной сеткой. Сабли с длинным клинком и мощным штыковым концом были рассчитаны на прокол кольчуги. Наряду с ними существовала потребность и в более легком оружии, им и явился длинный нож — шашка. Возможно, это оружие было рассчитано на отражение внезапного нападения: шашку носили на портупее таким образом, что боец одним движением вынимал ее из ножен и, не меняя положения руки, наносил удар. В XIX в. по мере все более широкого распространения огнестрельного оружия, все меньше поль-

Рис. 30. Клинки черкесских шашек XVIII—XIX вв.
(ГИММ 15350, 773, 770, 1804, 727)

зовались кольчугой и исчезала потребность в сабле со штыковым концом. В собраниях оружия не сохранилось ни одной черкесской сабли XVIII—XIX вв.; видимо, они не производились*. Шашка осталась единственным видом длинного холодного оружия. Хан-Гирей замечает, что шашку «носят обыкновенно при ружье; кто имеет ружье, тот должен иметь и шашку» /Хан-Гирей, 243/. Это можно трактовать так, что шашка входит в полный комплект вооружения стрелка, не носящего защитного вооружения.

Самая ранняя известная нам черкесская шашка (15350 ГИМ) имеет дату 1713 г. Ее конструкция типична для черкесских шашек XVIII—XIX вв. Характерная ее черта — небольшой изгиб клинка. Несмотря на малоизогнутость, клинок шашки никогда не предназначался для колющего действия, на это указывает прямое, а не наклонное к лезвию расположение рукояти и отсутствие заточки обуха в конце клинка. Средняя длина клинка 72—76 см, ширина — 3 см. Таким образом, шашка имела легкий и не длинный клинок, согласно кабардинской формуле «шашка должна быть легкая как перо, упругая как лоза, острая как бритва. Кто носит тяжелую шашку, тот не надеется на умение» /А. Б., 116/. Характеризуя клинки черкесских шашек, мы должны расширить круг рассматриваемых предметов, так как однотипные клинки встречаются и на черкесских, и на дагестанских, и на грузинских, и на казачьих шашках, и на некоторых видах грузинских сабель. Материалом для клинков служила сталь. Иногда поверхность клинка была протравлена, и тогда становился виден рисунок сварочной стали. Поверхность клинков отделывалась долами, которые придавали клинку известную декоративность и облегчали его вес, не уменьшая прочности (при одинаковом весе клинок с долами за счет большего поперечного сечения может быть устойчивее к изгибам, чем клинок без долов). Форма и величина долов разнообразна: они могут быть широкими, когда один или два дола занимают всю ширину клинка; узкими, и тогда три дола занимают половину ширины клинка; долы могут быть мелкими или глубокими, но всегда полуовальной формы. Долы могут начинаться от пяты или отступают от нее на 15—25 см. На 1/4 длины клинка от острия обух сведен на нет, верхний дол исчезает, и клинок получает овальное сечение. Здесь находится центр удара клинка. На нижней трети клинка помещены изображения, надписи и клейма.

По надписям и клеймам можно судить о происхождении клинка. На шашках мы встречаем клинки преимущественно западноевропейского типа, реже — клинки с арабскими надписями. Популярность на Кавказе западноевропейских клинков объясняется тем, что Кавказ очень нуждался в хорошей стали, а немецкие, итальянские, венгерские и польские клинки, попавшие сюда в XVII—XVIII вв., были хорошего качества.

Они получили широкое признание и такую популярность, что местные мастера стали придавать клинкам своей работы западноевропейский внешний вид, снабжая их клеймами и надписями, скопированными с подлинных европейских клинков. Поэтому только часть клинков западноевропейского типа, встречающихся на кавказском оружии, действительно являются подлинниками; значительная доля — это местные, зачастую очень искусные подделки, которые чаще всего выдают себя надписью. Дело в том, что кавказские мастера, копируя западноевропейские клинки, допускали много ошибок в латинских надписях, которые иногда, переходя с клинка на клинок, превращались в потерявший смысл набор знаков. На черкесских шашках (а также на шашках, сделанных в других областях Кавказа, в Дагестане и Грузии) и на некоторых саблях встречаются следующие виды западноевропейских клинков, подлинных и поддельных:

1. Клинки с изображением волчка. Клеймо «волчок» первоначально принадлежало мастерам немецкого города Пассау, изображение волка было заимствовано из герба города, который в XIV в. пассауские оружейники получили право выбивать на своих изделиях. Клеймо выполнялось глубокой инкрустацией медной проволоки. Так как клинки с этим клеймом пользовались большим спросом, то в XVI—XVII вв. появились многочисленные подража-

* В собрании ГИМ есть один экземпляр оружия, в котором соединены шашечная рукоять и прямой клинок со штыковым концом.

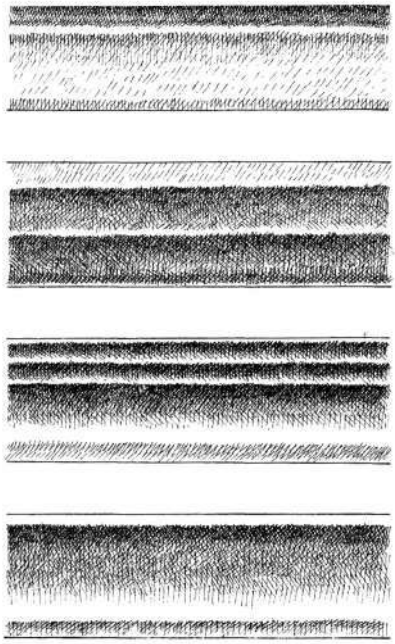


Рис. 31. Долы на клинках шашек XVIII-XIXее.

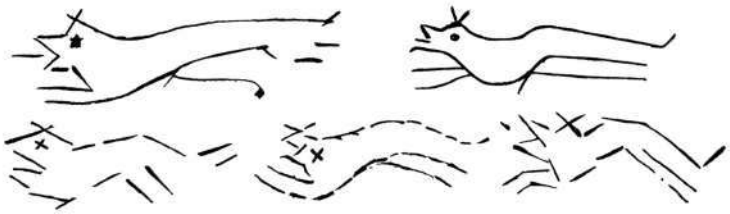


Рис. 32. Пассауские и золингенские волчки

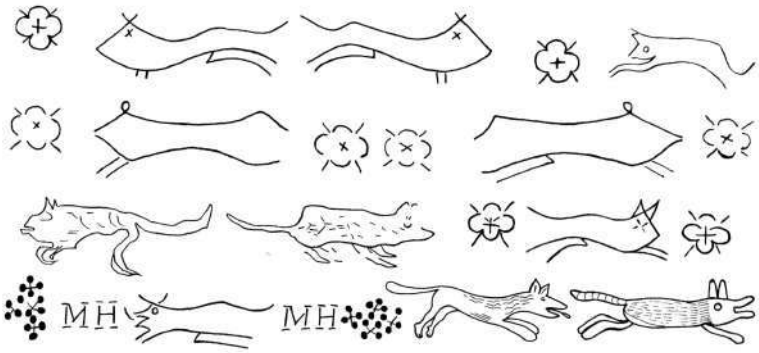


Рис. 33. Кавказские волчки

ния волчкам, в первую очередь на произведениях золингенских мастеров. Изображение волчка золингенцы наносили обычной гравировкой, часто сопровождая его личными клеймами мастеров и иногда надписью«т Solingen». Изредка изображение волчка сопровождают латинские буквы«Н.М.» /Ленд, 1911, 3-5, 17-19/. Эти клинки кавказцы особенно ценили. Считается, что это инициалы одного из участников крестовых походов, представителя знатного французского рода Henry Monmorancy, в фамильном гербе которого имелось изображение волка. Предпологали, что партия клинков с инициалами «ИМ» была заказана для его свиты и оруженосцев, которые, по обычаю времени, носили на оружии герб своего владетеля. Один из отрядов крестоносцев во время крестовых походов прибыл на Кавказ и обосновался там. Воины этого отряда имели мечи с гербом «волка»; со временем мечи были переделаны в шашки терсмаймун, которые таким образом ведут свое начало от крестовых походов /Потто, 547—548; «АБ», 31—32/. На кавказских шашках часто встречаются клинки с волчком. Точно определить их происхождение очень трудно. Крупнейший специалист по оружию Э. Ленц считал, что поддельный волчок от золингенского можно отличить по более схематичному рисунку (например, не обозначалась открытая пасть зверя). Кроме того, кавказский волчок сопровождался по бокам розетками с крестиком внутри —«пчелами», как их называли кавказцы; пчелы не делались на золингенских клинках. В этих пчелах кавказцы видели указание на участие клинка в крестовых походах/А. Б., 32,45,52,53/. Иногда поддельный волчок можно определить по очень наивному изображению волка: кавказский мастер, видимо, только слышал о волчках и пытался изобразить настоящего волка.

Встречается еще одна группа кавказских волчков — клеймо волчок сопровождается инициалами «М.Н.» /А. Б., 51—53/. По рассказам местных жителей, это были инициалы великого князя Михаила Николаевича, который в 1863—1881 гг. был на Кавказе наместником. Для подарков офицерам своей свиты он заказал очень хорошему дагестанскому мастеру, работавшему в Тифлисе, партию клинков, помеченных клей-

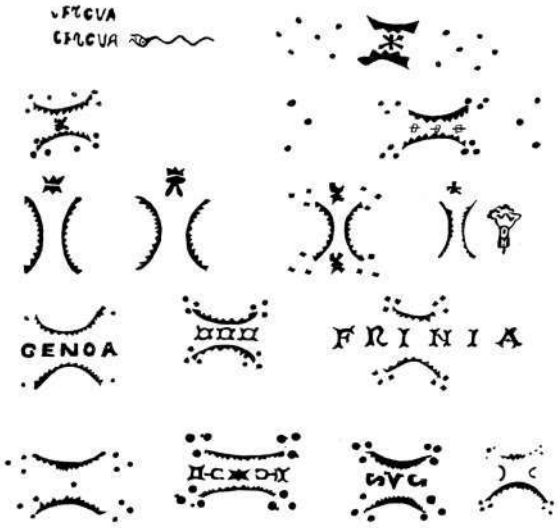


Рис. 34. Виды гурды

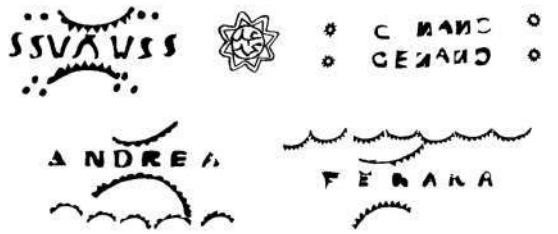


Рис. 35. Поддельная гурда

мом волчок и своими инициалами. Это клеймо стало модным среди конвоя наместника, и многие казаки-конвойцы начали вырезать его на своих клинках. В результате появилось много подобных волчков, которые стали называть «великокняжескими». Анонимный автор рукописи о кавказском оружии «А. Б.» считал, что изготовлялись волчки в Дагестане, а предназначались для Чечни, где пользовались особой популярностью. Материалы оружейных коллекций этого не подтверждают, волчки встречаются на шашках с разным национальным орнаментом, украшающим прибор. Настоящие золингенские волчки встречаются на кавказских шашках, но это не старые клинки XVI— XVII вв., а изделия золингенских фабрик XIX в., изготовлявших их специально для Востока, в частности для Кавказа. Так как золингенские клинки и в XIX в. были высокого качества, то слава волчка не уменьшалась. Название «волчок» дали не только клеймам, но и самим клинкам русские, знавшие немецкое их наименование «volfklinge». Кавказцы же видели в клеймах изображение иного животного, называемого ими по-персидски «терс-маймун», что означает «несуразная обезьяна» /А. Б., 31—32/. Есть и еще одно толкование: в переводе с арабского «терс» означает щит; «маймун» — есть значение и «обезьяна» и «благословенный», т. е. можно перевести как «благословенный щит»*.

2. Клинки с клеймом «гурда». Гурда — это серповидные зубчатые линии со словом «Генуя» между ними и тремя и более точками по бокам. Эти клейма были очень распространены на итальянских шпажных и сабельных клинках. Э. Э. Ленц считал, что первые полосы, стяжавшие себе почетную известность, возможно, и вышли из мастерских Генуи, дальнейшее же их производство с ней уже связано не было. Большая же часть клинков с этими клеймами изготовлялась в нижнеавстрийских и штирийских мастерских специально для вывоза в Восточную Европу. Видимо, поэтому это клеймо больше распространено на саблях, чем на истинно европейском прямом оружии. /Ленц, 1911; 12-13/.

Так как оружие с клеймом «гурда» было особенно любимо в Чечне и Грузии, то более подробно оно рассматривается в соответствующих разделах.

Отличить западноевропейское клеймо от кавказской его копии затруднительно. Большинство клинков с этим клеймом я считаю кавказским производством. Обычно о подделке говорит какая-нибудь деталь: то гурда использована в качестве орнаментального мотива, то между зубцами мы видим не слово «Генуя», а бессмысленный набор букв или совсем другое слово. Иногда наряду со значком гурда кавказский мастер ставил свое собственное имя, написанное арабскими буквами. Ясно, что в этом случае мастер не пытался выдать свой клинок за европейский, он просто снабжал его популярной маркой.

* Приношу глубокую благодарность Б. А. Палтусову за помощь в переводе.

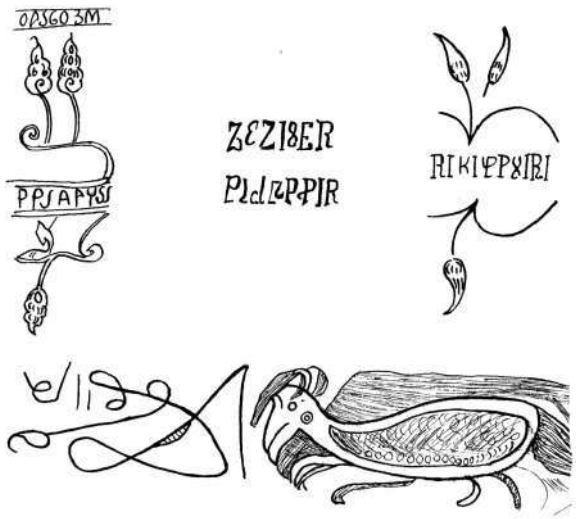


Рис. 36. Трансильванский узел и его поддельное изображение

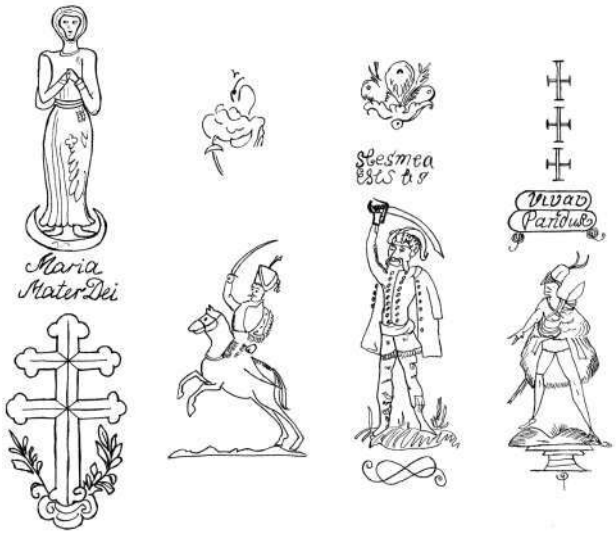


Рис. 37. Надписи на венгерских клинках «Виват гусар» и «Виват пандур»

3. Клинки с изображением трансильванского узла, то есть формулы белой магии, включающей узел с тремя кистями и ^расшифровывающейся надписью заговорного характера посередине узла. Родиной этих клинков была Трансильвания, временем производства — XVII—XVIII вв. Эти малоизогнутые, легкие и не слишком длинные кавалерийские венгерские клинки отличались упругой закалкой и поразительным звоном. Они оказались очень подходящими для шашек. Изображение трансильванского узла встречается на клинках черкесских шашек, большинство из которых, думается, было местной работы. В пользу этого соображения говорит неумелое воспроизведение латинских букв в надписях, а также чересчур упрощенное изображение узла. Сами по себе эти клинки высокого качества, правда, большая их часть в отличие от венгерских подлинников не имеет звона. Иногда встречаются курьезы. Так, на одном из клинков мы видим и трансильванский узел, и латинскую надпись даже с датой 1769 г., и одновременно подпись «Базалай». По-видимому, мастер для убедительности в добротности своего изделия снабдил его знаменитыми марками.

4. Клинки с изображением скачущего на коне гусара с саблей в руке и HaAnHCbio«Vivat Hussar» («Да здравствует гусар») или пешего воина с надписью «Vivat Pandur» («Да здравствует пандур»)*. По происхождению они принадлежат к гусарским венгерским клинкам. Однако венгерские подлинники встречаются очень редко, значительно чаще —немецкие копии XIX в., а иногда — местные копии с этих немецких.

5. Клинки с изображением креста, Божьей матери, венгерского герба, скачущего гусара с саблей в руке и надписями: «Patrona Hungaria Virco Maria» («Покровительница Венгрии дева Мария»), «Pro Deo et Patria» («За Бога и Отечество»), «Pro Deo et Patria et Libertate vitam» («Жизнь за Бога, Отечество и Свободу!»). Эти клинки также имеют венгерское происхождение. Венгерские подлинники почти не встречаются, распространены же немецкие клинки XIX в., подражающие венгерским, на которых изображения и надписи выполнены гравировкой с позолотой или травлением. Производство их связано с Золингеном: на некоторых, кроме изображений и надписей, можно видеть фабричную марку: «W. Glauberg», «Solingen», «Eisenhauer». Фирма W. Glauberg была основа-

* Пандур — пешее иррегулярное войско в Венгрии и Россини (1751 — 1764).

Рис. 38. Золингенские клинки XIX в., подражающие венгерским

Рис. 39. Кавказские подделки золингенских гусарских клинков

Рис. 40. Прусские гусарские клинки XVIII в.

на в Золингене в 1857 г., выпускала все виды холодного оружия /Кулинский, 2000, 99/. Надпись «Eisenhauer» переводилась как «железруб» /А. Б., 129/. Можно перевести ее как «железный клык». Иногда можно видеть кавказские копии этих изображений и надписей, вплоть до фабричной марки. Их можно выявить по менее тщательной гравировке, искаженному шрифту надписей и ошибкам в них. Этого рода клинки, как более поздние и тяжелые, сравнительно редко используются на черкесских шашках, они были более характерны для Дагестана.

6. Клинки с изображением на обеих сторонах фигур скачущих гусаров и надписи «V[t] Hussar» («Vivat Hussar») в окружении виньеток и трофеев. Это гусарские прусские клинки времени Семилетней войны (1756—1763). Они сильно отличаются от обычных шашечных клинков: имеют резкий изгиб, начинающийся от рукояти, и резко вогнутые боковые стороны. Однако, несмотря на несхожесть по форме с шашечными, эти клинки изредка встречаются на шашках, в том числе и черкесских.

7. Клинки с изображением солнца с человеческим лицом, полумесяца с человеческим профилем, звезд, руки с мечом, выходящей из облаков. Рисунки выполнены гравировкой. Подобные клинки были характерны для немецких мастеров XVII—XVIII вв., особенно Петера Мюниха /Boeheim, 650/. Клинки, прямые и изогнутые, были популярны в Восточной Европе, на Кавказе их любили и часто использовали для шашек, особенно черкесских. Поддельные клинки отличить от европейских подлинников довольно трудно. Здесь скорее всего на подделку укажет новизна и четкость гравировки, а также

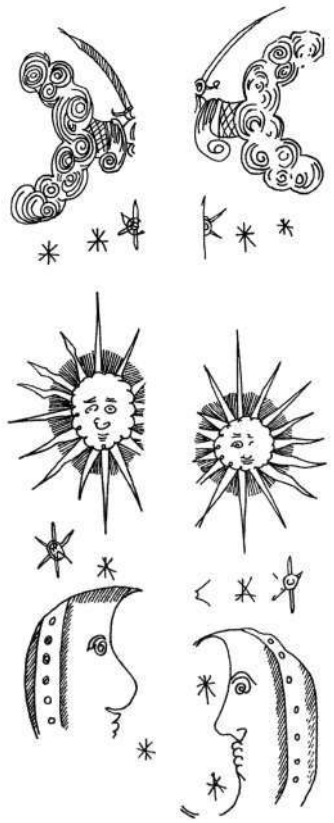


Рис. 41. Немецкие клинки XVII—XVIII вв. с изображением солнца, полумесяца, руки с мечом

Рис. 42. Польские клинки

Рис. 43. Клинок с латинскими надписями

сочетание этих изображений с какими-либо другими рисунками или надписями. На Кавказе эти клинки называли«Аббас-Мирза», причем кавказцы, сообщившие автору, скрывавшемуся под псевдонимом «А. Б.», это название, не могли объяснить его происхождение.

8. Реже, чем венгерские и немецкие, на шашках встречаются польские клинки-подлинники или подделки XVII—XVIII вв. Нам известны несколько клинков такого рода, например клинок середины XVIII в. со слегка вогнутыми сторонами, с гравированным изображением всадника со щитом в одной руке и поднятым мечом в другой, одноглавого польского орла и надписями «Vivat Naywyzsza wladza Szlachty», «Vivat szlachtic Pan y Fundator woyska» («Да здравствует высшая власть шляхты!»,«Да здравствует шляхтич, господин и учредитель войска!»).

9. Клинок XVII в. со слегка вогнутыми сторонами и со скопированными с ошибками изображениями и надписями. Изображены всадник с обнаженным мечом в руке и одноглавый орел под короной. Не все надписи переводятся — «Domina confonda nos*», «Si Deno cisgnioni 1614 ANNO», «Domin Versovic».

Клинки западноевропейского типа называли на Кавказе «френги», т. е. европейские. Впрочем, в это понятие не входили клинки, имевшие собственные названия «волчок» или «гурда». По большей части «френги» были клинками немецкого и итальянского происхождения. Среди них особой популярностью пользовались клин-

* По-видимому: Господи, соедини нас.

Рис. 44. Шашки работы черкесских мастеров XIX в.
(ГИММ 14170, 798, 794, 16125)

ки итальянских мастеров братьев Андреа и Джандонато Феррара (вторая половина XVI в.). Очень ценились клинки с надписью «Fringia». Эти клинки делались в Италии (Генуе и Бреши), а предназначались для мусульманского Востока, где европейцев называли «френги». Эта надпись, вероятно, должна была указывать на европейское происхождение клинка /Nadolskj, 94; Ленц, 1911, 12/.

Свои характерные черты имеет прибор шашки. Рукоять представляет собой наиболее оригинальную часть шашки, отличающую ее от сабли. Цельная рукоять надевается на хвостовик; если же она состоит из двух половин, то эти половины накладываются на хвостовик с обеих сторон и скрепляются друг с другом при помощи заклепок. Черен имеет преимущественно овальное сечение, одинаковую толщину вверху и внизу, высоту 8—10 см. Головка рукояти крупная (5—7 см высоты), она слегка вытянута вверх и закруглена. Сверху на головке имеется клинообразный вырез, который разделяет ее на две половины — уши. Для черкесской шашки характерен узкий вырез, вследствие чего уши сближены. Назначение выреза объяснить не удается. Основание рукояти расширено до ширины клинка, находит на него на 2—3 см, а затем сходит на нет. Крестовины для защиты руки рукоять не имеет, в этом заключается главное отличие шашки от сабли. Рукоять устроена так, чтобы свободно входить в устье ножен по самую головку Этот тип рукояти у русских получил название «кавказский образец». Нередко рукояти изготовлялись из цельного куска черного рога. Широко распространен был еще один тип рукояти — деревянная, обложенная серебряным листом, украшенная гравировкой и чернью.

Ножны черкесских шашек представляют собой две деревянные дощечки, обтянутые красным сафьяном, на который сверху прикрепля-

Рис. 45. Рукояти шашек; рукоять с густым черневым орнаментом (ТИМ№777)

Рис. 46. Прибор ножен: устье, обоймица, наконечник

лись накладки коричневой, синей или черной кожи. На наконечнике накладки широкие, оканчивающиеся треугольником, на устье — широкие прямоугольные, в середине — треугольные. Накладки могли быть и из бархата разного цвета. Обшивались накладки узким серебряным галуном. Как уже указывалось, в изготовлении ножен участвовали женщины — обшивали их кожей и сотканным ими галуном. Узкие, одна или две, обоймицы делались из серебра, а чаще из железа, на которое сверху накладывался тонкий лист серебра, украшенный гравировкой и чернью. Одна обоймица располагалась в верхней части ножен, другая — посередине. К кожаной плечевой или поясной портупее делался набор из серебряных бляшек. Другой тип ножен, как правило, более поздний, представлял собой деревянную основу, обтянутую черной шагренью с серебряным прибором, украшенным чернью и гравировкой. Нередко серебрянные накладки имитировали форму кожаных накладок, а чернь и гравировка — галун. Как правило, серебро в черкесских шашках использовалось довольно экономно — на рукоять и две узкие обоймицы, а также бляшки портупеи. Способ ношения шашки составляет одну из ее особенностей. Шашка подвешивалась лезвием вверх; для этого кольца для портупеи располагались не на вогнутой стороне ножен, а на выпуклой. При вынимании из ножен руку с шашкой направляли прямо перед собой, а не отводили вправо вверх, как с саблей.

Декор черкесских шашек таков: в центре головки рукояти помещалась четырех- или шестилепестковая розетка. Ее окружали черневые замкнутые круги или овалы, иногда немного сплющенной с боков или правильной формы. Они образуют своеобразные двойные или тройные рамки; только в местах соединения кругов можно увидеть рогообразный завиток — возможно, исходный элемент этого построе-

Рис. 47. Ножны, обтянутые кожей и бархатом (ГИМ № 794, 14170, 1804)

ния. Между рамками помещался гравированный орнамент, представляющий собой соединенные в гирлянды листочки в форме запятой в утолщенной части. Иногда вместо этих листочков в форме запятых помещались веточки с обычными стилизованными листьями. Черен рукояти нередко украшался полосками, расположенными наискосок, которые оставались свободными или заполнялись надписями, в форме запятых лепестками. Орнамент на приборе ножен был таким же, как на рукояти, или состоял из симметричных стеблей с аналогичными лепестками. По ребрам серебряных деталей располагались прокатки ложной зерни, которые заключали в рамку черневой и гравированный рисунок. Нередко украшение серебряных деталей прибора имитировало галун. Типичная черкесская гравировка — неглубокая, почти без выборки фона, который разрабатывался зигзагами. Нередко использовалась техника гладкой черни в окаймлении вторичной гравировки. Внутри окаймляющих черневых рамок присутствовала характерная деталь — белый зигзаг.

Разновидностью черкесского орнамента нам представляется орнамент, состоящий из густых черневых стеблей с крупными листьями и бутонами, внутри которых помещен белый рисунок — завитки и запятые. Этот орнамент всегда выполнен гладкой чернью, окаймленной линией вторичной гравировки. Он характерен для середины XIX в. Так он украшает шашку, на которой выбито пробирное клеймо с датой «1847», шашку с датой «1853», кинжалы черкесского типа.

Кинжалы

Кинжалы работы мастеров Черкесии встречаются не часто. Они, как правило, датируются серединой — третьей четвертью XIX в. В конце XIX — начале XX в. массовая продукция дагестанцев почти полностью вытеснила изделия местных мастеров. Основным признаком для определения черкесских кинжалов служат орнамент и техника его исполнения, имеются и конструктивные особенности. Можно выделить три типа кинжалов.

1. Кинжалы среднего размера, общая длина которых в ножнах составляет 50 см. Клинки имеют долы разной формы и числа: один, смещенный от центра, два — посередине и т. п. Головка рукояти закруглена и слегка вытянута, сплошь покрыта серебром. Рукоять скреплена с хвостовиком клинка двумя заклепками со шляпками, имеющими полусферичекую форму. Рукоять и ножны украшены черкесским орнаментом, состоящим из симметричных стеблей, образующих овал или сердцевидную фигуру; стебли заканчиваются двух- и трехлепестниками. Орнамент выполнен гравировкой, чернью и позолотой. Черневой орнамент нередко окаймлен рамками, внутри которых расположены гравированные завитки в форме запятой с точкой в утолщенной части. В орнамент вкраплены солярные розетки, они украшают шляпки заклепок, шарик наконечника ножен. Фон разработан зигзагами и нередко позолочен. Иногда встречается имя мастера; особенно ценно для определения вещи, когда это специфическое черкесское имя, например: «Работал Хаджи Закишу».

Совершенно уникален черкесский кинжал, подаренный Государственному Историческому музею в 1996 г. американским коллекционером Иваном Львовичем Поповым. Кинжал прекрасной работы, но особенно интересна арабская надпись, расположенная на левой стороне устья ножен. Перевод ее звучит следующим образом: «Работа мастера Мухаммеда сына Аркукуа Ипа Чан. Владелец Ильяс Хинди, в Халебе (т. е. Алепто) 24 июля 1872 г.». Это работа черкесского мастера в Сирии, после исхода с родины (рис 49, слева, № 16310, ГИМ).

2. Кинжалы небольшого размера с клинками клиновидной формы, с небольшим ребром или долом по центру. У пяты клинок утолщен, середина его уплощена, иногда в нижней части выбиты клейма-кружочки. Рукояти выполнены из черного рога, бывают цельные или состоят из двух половин, скрепленных двумя-тремя заклепками со шляпками сферической формы; под шляпками находятся серебряные прокладки разной формы: закрывающие все основание рукояти или в виде полоски, имитирующей галун, загибающийся на левую сторону; последняя форма прокладок характерна также для ти-

Рис. 48. Кинжал среднего размера с надписью «Работал Хаджи Закишу». Кинжалы украшены крупной зернью (ГИММ 15784, 667,3553)

флисских кинжалов. Третья прокладка, наложенная на середину рукояти, имеет фигурную форму. Встречаются рукояти, сплошь обложенные серебром. Ножны выполнены из дерева, оклеены справа — черной, слева — темно-коричневой кожей. Прибор ножен — устье, обоймица, наконечник — серебряный, украшен чернью и гравировкой; орнамент содержит черкесские элементы: имитацию галуна, завитки с утолщением в головке, солярные знаки, сито. Все детали обрамляют прокатки ложной зерни. Фон орнамента разработан мелкими зигзагами, иногда позолочен. Эти кинжалы вызывают сомнения, возможно, они тифлисской работы.

3. Кинжалы с небольшими клинками, у которых серебряные детали прибора украшены сплошной крупной зернью, посаженной в розетки из крученой проволоки. В этой же технике орнаментированы пояса, выполненные известными черкесскими мастерами. Поэтому кинжалы, украшенные подобным образом, можно считать черкесской работой. Этот тип украшения стал модным в начале XX в. Средняя длина клинка — 30 см, ширина — 3 см, длина с рукояткой — 40 см. Рукояти выполнены из кости или рога с серебряными накладками или сплошь обложены серебром. Ножны деревянные, оклеенные кожей, имеют серебряные устье и наконечник или представляют собой серебряный футляр. Вся поверхность серебряных деталей сплошь покрыта филигранными розетками, в центре которых — шарик крупной зерни.

К черкесской группе отнесем также небольшой нож с костяной рукоятью. Его ножны имеют серебряное устье и наконечник, украшенные стеблями с листочками, внутри которых помещены белые завитки в виде запятой.

Г. Н. Прозрителев называет два вида черкесских кинжалов: небольшой узкий кабардинский и короткий широкий шапсугский, от которого рана была наиболее опасной /Прозрителев, 5/. Кинжал являлся непременной принадлежностью костюма. «Это оружие можно, так сказать, причислить к верхней одежде черкеса, в особенности у лучших воинов высшего класса, ибо они только снимают с себя кинжал тогда, когда скидают и верхнее платье. Черкес ест, пьет, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит,

Рис. 49. Черкесские кинжалы XIX в. (ГИМ№ 16310, 15784)

Рис. 50. Кинжалы небольшого размера, возможно, тифлисской работы

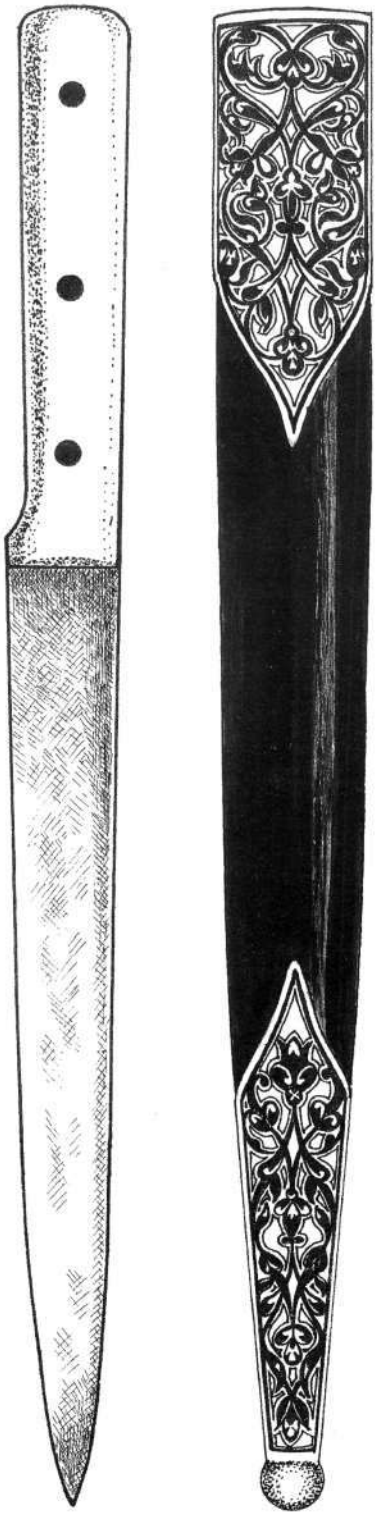


Рис. 51. Нож

имея его под своим изголовьем, следственно, он вечно вооружен» /Хан-Гирей, 243/.

Некоторые кинжалы с элементами черкесской орнаментики, думается, можно связать с работой русских мастеров. Выделим три группы.

1. Первого ноября 1840 г. были утверждены одежда и вооружение для Черноморского казачьего войска. Кинжал был определен как черкесский. От обычного кавказского он отличался тем, что головка его имела не форму колпачка, а была такой же формы, как основание, лишь немного уже его. Офицерам полагался кинжал в серебряной оправе, лицевая сторона рукоятки и наконечник ножен должны были быть украшены орнаментом. Казаки лейб-гвардии, конных полков и пеших батарей имели рукоять белой кости, а ножны деревянные, оклеенные черной кожей, прибор железный. Длина клинка 31,5 см, ширина 4,5 см, длина с рукояткой — 42,5 см. (Висковатов, т. 26, л. 1162-1163; Фролов, 44). Такие кинжалы делались кавказскими и русскими мастерами.

Орнамент, украшающий рукоять, — симметричный, состоит из стеблей с розетками и листьями. Характерная деталь — белый завиток в форме запятой в середине черневого листочка. Орнамент выполнен гладкой чернью, обведенной вторичной гравировкой на канфаренном зигзагами фоне. Размер кинжалов довольно значителен: длина клинка 43 см, ширина 5 см, длина с рукояткой 55 см. Преобладают клинки со смещенным от центра долом с каждой стороны. Кинжалы этого типа приводит Висковатов при описании вооружения казаков /Висковатов, т. 26, л. 1162—1163/. На одном кинжале такого типа имеются клейма г. Новочеркасска и дата «1848».

2. Кинжалы небольшого размера; головка рукояти слегка вытянута и закруглена. Орнамент, украшающий серебряные накладки на рукоятях и ножнах, — это симметричные вьющиеся стебли

с бутонами и листьями округлой формы, выполненные гладкой чернью со вторичной гравировкой на канфаренном зигзагами фоне. У некоторых кинжалов этой группы среди растительного орнамента расположены круги с черневой сеткой внутри — так называемое сито. Некоторые кинжалы имеют клейма г. Новочеркасска и даты «1877», «1879». Эти же кинжалы имеют надписи «Кавказъ», «Память Кавказа». Возможно, что этот «новочеркасский» круг изделий больше связан с русскими мастерами, проживавшими в Новочеркасске и в казачьих станицах и использовавшими в своем искусстве элементы черкесской орнаментики. Работа одного такого мастера, Петра Волкова, имеется в ГИМе. Слева на устье находится надпись чернью: «Октябрь 26 дни 1865 года. Работа Петра Волкова» /14262 ГИМ/. О другом мастере, Сунженском казаке Карасеве, жителе станицы Михайловской Терской области, сообщает О. В. Марггграф: «славится своими чрезвычайно изящными изделиями» и «далеко превосходит всех туземных мастеров» /Марггграф, 208/. Г. А. Вертепов пишет также о Карасевых, казачьей семье из станицы Михайловской Терской области, что их изделия заслуживают особого внимания: «Комбинируя белое и оксидированное серебро с золотом, они приготавливают чрезвычайно изящные вещи тонкой художественной работы. Брошки в виде миниатюрного кавказского оружия, собранного красивой группой, оригинальные браслеты, у которых ободком служат серебряные или золотые пластины, отделанные в виде кавказского галуна или черного ремня с пряжками, и тому подобные вещицы поражают чистотой отделки. Имитация галуна, железа необычайная, рисунок обнаруживает строгий вкус» /Вертепов, 25/.

3. Еще одна группа кинжалов имеет в декоре черкесские элементы. Кинжалы связаны с Петербургом — одни имеют петербургские клейма, другие — надпись «Петербургъ».

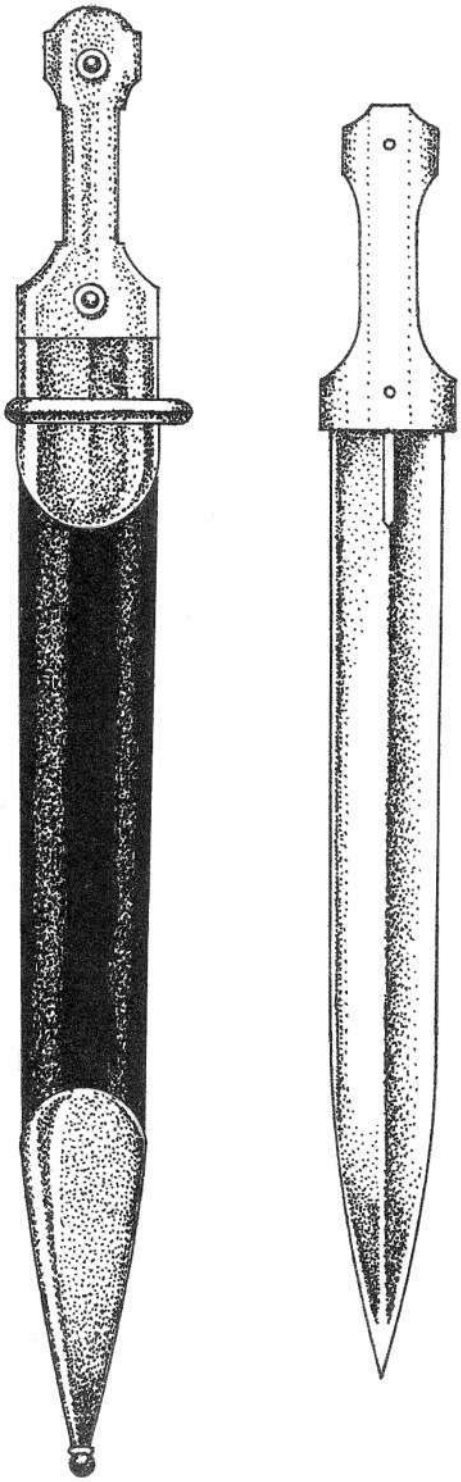


Рис. 52. Кинжалы нижних строевых чинов Черноморского казачьего войска, сделанные русскими мастерами с использованием черкесской орнаментики

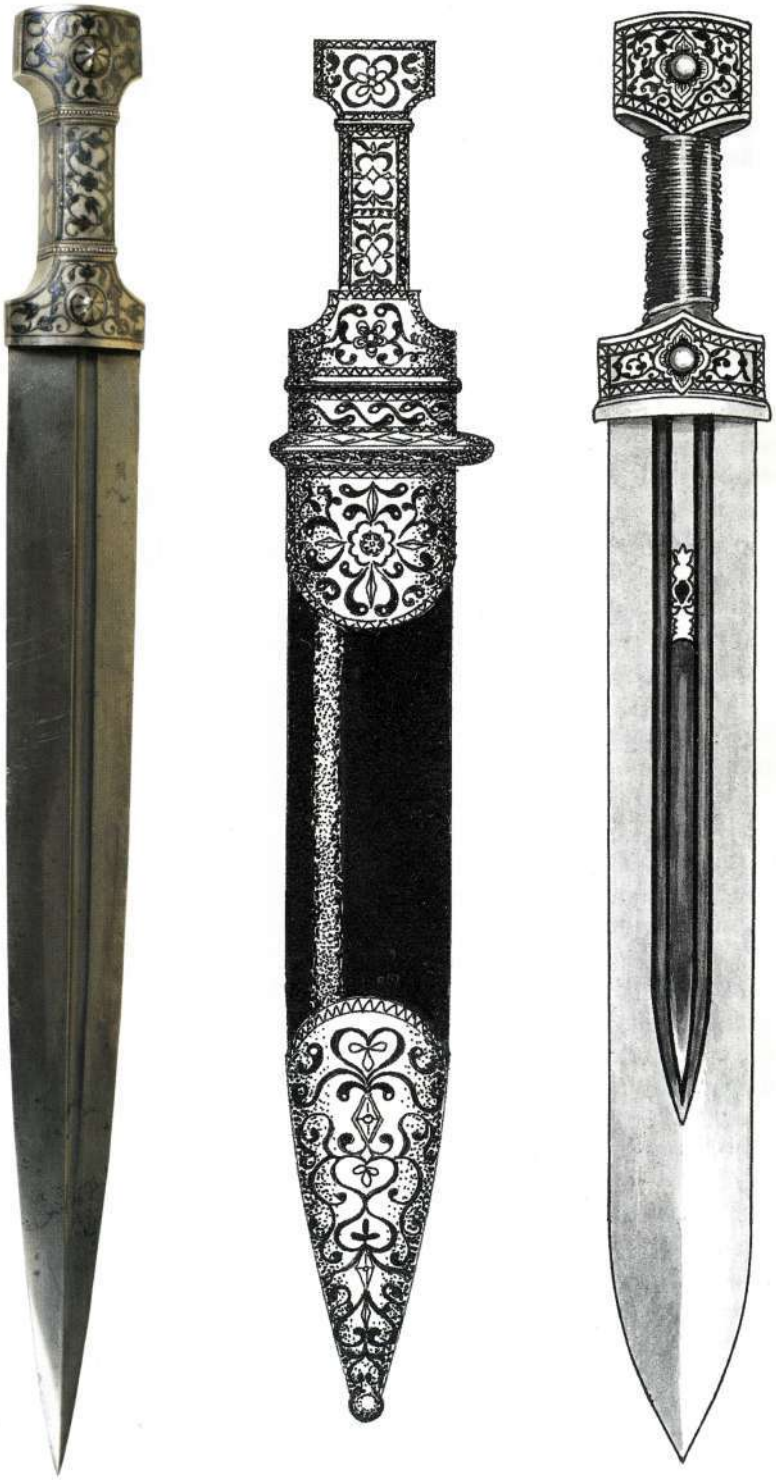


Рис. 53. Кинжалы офицерские Черноморского казачьего войска.
Возможно, сделаны русскими мастерами с использованием черкесской орнаментики

Рис. 54. Кинжалы работы русских мастеров XIX в.
(ГИМ№ 15957, 14262, 6454)

Рис. 55. Фрагменты кинжалов работы русских мастеров:
а — Петра Волкова; б — кинжал с пробирными клеймами Новочеркасска

Рис. 56. Фрагменты кинжалов работы петербургских мастеров:
а — Станислава Лещинского; б, в — с пробирными клеймами Петербурга

Метательное оружие

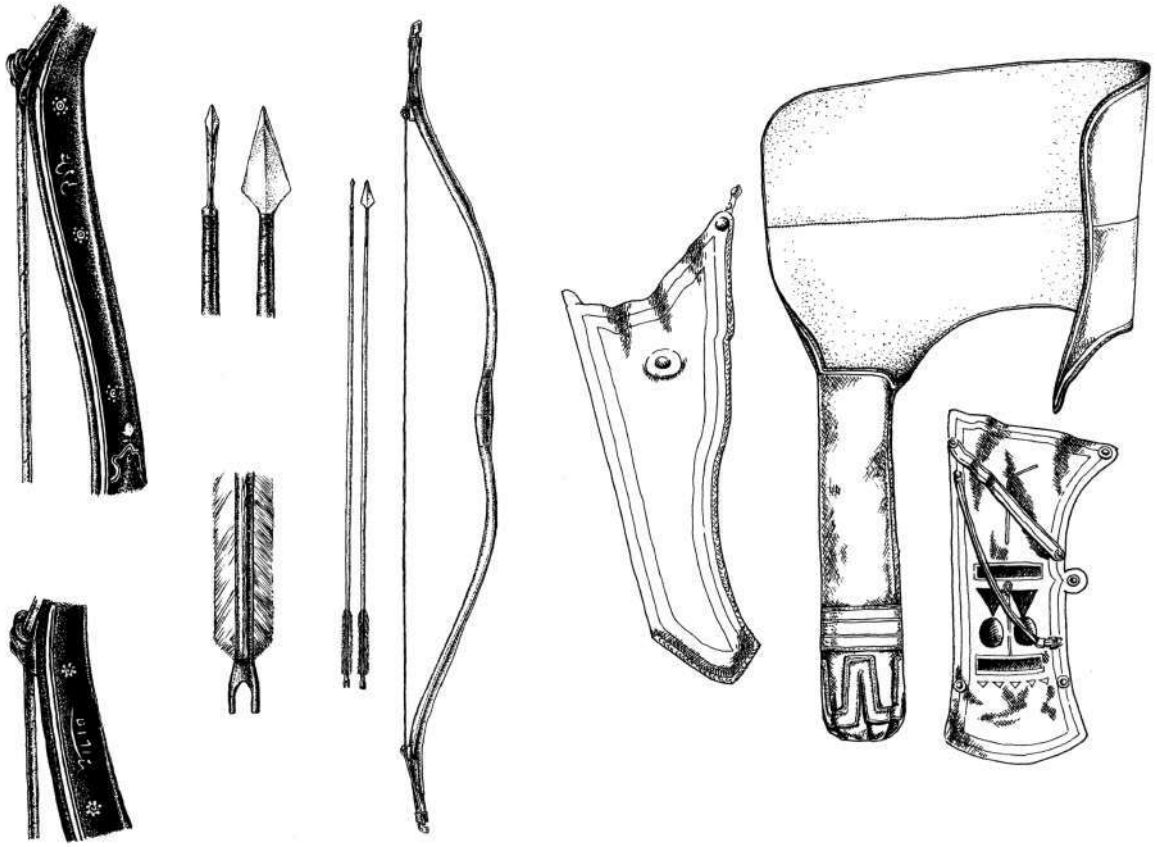


Рис. 57. Черкесские лук и стрелы (ТИМ № 3323, 7301); налуч и два колчана (ТИМ № 5369\ 353,3438)

Лук и стрелы

Лук и стрелы оставались на вооружении у черкесов в течение долгого времени, вплоть до XIX в. До середины XVII в. они были главным видом оружия, поражающего противника на расстоянии. Использовались они и для поджогов. Д. Интериано писал: «Они поджигают дома врагов горящей серой, которую привязывают к стрелам, дома же там все соломенные». И еще: черкесы (по-видимому, Интериано имел в виду знатных) «сами каждодневно делают для себя стрелы, даже (находясь) на лошади, и делают превосходно, (так что) немногие стрелы можно найти, которые бы пролетали большее расстояние, чем ихние, с остриями или наконечниками, закаленными наилучшим образом» /Интериано, 49, 51/. В 20-х годах XVII в. Д. Лукка еще не упоминает об огнестрельном оружии, а пишет только об употреблении стрел: «Они мечут стрелы вперед и назад»; «орудием для нападения, кроме лука, служат им копья и дротики» /Д. Лукка, 71/. Я. Стрейс, голландский путешественник, побывавший на Кавказе в 1668 г., сообщает о сочетании у черкесов метательного и огнестрельного оружия: «Они почти все время сидят на лошадях, которыми прекрасно управляют. Их оружие составляют стрелы и лук, у некоторых также и ружья» /Стрейс, 101/. Об этом же пишет и Эвлия Челеби двумя годами ранее:

«Воины были обязаны иметь по одной чистокровной лошади, щит, лук со стрелами, меч, копье. Их пешие воины все имеют ружья» /Челеби, II, 59/.

Из более поздних источников мы знаем, что употребление лука и стрел было привилегией дворянства. Видимо, в середине XVII в. и произошло это разделение: за дворянами остались лук и стрелы, крестьяне воевали огнестрельным оружием. У Я. Потоцкого, польского путешественника, чьи наблюдения относятся к 1798 г., читаем: «Крестьяне совершенно не имеют права носить кольчугу, колчан и стрелы; на войну они отправляются в повозках и сражаются пешком» /Потоцкий, 227/. Дворяне наряду с метательным могли иметь и огнестрельное оружие, о чем сообщает Э. Челеби: «Некоторые беи возят ружья на лошадях» /Челеби, 59/. Итак, лук и стрелы остались принадлежностью знати, а при их использовании существовали свои социальные градации. Так, в «Описании кабардинского народа» (1748 г.) читаем: «Ружье у кабардинцев от большой части огненное, а у некоторых есть и сайдаки (лук и стрелы. — *Э.* А), и у владельцев их стрелы оклеены белыми перьями из Орловых хвостов, а уздени их и протчие с белыми перьями стрел иметь не могут под опасением жестокого истязания» /ОКН, 158/. О бытовании двух сортов стрел говорит и К. Пейсонель: «Стрелы имеются двух сортов — первый, для которого употребляют перья птицы, называемый гуджуген, продается от трех до четырех пиастров за гросс*; этот сорт употребляется только мирзами и знатными людьми. Второй сорт, сделанный с перьями ворон и других хищных птиц, стоит только 60 пара за гросс». К. Пейсонель сообщает, что черкесские стрелы идут на экспорт, их покупают татары и ногайцы. К. Пейсонель сообщает также, что из Бахчисарая в Черкесию ввозили 2 тыс. луков «на всякую цену от 10 пиастров** до 200» /Пейсонель, 194, 197/.

Об искусстве владения этим типом оружия писал Абри де ла Мотрэ, отметивший в 1711 г., что черкесы такие же ловкие стрелки из лука, что и татары. В своих записках он дважды упоминает лук как охотничье оружие: убили из лука лань и кролика /Мотре, 123—124, 131, 135/.

В течение всего XVIII в. лук и стрелы сосуществуют с огнестрельным оружием. Читаем у Джона Кука, врача на русской службе, писавшего в 1740 г.: «Их (черкесов. — *Э. А.)* оружие состоит из стрел, луков; тем не менее они метко попадают с одного выстрела из нарезного ружья» /Кук, 176/. В XIX в. употребление лука и стрел носило, видимо, уже парадный характер. Так, при перечислении употребляемого черкесами оружия Г.-Ю. Клапрот называет ружья и пистолеты, а лук и стрелы упоминает в следующий связи: «Если они (черкесы. — *Э. А.)* выезжают в поле или наносят визиты, то бывают вооружены луком и колчанами со стрелами» /Клапрот, 266/. Лук и стрелы продолжали употребляться в XIX в. в различных состязаниях, в том числе устраиваемых в связи с ритуальными обрядами. Например, на поминках, проходивших в годовщину смерти знатного человека, организовывались скачки и джигитовка, а затем стрельба в цель для конных и пеших. За нею следовала стрельба в кабак. Кабак — небольшая круглая доска, прикреплявшаяся на верхушке высокой мачты. В этом соревновании участвовали только отличные стрелки. Состязание описал Джемс Белл, наблюдавший его 17 ноября 1837 г. в селении Адагум: «Происходили скачки и соревнования в стрельбе из лука в центре того большого пространства, на краю которого мы собрались... В соревновании в стрельбе из лука не было ни одного попадания в цель, но еще удивительнее было бы, если бы в цель попадали, так как задача эта должна быть очень трудной; очень маленького размера мишень слегка выдавалась на верхушке высокой мачты, составленной из нескольких связанных между собой кольев; два всадника, один впереди другого, находясь на небольшом расстоянии от мачты, пускали своих коней во весь опор и, во время приближения к цели, тот, кто был вторым, или преследователем, натягивая свой лук, наклонялся по левую сторону лошади (мачта находилась справа от него) и, изогнувшись, обратив лицо назад и смотря вверх из-под своей приподнятой

* Гросс (от фр. grosse) — составляет двенадцать дюжин.

** Пиастр — турецкая серебряная монета, равная 40 пара.

левой руки, взвивал свою стрелу вверх по направлению к цели. Много раз стрела поднималась вертикально, пролетая очень близко от цели» /Белл, 491/. Подобное состязание описано у Н. Дубровина, опиравшегося на свидетельства очевидцев: «Ловкие наездники, имея лук и стрелы наготове, летят на лихих скакунах один за другим, так чтобы лошадь скакала за лошадью переднего прямо, всадник не управляет поводьями, и только левая нога его остается в седле, а весь его корпус держится ниже головы лошади. В таком трудном положении, несясь как вихрь мимо шеста, в то мгновение, когда лошадь на всем скаку сравняется с шестом, всадник спускает лук и пернатая стрела вонзается в доску, на верху шеста прикрепленную, а иногда, разбив ее, падает к ногам зрителей» /Дубровин, 191/.

Хан-Гирей сообщает, что черкесы «делать луков не умеют и достают их из Турции» /Хан-Гирей, 242/. Применявшиеся в Черкесии луки принадлежат к типу сложных, то есть склеенных из разных материалов: рога, дерева, вываренных сухожилий животных. Рог при натягивании тетивы оказывался на внутренней стороне лука и обеспечивал очень сильное ее натяжение. Вдоль рога рыбьим клеем приклеивались вываренные сухожилия животных, которые придавали луку эластичность; тонкий слой дерева составлял внешнюю сторону лука. Концы лука, на которые надевалась тетива, делались из кости.

Хан-Гирей приводит интересные сведения о сезонном использовании луков: несмотря на распространение огнестрельного оружия, «знатнейшие князья и дворяне почитают приличным иметь сагайдак в готовности и носят его весною и осенью, ибо летом от жаров лук становится слаб, а зимою от стужи слишком туг» /Хан-Гирей, 242/.

В Государственном Историческом музее имеется один лук, как нам представляется, бытовавший у черкесов. Деревянная спинка этого лука оклеена черной кожей, украшенной золотыми звездочками. На луке арабская надпись: «Работал Вали, 1215» (то есть 1800 г.).

Для ношения и предохранения лука и стрел от дождя и повреждений применялись специальные футляры — налучье и колчан. Лук в налучье и стрелы в колчане назывались саадак, или сагайдак.

Налучье воспроизводило форму лука, точнее половину его; изготавливалось из красного сафьяна, по краям обшивалось галуном; с правой стороны располагались небольшие серебряные пластины, преимущественно круглые, украшенные гравировкой и чернью.

Колчанов было два типа. Один — это небольшие плоские почти прямоугольные чехлы из красного, черного, коричневого сафьяна или из светлой сыромятной кожи. Правая сторона, из двойного слоя кожи, украшалась различными декоративными вырезами, кожаными тесемками, металлическими цепочками, медными или серебряными круглыми или фигурными бляшками, украшенными гравировкой или чернью. Эти колчаны были рассчитаны на стрелы небольшой длины. Другой тип колчана представляет собой круглый чехол, нижняя часть которого разворачивается в большой прямоугольник с закругленными краями, а верхний угол заканчивается узким язычком. Головка чехла расшивалась серебряными нитями, геометрическим орнаментом в виде прямоугольников. Видимо, этот колчан имел в виду Хан-Гирей — «Чехол, на стрелы надеваемый, бывает шит серебром и золотом» В колчан вкладывалось 30 стрел /Хан-Гирей, 242/.

Огнестрельное оружие

Распространение у черкесов огнестрельного оружия, согласно письменным источникам, относится ко второй половине XVII в. Д. Интериано /конец XV в./ в своем описании военного уклада черкесов огнестрельного оружия не упоминает. Известно, что кабардинские князья в XVI—XVII вв. неоднократно обращались к русскому правительству с просьбой прислать воинов, вооруженных «вогненным боем». Посылки отрядов имели место четыре раза между 1558—1567 гг., они повторялись в 1586, 1589, 1591 гг. В 30-х годах XVII в. терские воеводы, вмешиваясь в междоусобицы местных феодалов, посылали ратных людей с «вогненным боем» /Кушева, 105,131,209,237,259,273,283,303/. Таким образом, в XVI и первой четверти XVII в. черкесская феодальная верхушка знала о преимуществах огнестрельного оружия, но в собственном распоряжении его не имела. При описании населения Черкесии в 1634 г. Дж. Лукка не называет огнестрельного оружия. Эвлия Челеби в 1666 г. характеризовал место огнестрельного оружия в вооружении княжеских дружин. Так, часть из трех тысяч воинов племени шегаке перешли уже к вооружению огнестрельным оружием («Некоторые беи возят ружья на лошадях, а копий не носят»; «пешие воины все имеют ружья»). Отряды, вооруженные ружьями, были достаточно велики; племя большая жанэ в сопровождение хану, в свите которого ехал Эвлия Челеби, выставило тысячу воинов с ружьями. По стольку же воинов с ружьями предоставили и племена адами, «болоткай» (темиргойцы), «бузудук» (бжедуги). В честь праздника, на котором присутствовал Эвлия Челеби, палили залпами из ружей. Доля воинов, вооруженных огнестрельным оружием, согласно данным Эвлия Челеби, колебалась от одной трети (у бжедугов) до одной шестой (в Малой Кабарде, где из 12 тыс. воинов 2 тыс. были вооружены ружьями) /Челеби, II, 59, 63, 71,73,75,76,97/.

Итак, XVII в. — время сосуществования огнестрельного оружия с луком и стрелами. Вся пехота вооружена ружьями, всадники — преимущественно луком, стрелами и копьями. Огнестрельное оружие приобретает значение в тактике боя. Эвлия Челеби рассказывает, что во время столкновений с калмыками кабардинцы и их союзники ногайцы, располагавшие всего 10 тыс. джигитов, заманили калмыков в горы. Ногайские стрелки, засевшие в засаде, из ружей ударили по противнику залпами свинца, а затем прибегли к холодному оружию. В результате 20 тыс. калмыков пало, а еще 20 тыс. было захвачено в плен. (Точность численных данных, конечно, сомнительна). Когда сын убитого вождя калмыков вновь привел войско в Кабарду, кабардинцы и ногайцы применили другую тактическую хитрость: укрывшись в ущелье, они ударили из ружей и перебили почти все калмыцкое войско /Челеби, II, 87—88/.

Огнестрельное оружие постепенно вытесняло лук и стрелы, и XVIII в. можно считать временем повсеместного распространения огнестрельного вооружения. Абри де *ля* Мотрэ писал в 1711 г., что черкесы научились изготовлять («подражать») огнестрельное оружие, подобное тому, которым владели татары. Он даже полагал, что черкесы превзошли то огнестрельное оружие, которое купцы привозили к ним из Константинополя, и даже научились изготовлять порох и пользоваться им по мере надобности /Мотрэ, 124/. Это сообщение подтвердил кабардинский посол Магомед Атажукин, который в 1732 г. сообщил: «Как в Малой, так и в Большой Кабарде к деланию ружья заводы есть и делают пищали и сабли для себя несколько». Тем не менее он полагал, что ружья «более покупают у российских купцов и у крымцев для того, что российские и крымские ружья лутче» /КРО, II, 61-62/.

О ввозе в Черкесию оружия из Крыма сообщает Карл Пейсонель: через Тамань из Крыма между 1750 и 1760 гг. ежегодно ввозилось «1000 ружейных стволов из Бахчисарая, качество которых определяет цену» /Пейсональ, 194/.

В «Описании кабардинского народа» читаем: «Ружье у кабардинцев от большей части огненное, а у некоторых есть и сайдаки... Пищали у них крымские и кубачинские, и больше винтопальные, но притом короткие и лехкие. Они при драке их с неприятельми ис пищалей стреляют каж-

дый только один раз, а потом все саблями и сашками рубят и колют» /ОКН, 158/.

Кавказское оружие первой четверти XVIII в. принадлежит к кремневой системе. Она оставалась неизменной на Кавказе почти до последней четверти XIX в. Так как кремневое оружие служит долго и может использоваться не менее ста лет, то постепенно оно накапливалось в стране, и в 30-х годах XIX в., как о том писал А. Хан-Гирей, «нет почти ни одного черкеса, который не имел бы огнестрельного оружия» /Хан-Гирей, 266/. То же самое сообщал и Д. Белл в 30-е годы XIX в.: «Сейчас каждый пастушок обладает или ружьем или пистолетом, а иногда и тем и другим» /Белл, 499/. Огнестрельное оружие интенсивно производилось в самой Черкесии в годы Кавказской войны, потому что была затруднена связь с центрами производства оружия, в частности с Кубачи. Во всяком случае, именно на 40—60-е годы XIX в. приходится основное количество датированного черкесского оружия.

После окончания Кавказской войны производство огнестрельного оружия резко сократилось. На Западном Кавказе его ношение и вовсе запрещалось, а в Кабарде разрешалось только тем, за благонадежность которых поручалось сельское управление /Мамбетов, 64—67/. Но все же и после 60-х годов оружие еще производилось. М. Чистяков писал, что инструментов для изготовления оружия недостаточно, что они примитивны, но что кабардинцы делают превосходное оружие. Оружейники пользуются уважением и получают хорошую плату за свою работу /Чистяков, 266—267/. Со временем кремневое оружие все более устаревало, распространялось европейское охотничье оружие более совершенных систем. Мастера стали заниматься преимущественно починкой оружия. К концу XIX в. в Кабарде работали только 14 оружейников /Вертепов, 16/.

История сохранила нам немного имен мастеров огнестрельного оружия. Одно из самых ранних относится ко второй половине XVIII в. Тогда кабардинских мастеров приглашали русские военачальники для ремонта и правки оружия. Атаман войска Донского С. Д. Ефремов в 1764 г. доносил в Коллегию иностранных дел, что к нему из Кабарды приехали «для оправки работаю здешним казакам ружей, сабель и протчей поделки Исмаил Аджи с товарищами» /КРО, И, 235/. Речь идет об Исмаил-бее Атажукине. Существует, впрочем, мнение, что этот приезд был лишь прикрытием для переговоров с русским правительством. Во всяком случае впоследствии Атажукин поступил на русскую службу и дослужился до высоких чинов. Он участвовал в штурме Очакова, в войне со Швецией 1789 г., в штурме Измаила /Вилинбахов, 128/. Еще два знаменитых адыгских мастера огнестрельного оружия, Хаджмастафа (или Хаджи Мустафа) и Ериджиб (или Ираджиб), работали, как считают некоторые исследователи, в XVII в. /Мамбетов, 64—67/. Их именами назывались ружья определенного типа, упоминаемые в фольклоре первой половины XIX в., например в песне «Старая Лаба» /ОИК, 4, 320, 383/.

От стариков адыгов мне пришлось слышать в 1958 г. о нескольких мастерах, живших и работавших до 1864 г.

Это были:

Ериджиб, или Ираджибок, который изготавливал винтовки с массивными стволами, утолщенными у дульного среза, с массивными прикладами, украшенными оленьим рогом. Подобные винтовки, называвшиеся его именем, славились и дорого стоили. В песне рассказывается, что пуля из «ираджибока» пробила голову врага и попала в голову предателя.

Машук делал металлические части легких винтовок с длинными стволами и черными прикладами, которые назывались по его имени «машуками». Он был абадзехом, работал в то время, «когда абадзехи еще жили в горах», то есть до 60-х годов XIX в.

Клепшук славился целиком сработанными ружьями и пистолетами. Он украшал стволы золотой насечкой, а ложу — серебром с чернью. Жил Клепшук в горах.

Хаджи Мустафа, живший в первой половине XIX в. Заметим, что имя «Хаджи Мустафа» часто выбито на стволах «крымских» ружей и дагестанских пистолетов, сделанных в Харбуке. Можно предположить, что он не был черкесским мастером, но оружие его производства бытовало в Черкесии.

М. А. Меретуков приводит названия десятка типов адыгейских ружей, сообщенных ему информаторами. Среди них есть «машук», «ерджибеги», «хадже-мустафа» и «маджар»

(последнее название распространено у чеченцев) /Меретуков, 64/.

Несколько имен черкесских мастеров XVIII—XIX вв. можно установить по хранящимся в музеях ружьям и пистолетам. При этом нужно учитывать, что создавали огнестрельное оружие мастера нескольких специальностей — ствольщики, замочники, ложники, серебряники — и не все они ставили свои имена на изготавливаемых предметах. На стволах, относимых мною к крымскому производству, обычно выбиты имена крымских мастеров. На стволах черкесского производства имена ствольщиков, за редким исключением, не встречаются.

Бытовавшие в Черкесии ружья и пистолеты, по нашему мнению, имеют замки местной работы. Почти все они снабжены клеймами со значками или именами мастеров. В результате нам известны многие черкесские замочники конца XVIII — первой половины XIX в. Ложники, напротив, за очень редким исключением, своего имени не указывали. На серебряных деталях ружей и пистолетов имена мастеров встречаются часто. Эти же мастера украшали серебряные детали холодного оружия, поэтому они названы мною в общем списке мастеров серебряного дела.

Имена мастеров огнестрельного оружия второй половины XIX в. известны главным образом из опросов населения. Они перечислены в работах Г. Х. Мамбетова, Б. Х. Мальбахова, Х. Х. Яхтанигова /Мамбетов, 64—67; Мальбахов, 101; Яхтанигов, 23—24/. Их данные я дополняю материалами своих полевых сборов, проведенных в 1958 г. Итак, можно восстановить период работы, изредка годы жизни, ассортимент изделий следующих оружейников.

Абидов Ш. (конец XIX в.), сел. Дейское. Изготавливал также холодное оружие.

Абитов Хату (середина XIX в.), сел. Хамидие. Изготавливал двуствольные ружья с вертикально расположенными стволами, которые высоко ценились во Владикавказе. По-видимому, работу этого мастера имел в виду Хан-Гирей, сообщая, что адыги изготавливали двуствольные ружья с вертикально расположенными стволами с двумя замками /Хан-Гирей, 265/.

Абдоков, Кызбурун П.

АгабаевД., из Чегемского общества.

Алоев Барак (середина XIX в.), сел. Чегем П.

Арипшев Хасет, сел. Чегем I.

Ачабаев, Балкария.

Бадзалей (примерноХУШ в.).

Бацежев Птиш (середина XIX в.), сел. Дейское.

Беканов (конец XIX в.), сел. Чегем I.

Беку лов М. (конец XIX в.), сел. Урвань. Занимался ремонтом или переделкой оружия.

Бербеков Црух (середина XIX в.), сел. Аушигер.

Бичоев Тагир (вторая половина XIX в.), сел. Нарвань.

Варитловы, Шалушка.

Гятов, Старый Лескен.

*+ Дабагов Мухаммед (1863—1943), сел. Чегем I. Сын Хайсета Дабагова, кузнец и оружейник. Изготавливал ружья, пистолеты; считался лучшим мастером *.*

+ Дабагов Хайсет, или Хажсет (1826—1933), сел. Чегем I. Известный мастер, изготавливал ружья, пистолеты, холодное оружие, конскую сбрую, порох. Начал работать во время Кавказской войны/ИКБ, 1,344/.

+ Дауров Хусейн (середина XIX в.), сел. Хакуринохабль. Во время Кавказской войны отливал пушки, делал ружья, шашки, кинжалы, шлемы, порох. Железо добывал сам. Ружье изготавливал полностью, но оружие не украшал.

Жерештиев Псаун (вторая половина XIX в.), сел. Шалушка.

Закореев А. (конец XIXв.), сел. Каменномостское. Делал также холодное оружие.

Калибатовы, Старый Лескен.

Каражев Шамиль, Н. Курп.

Карданов Ж. (конец XIX в.), сел. Урвань. Изготавливал также холодное оружие.

Каров С, Старый Лескен.

Курманов К. (конец XIX в.), сел. Басканенок. Изготавливал и холодное оружие.

Кушкабиевы, семь братьев (начало XIX в.), сел. Хамидие.

Мамхетов Т. (вторая половина XIX в.), сел. Кызбурун Ш. Изготавливал ружья образца «хаджмастафа» и «ериджиб». Сконструировал

* Крестиком здесь и далее отмечены имена мастеров, установленных мною.

приспособление для вытачивания ствола в форме четырехугольной рамки с лежащим на ней деревянным стержнем с железной шестигранной частью, имевшей 6 зубцов на конце. У него имелось восемь таких приспособлений, которыми он пользовался поочередно.

Машуко (начало XIX в.), сел. Дейское.

+ Метов (род. около 1800 г.), сел. Ходзь. Мастер огнестрельного оружия, дед серебряника Асланука Метова.

Мечиев, Балкария,

Наурзоков, Кызбурун I.

Саней (XIX в.) /ОИКЧ, 1,383/.

Сижажев (конец XIX в.), сел. Нартан.

СоновМ. (конец XIXв.), сел.Куркужин. Занимался ремонтом или переделкой оружия.

Сруков Хажмуса (вторая половина XIX в.), сел. Урух.

Сруков Хажцук (вторая половина XIX в.), сел. Урух.

Таов (начало XIX в.), Кабарда, сел. Шалушка.

Темиржанов А. (вторая половина XIX в.), сел. Верхняя Балкария. Известный оружейный мастер/ИКБ, 1,344/.

Теуников Марем (конец XIX в.), сел. Старый Лескен.

Тлемтхачев Б. (род. около 1880 г.), сел. Нартан. Согласно его сообщению, между 1900 и 1920 гг. изготовил 150 кремневых ружей и пистолетов.

Унакафов Х. (конец XIX в.), сел. Старый Лескен.

Хабечев М., Терек.

+ Хапачевы Хаджи Белю (род. около 1870 г.) и Лялю, братья из сел. Хатажукай. В молодости делали одноствольные ружья.

+ Хиштов Хечемако (около 1825—1915 гг.), сел. Кошехабль. Изготавливал холодное оружие (клинки кинжалов), чинил огнестрельное оружие, делал железные детали для конской сбруи и седел. Изделия украшал золотой насечкой и костью.

Шереужев М. (или Л.) (конец XIX в.), сел. Урух. Ремонтировал или переделывал оружие.

Шеушеков, изготавливал ружейные замки /Меретуков, 67/.

Шогенов О. (конец XIX в.), сел. Урух. Ремонтировал или переделывал оружие.

Ружья

В оружейных коллекциях ружья, бытовавшие на Западном Кавказе, представлены многими экземплярами. Письменные источники называют употреблявшиеся здесь крымские, кубачинские, русские и местные ружья. Поскольку русскому оружию посвящены специальные исследования, а кубачинские ружья будут рассмотрены в соответствующем разделе дагестанского оружия (здесь заметим только, что из 20 ружей собрания Оружейной палаты, датируемых первой четвертью XVIII в. и определяемых мною как кубачинские, три имеют накладки, украшенные черкесским орнаментом), то в этом разделе остановимся на характеристике двух групп бытовавшего в Черкесии оружия — крымской и местной.

Крымские ружья. Напомним, что о распространении в Черкесии крымских ружей нам сообщают три источника: французский консул в Каффе К. Пейсонель, писавший, что между 1750 и 1760 гг. в Черкесию через Тамань среди прочих товаров была вывезена из Бахчисарая тысяча ружейных стволов /Пейсонель, 194/; «Описание кабардинского народа» (1748 г.), в котором читаем: «Пищали у них крымские и кубачинские и больше винтопальные, но притом короткие и лехкие» /ОКН, 158/; кабардинский посол Атажукин, сообщавший, что кабардинцы ружья «более покупают у российских купцов и у крымцев для того, что российские и крымские ружья лутче» /КРО, II, 61—62/. Ни один письменный источник не содержит описания крымского ружья, тем не менее удается выделить из кавказских ружей группу, стволы которых имеют определенные общие признаки.

Стволы этой группы сделаны из букетного или жгутового Дамаска или из обычной стали, имеют форму восьмигранную или круглую. У казны стволы утолщены, составляя 27—29 мм, к дулу постепенно сужаются до 19—22 мм. Некоторые стволы сужаются больше всего на расстоянии 10—25 см от дульного среза. Круглые стволы у дульного среза имеют небольшие раструбы в 2—3 мм. Длина стволов колеблется от 95,5 до 119 см, преобладает размер в 112—114 см. Все стволы имеют семь или восемь винтовых нарезов, которые делают оборот от чет-

Рис.58. Черкесские ружья середины XIX в. (ГИМ №969,982, 1002, 1007)

верти до полного шага. Встречаются нарезы полукруглой формы со скругленными полями, но бывают и прямые. Глубина нарезов колеблется от 0,5 до 2 мм, ширина поля — от 2,5 до 6 мм. У нарезов с прямыми полями ширина поля больше, чем у нарезов со скругленными, составляя 4,5—6 мм.

Калибр канала ствола между нарезами равен 13,5—15 мм, между полями — 12—14,5 мм.

Прицелы у рассматриваемых стволов — турецкого типа, то есть постоянные диоптрические, но только с одним отверстием. Иногда, кроме отверстия, имеется полуовальная выемка сверху или вертикальная сквозная прорезь.

В дульной и казенной частях расположен орнамент, выполненный внутренней инкрустацией: очень тонкая золотая проволочка, отчеркнутая с обеих сторон тонкими гравированными линиями. Орнамент состоит из двух частей: нижней — двух парных стеблей, образующих два уступа, затем сближающихся и в середине образующих плетенку, а затем расходящихся и снова образующих два уступа; и верхней — двух симметрично закрученных стеблей, которые, соединяясь, образуют небольшую цветочную вершину. В целом орнамент довольно примитивен и скорее носит геометрический, чем растительный характер.

На большинстве стволов имеется по одному клейму, на некоторых — по два. Одно клеймо выбито на средней грани перед вершиной среди орнамента; оно пятигранной (реже листовидной) формы и содержит имя мастера-ствольщика — «работал такой-то». Второе клеймо листовидной формы выбито на боковой грани у прицела с надписью «имтихан», что значит «испробовано» (или «испытано»). Это клеймо широко применялось в Османской империи и означало, что ствол прошел испытание на прочность. Клеймо «испробовано» сопровождается личным клеймом мастера и очень редко встречается без него. Видимо, поставив на стволе личное клеймо, мастер передавал его на испытание.

Кроме клейм, на боковых гранях некоторых стволов имеются надписи и даты, расположенные среди орнамента. Надписи содержат арабское изречение: «То, что угодно богу». Даты колеблются от 1780 до 1790 г. Особенно часто встречаются 1784, 1789, 1790 гг.

Однотипность украшений и надписей, близость датировок и клеймо «испробовано» наводят на мысль о существовании какого-то единого

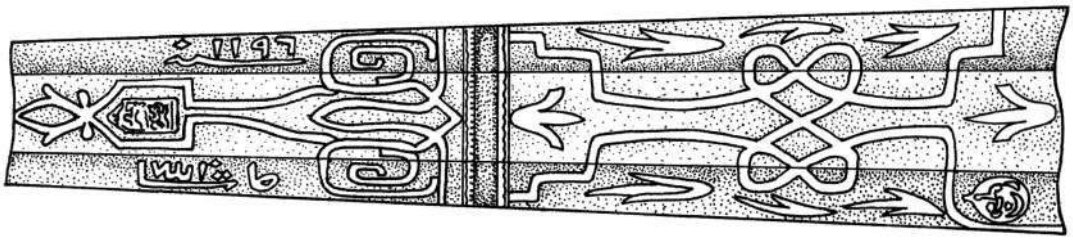


Рис. 59. Крымский ствол

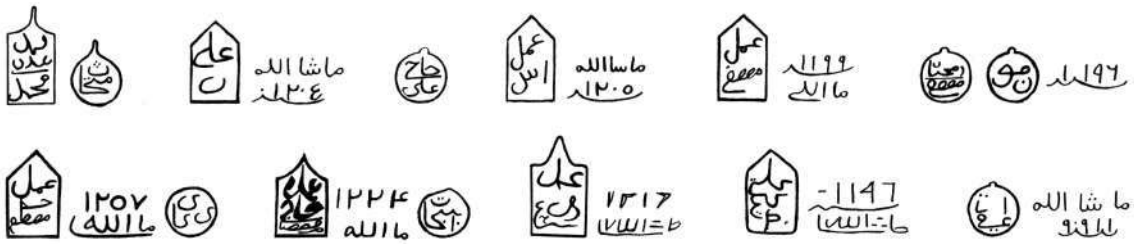


Рис. 60. Образцы клейм на крымских стволах

крупного центра с налаженным производством. Если наше предположение о крымском происхождении стволов верно, то Бахчисарай вполне мог быть таким центром. После присоединения Крыма к России производство стволов, видимо, почти прекратилось, даты начала XIX в. встречаются редко.

В клеймах на крымских стволах довольно часто встречается имя Мустафа. Это имя выбито на стволах с датами 1781, 1784; а с датами 1809, 1841 значится Хаджи Мустафа. Если клейма принадлежат одному мастеру, то он совершил свой хадж (паломничество к святым местам) между 1784 и 1809 гг. Но вряд ли мы имеем дело с одним и тем же мастером — слишком велик разрыв между крайними датами — 60 лет. Вспомним, что один из типов ружей на Западном Кавказе называют «Хаджи Мустафа». Однако уверенно идентифицировать ружья с этим клеймом с типом «Хаджи Мустафа» невозможно.

В одном из домов селения Чегем I (Кабардино-Балкария) в 1958 г. мне пришлось видеть ружье с «крымским» стволом, которое хозяева называли «машук», хотя изготовление ружья приписывалось местному мастеру Хайсету Дабагову.

Напомним, что один из информаторов рассказывал о мастере по имени Машук, абадзехе, работавшем тогда, «когда абадзехи еще жили в горах». Этот мастер делал длинные, тонкие винтовки черного цвета, которые называли его именем. Существовал ли в действительности мастер по имени Машук? А может быть, название ружья произошло от арабской надписи на его стволе, которая по-арабски звучит «Маша'а Аллах», то есть «То, что угодно богу».

Крымские стволы почти всегда сочетаются с замками определенного типа. Эти же замки присутствуют на ружьях, по нашему мнению, целиком сделанных в Черкесии, а немного меньшего размера — и на черкесских пистолетах. Ружья с крымскими стволами имеют сходный между собой остальной прибор и ложе. Из этого можно заключить, что к привозным стволам все остальные части ружья делались на месте, в Черкесии.

На кавказском огнестрельном оружии применялся средиземноморский тип кремневого замка. Назовем его кавказским видом с подразделением на черкесский, кубачинский и закавказский образцы. Каждому из них можно найти параллели среди турецких замков. Поэтому не вызывает

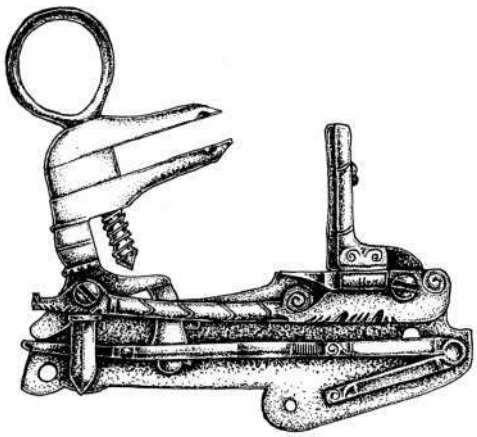


Рис. 61. Турецкий замок первой половины XVIII в., прототип черкесского замка

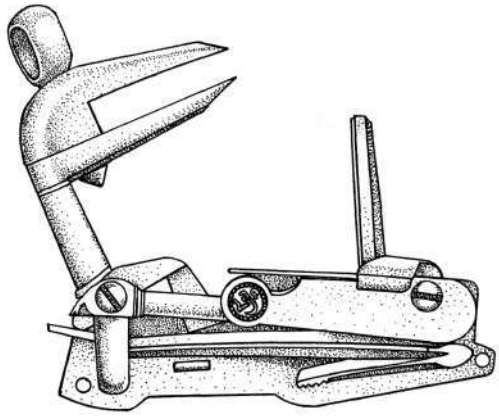


Рис. 62. Черкесский замок второй половины XVIII—XIX в.

сомнений, что кавказские замки имели прототипом турецкие.

Черкесский образец замка состоит из следующих деталей:

1) замочной доски, на которую монтируются все детали замка и которая имеет отверстия для крепления: замочных винтов, крепящих замок к ложу, винта спусковой пружины, боевого взвода, предохранительного взвода, оси спуска, боевой.пружины, подогнивной пружины, боковой планки, полки и огнива, курка;

2) курка, состоящего из пяти частей — верхней губки с круглым отверстием для зажимного винта и зубом на нижней плоскости, фиксирующим положение верхней губки относительно нижней; винта, вворачиваемого через обе губки; из нижней губки с отверстием для зажимного винта и пазом для зуба верхней губки; стебля; пятки с боевым выступом книзу;

3) боевой пружины, имеющей два пера: короткое с выступом, входящим в специальную прорезь замочной доски, и длинное, подпирающее снизу пятку курка;

4) подогнивной пружины, также двуперой, предназначенной для прижимания закрытого огнива; короткое перо имеет выступ, входящий в специальную прорезь замочной доски;

5) полки с желобом для пороха и площадкой перед ней; полка крепится к замочной доске винтом, проходящим через боковую планку и хвост огнива; полка имеет два выреза для замочной доски;

6) огнива, состоящего из двух колен: верхнего, служащего для воспламенения заряда, снабженного вставной рифленой пластинкой; нижнего, служащего крышкой полки с выкованным вместе с ней выступом, через отверстие в котором проходит крепящий огниво винт; этот винт крепит полку;

7) боковой планки с двумя отверстиями для винтов и с передним концом со штифтом, входящим в переднее верхнее отверстие замочной доски. Винты крепят полку-огниво и курок; головки винтов выходят на боковую планку;

8) пластинчатой спусковой пружины (перка) с отверстием спереди для прикрепления винтом к замочной доске; ее задний конец со стороны замочной доски имеет боевой выступ (боевой взвод), проходящий насквозь через замочную доску; с левой стороны пружина загибается вниз плоским крючком, лежащим на тыльной стороне спуска;

9) угольника жесткости оси курка; иногда он представляет собой единое целое с боковой планкой, иногда выкован отдельно; удерживается тем же винтом, что и курок;

10) спуска, состоящего из двух колен: одно резко выступает за плоскость замка и служит для зацепления со спусковым крючком; другое имеет выступ — предохранительный взвод, про-

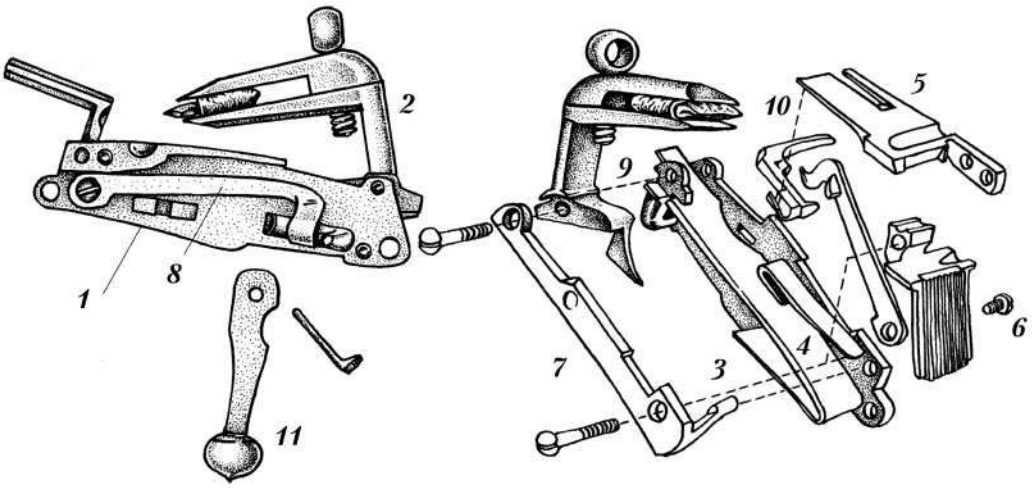


Рис. 63. Черкесский замок в разобранном вид

ходящий через специальное отверстие в замочной доске и выходящий на ее лицевую сторону. Предохранительный взвод загнут сверху для удержания боевого выступа курка.

11) спускового крючка (шарика).

Замки ружей имеют средний размер — 60 мм высоты, 80 мм длины (самый крупный — 71 мм высоты, 92 мм — длины; самый маленький — 54 мм высоты, 69 мм длины). Они довольно легки, даже изящны по конструкции, которая обладает особенностями, отличающими черкесский образец от кубачинского и закавказского. Так, курок имеет длинные, узкие и тонкие губки с очень небольшим плавным расширением впереди. Спинка курка довольно узка, закруглена, слегка сужена кверху. Скрепляющий губки винт заканчивается круглым отверстием для удобства завинчивания. Огниво узкое — прямоугольной формы, со врезанной в него без винта прямоугольной пластинкой с прямыми вертикальными нарезами. Огниво у замков этой группы закреплено винтом, выходящим головкой на боковую планку. Полка и крышка полки имеют вытянутую прямоугольную или уплощенную трапециевидную форму, слегка выступающую за габариты замка. Соответствующее полочному углублению, углубление в крышке полки имеет полукруглую форму, такую же, как сама полка, или отсутствует совсем. Спуск не насажен на ось, как у замков кубачинской группы, а закреплен прижимающим его сверху длинным пером спусковой пружины. Замочная доска в нижней части оснащена двумя выступами: один — в сторону боевой пружины, другой — в сторону угольника жесткости курка и замочного винта. Отверстие для предохранительного взвода прямоугольной формы. Боковая планка от курка представляет собой узкую полоску, которая затем расширяется и имеет форму вытянутого овала, в его начале выбито круглое клеймо с именем мастера. Сверху около клейма имеется небольшой выем. Боковая планка имеет несколько вариантов: без выемки около клейма; с двумя выемками; левая часть ее может быть шире и не закруглена; правая сторона не закруглена, а заканчивается выступом.

От турецких черкесские замки отличаются конструкцией следующих деталей: губки курков черкесских замков тоньше и больше вытянуты, чем турецких; огниво черкесских замков имеют большей частью прямоугольную форму, в то время как огнива турецких замков — почти овальную; в украшении черкесских замков отсутствует всякая вычурность, столь характерная для турецких замков. Черкесские замки значительно менее массивны, чем турецкие.

Замки черкесских пистолетов имеют меньший размер, чем замки ружей; они отмечены такими же клеймами и являются работой тех же маете-

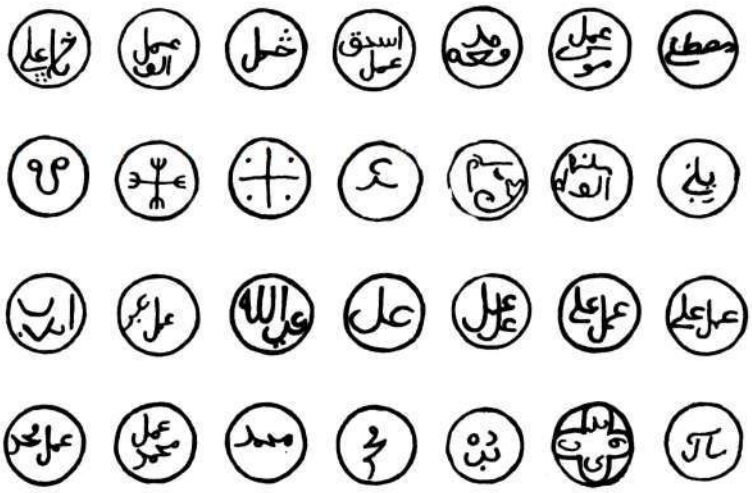


Рис. 64. Образцы клейм на черкесских замках

ров, поэтому клейма на пистолетах и ружейных замках целесообразно рассмотреть вместе.

Клейма выбивались круглым штампом с арабской надписью «Работал такой-то» или только с указанием имени мастера. Иногда клеймо состояло из арабских букв или знаков, видимо условных значков мастера. Встречаются клейма с одинаковым именем мастера; если при этом рисунки клейма различаются, то, значит, замки сделаны разными мастерами. Только в нескольких случаях клейма полностью идентичны и замки, следовательно, являются работой одного мастера.

Замки украшены золотой поверхностной насечкой по шероховатому фону. Стилизованный растительный орнамент имеет несколько вариантов: кружочки, заполненные завитками в форме запятых; такие же завитки, соединенные со стилизованными веточками и лепестками; стебли с двумя и тремя лепестками. Растительный орнамент сопровождается примитивной геометрической штриховкой. Иногда среди орнамента встречаются розетки, помещенные на фоне мелких клеток — решета. Один из замков коллекции ГИМ сплошь обложен серебряными пластинками, украшенными гладким черневым орнаментом с причудливо изогнутыми двухлепестниками с белыми запятыми внутри. Среди орнамента русские надписи: «умри злодей!» и дата «1848».

На некоторых ружьях и пистолетах около замков прикреплены небольшие, набитые ватой кожаные подушечки — они предохраняли палец от ранения об острые углы курка. Ружья с крымскими стволами и описанными выше замками имеют ложе из орехового дерева, узкий, тонкий, длинный и легкий приклад, заканчивающийся костяной пятой. В околохвостовой части в дерево инкрустированы роговые или костяные пластинки, нередко в виде закрученного рога. Обоймицы железные, узкие, без всяких украшений. Ружья с крымскими стволами в большом количестве хранятся кроме Москвы и Петербурга в музеях Западного г\,авказа, встречаются они и у населения. В Дагестане такие ружья редки. Регионом их распространения является Северо-Западный и Центральный Кавказ.

Ружья черкесского производства. Группе ружей, которую я полностью отношу к черкесскому производству, свойственны определенные признаки: они имеют длинные, массивные, большей частью круглые стволы, украшенные растительным орнаментом, состоящим из двух одинаковых, параллельно расположенных стеблей, выполненных золотой насечкой. Как

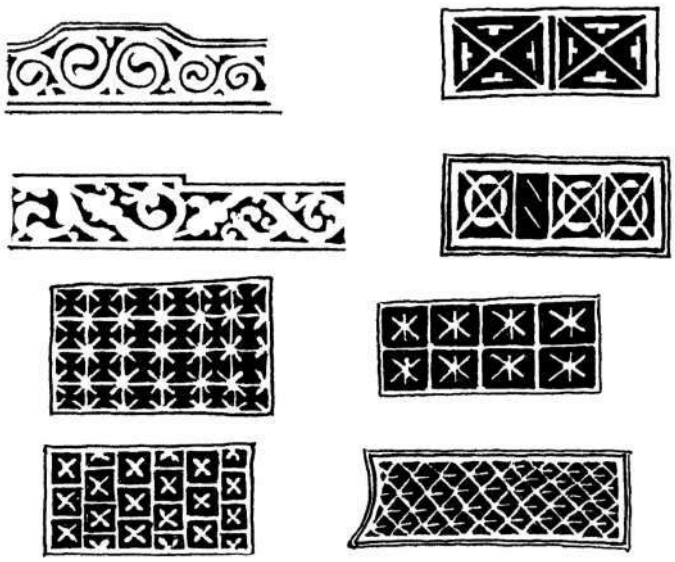


Рис. 65. Украшения черкесских замков

правило, эти стволы не имеют клейм и надписей. Однако в Государственном Эрмитаже хранится ружье, украшенное серебряными пластинами с черневым черкесским орнаментом, на длинном, массивном нарезном стволе которого в пятигранном клейме штампом выбита арабская надпись «Ираджаб». В Адыгее, как мы знаем, рассказывают о мастере по имени Ираджиб (Ериджиб), который делал красивые ружья с массивными стволами, утолщенными у дульного среза. Эти ружья именовали «Ираджибок». Этот термин толкуют, выводя его не только от имени мастера, но и от слова «ерджиб», по-адыгейски «шумное», «громкое». В Дагестане в селении Казанище известна семья оружейных мастеров с таким родовым именем. Возможно, один из них в свое время переселился в Черкесию.

Замки у этих ружей такие же, как у крымских. Ложи изготовлены из орехового дерева, массивные и длинные. Широкие обоймицы сделаны из серебра. Вокруг замка, винтов, спускового шарика мелкими гвоздиками прикреплены серебряные накладки. Накладка, идущая от спуска, раздваивается и по форме похожа на ножницы. Обоймицы и накладки украшены орнаментом, выполненным гладкой чернью без вторичной гравировки по гладкому блестящему фону серебра или гладкой чернью с фоном, гравированным мелкими зигзагами. Орнамент имеет несколько вариантов. Один из них изображает извивающиеся ветки с толстыми круглыми листьями; другой — круг, заполненный черневым штриховым узором «сито»; под кругом расположены черневые полосы, от которых вниз отходят кисти или S-образные завитки. Иногда кисти сочетаются не с решетом, а с соединенными друг с другом двухлепестниками. Иногда решето сопровождается извивающимися ветвями с двухлепестковыми или округлыми листьями с белой полоской внутри. Наконец, еще один вариант — в кругах расположены солярные розетки с рогообразными завитками.

Для кавказских, как и для турецких ружей первой половины XVIII в. очень характерной деталью является игла для прочистки затравочного отверстия. Она прикреплялась к цепочке и вкладывалась в специальный, прибитый к ложу серебряный футляр. Такая игла изредка встречается и на ружьях XIX в.

В завершение добавим, что «знатнейшие воины из лучших фамилий имеют ружья, оправленные в серебро под чернью, с позолотой и золотой насечкой на замке и с надписью на стволе» /Хан-Гирей, 243/.

Рис. 66. Черкесское ружье середины XIX в. (ШИМ № 984)

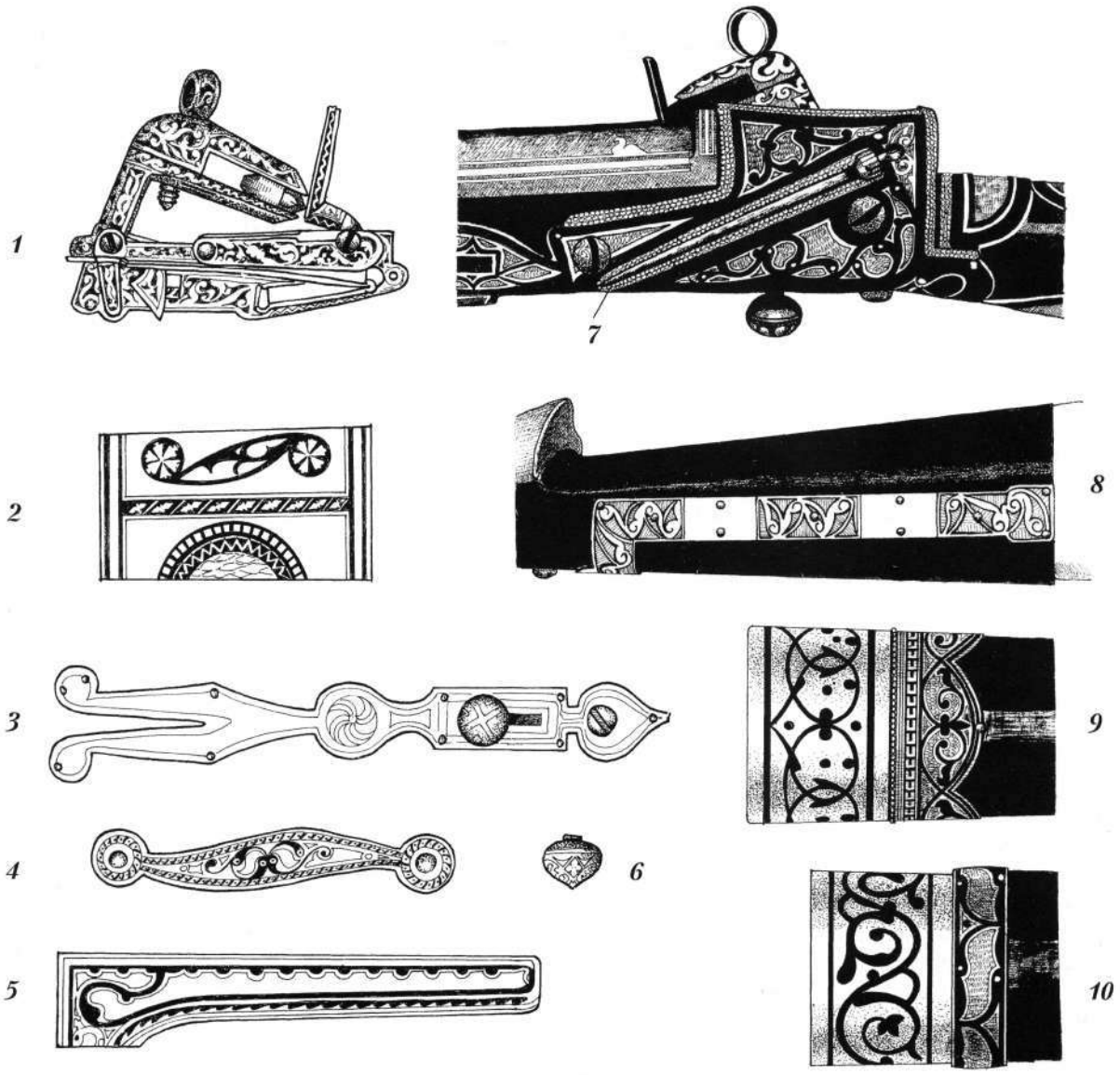


Рис. 67. Детали ружья: замок (1), обоймица (2), накладка в форме ножниц (3), замочная личинка (4), накладка на верхнем конце цевья (5), спуск (6), игла для прочистки затравочного отверстия (7), накладки на прикладах ружей XVIII—XIX вв. (8—10)

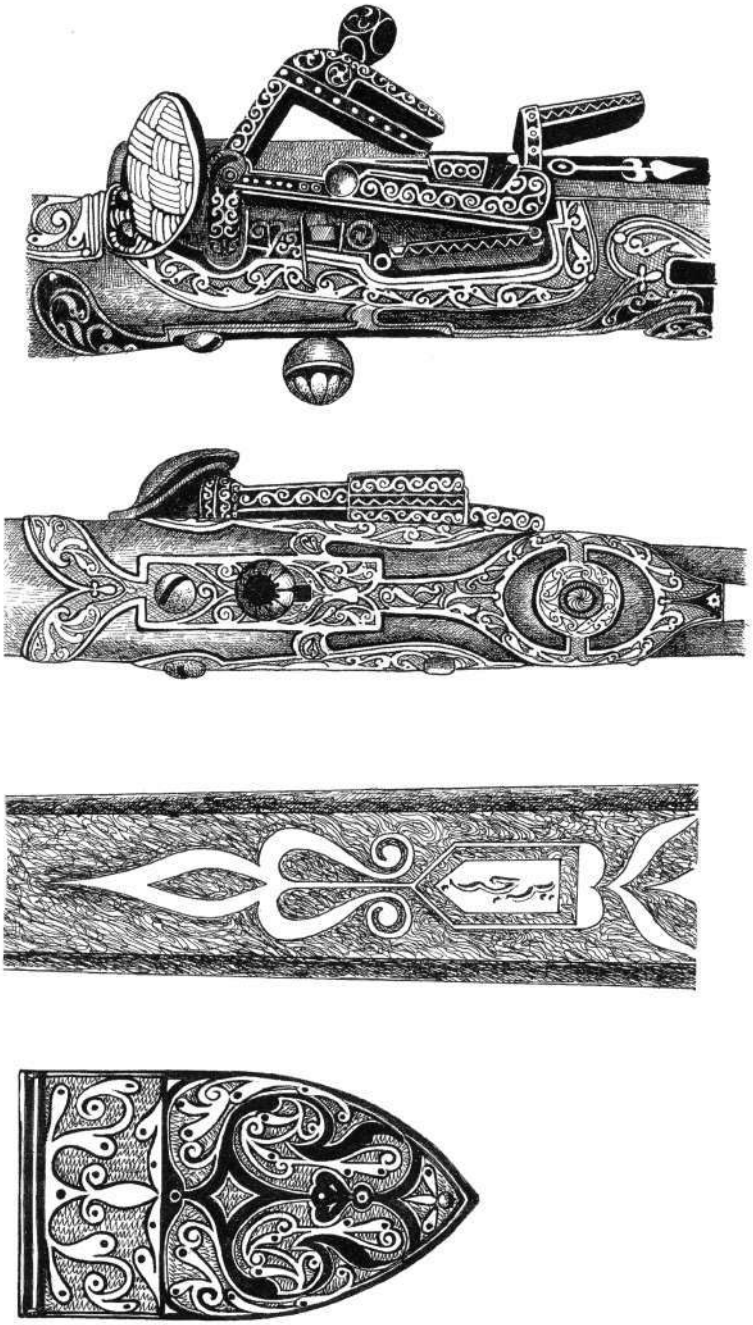
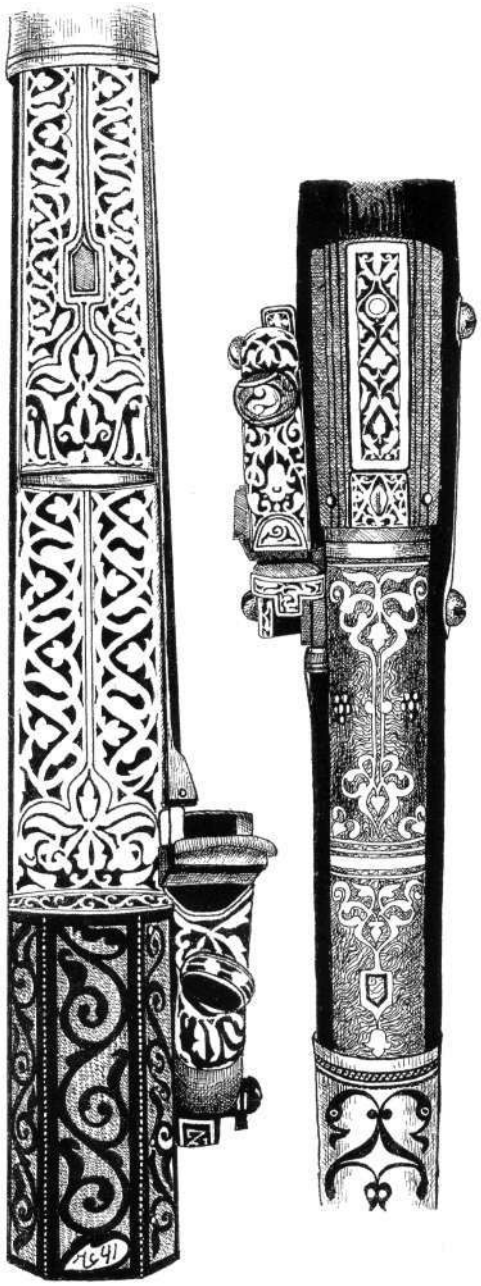


Рис. 68. Детали ружья работы мастера Ираджаба (ГЭМ2601)



а *б*

Рис. 69. а - ствол черкесского производства, украшенный золотой насечкой; б - ствол дагестанского производства, бытовавший в Черкесии

Рис. 70. Черкесские пистолеты середины XIX в.
(ГИМ№ 1231об, 15303)

Пистолеты

В Черкесии бытовали «собственно черкесские и турецкие пистолеты» /Хан-Гирей, 243/. Если ружья на Кавказ пришли с Востока, то пистолеты — с Запада, как, впрочем, и в Турцию и Северную Африку О западном происхождении черкесского пистолета свидетельствует, на мой взгляд, прежде всего форма рукояти, заканчивающейся шариком. Можно предположить, что прототипом для нее послужила рукоять западноевропейских колесцовых пистолетов XVI—XVII вв. Западные пистолеты, по-видимому, ввозились на Кавказ через черноморские порты. К производству собственных пистолетов в Черкесии приступили, думается, не ранее середины XVIII в.; такое заключение можно сделать на основании того, что все замки на пистолетах идентичны замкам на ружьях, датируемым второй половиной XVIII—XIX вв.

К черкесским я отношу большую группу пистолетов, имеющих специфические черты во всех основных элементах — стволе, замке, приборе. Известно, что кавказские мастера довольно искусно подделывали свои изделия под европейские и отличить их произведения от подлинно европейских иногда представляется затруднительным. Из 38 черкесских пистолетов собрания ГИМ 33 имеют стволы западноевропейские или подражающие им. В подлинности

Рис. 71. Черкесские пистолеты середины XIX в.
(ГИМ№ 15351, 1531,3897)

европейского происхождения некоторой части стволов нас убеждает одна конструктивная деталь: на нижней стороне некоторых стволов имеются остатки приспособлений для крепления стволов к ложу. Это углубления в форме ласточкина хвоста, куда вставлялись приливы с отверстиями, через которые проходили шпильки, соединяющие ствол с ложем, или опиленные остатки самих приливов. Известно, что в восточном оружии отсутствует такой способ крепления ствола с ложем — на кавказских пистолетах он возмещается мощным хвостовым креплением на два винта и большим количеством обоймиц. Имитировать при подделке такую конструктивную особенность, выявлявшуюся только при полном разборе оружия, не имело смысла. Поэтому стволы со следами описанного выше крепления можно считать, бесспорно, европейскими. К тому же часть стволов имеет выбитые европейские клейма.

Все стволы сделаны из стали, имеют круглую форму, нарезы отсутствуют, стволы утолщены к казне, где иногда оформлены гранями. Толщина ствола у казенного среза колеблется от 20 до 30 мм, наиболее распространенная — 22—25 мм. Толщина у дульного среза от 15 до 19 мм, наиболее распространенная —16—17 мм. Таким образом, разница между толщиной у казны и у дула не превышает 6—7 мм. Длина стволов различна, варьирует от 28 до 38 см, в среднем составляя

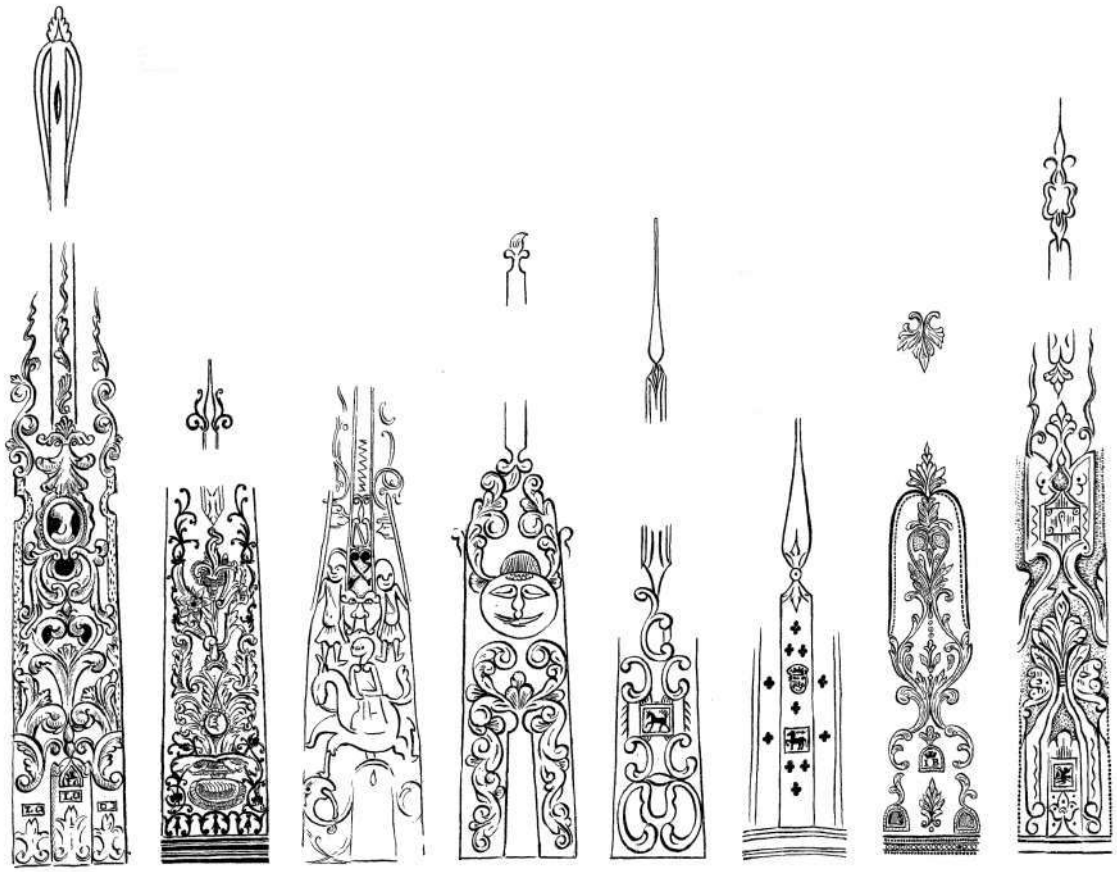


Рис. 72. Образцы украшения стволов европейского типа

32 см. Длина ствольного канала на 1,5—2 см короче общей его длины.

Калибр колеблется от 12 до 17 мм, самый распространенный — 14—15 мм.

Вес стволов — от 215 до 585 г, в среднем — 400—450 г. Вес с хвостовиком обычно на 100 г больше. Почти все стволы лишены прицельных приспособлений. Только на шести бесспорно европейских стволах имеются мушки из желтой меди, расположенные в 4—5 см от дульного среза и имеющие слегка овальную, удлиненную (1,5 см) форму. Два ствола имеют прицелы — открытые и постоянные. Хвостовик ввинчивается в ствол при помощи винтовой нарезки 5—7 оборотами винта. Только на шести стволах хвостовик, видимо, наглухо приварен. Казенная часть почти всех стволов украшена орнаментом рокайльного типа, состоящим из раковин, завитков, перышек. Он может быть насыщен многими элементами или состоять всего из нескольких раковин и завитков. Часто изображены пальметты, на некоторых стволах среди растительного орнамента можно видеть фигуры людей и животных, маскароны и т. п. Как известно, рокайльные мотивы очень широко применялись в украшении европейского оружия XVIII в. Орнамент выполнен резьбой (оброном) и гравировкой. Вдоль ствола в направлении к дулу по центру расположена слегка выпуклая планка в виде широкой стрелки. Такие планки часто служили для прицеливания вместо мушки.

На части стволов выбиты клейма такого высокого качества, что исключается мысль об их поддельности. По форме они квадратные, пятигранные или закругленные: внутри клейма помещены корона и две буквы, видимо, инициалы

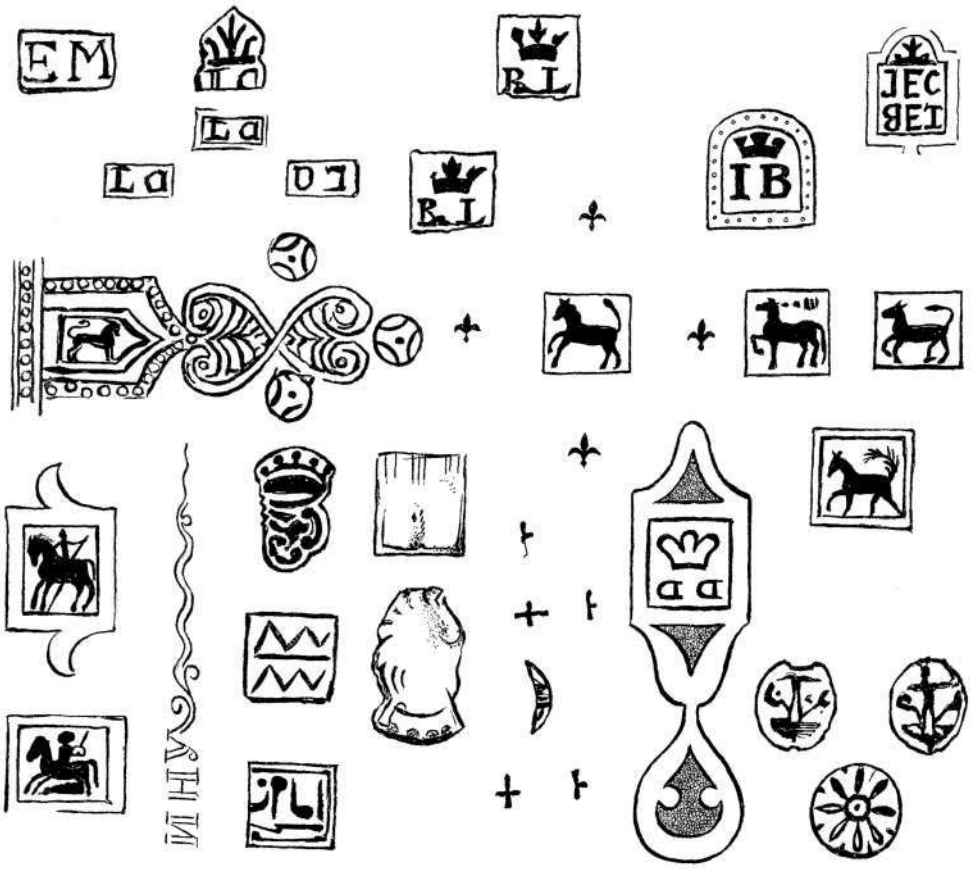


Рис. 73. Образцы клейм европейского типа

мастера. Два ствола с подобными клеймами датированы 1757 г. Стволы украшены сходным рокайльным орнаментом с медными неправильной формы медальонами; техника украшения — резьба и гравировка (в редких случаях встречается золотая насечка).

На части стволов среди орнамента выбиты квадратные клейма с изображением коня, скачущего или спокойно стоящего, с поднятым или опущенным хвостом; в двух клеймах на коне изображен всадник. К сожалению, не удалось выяснить, кому из европейских мастеров принадлежали подобные клейма*. Кроме квадратного клейма с конем, имеются еще и другие клейма европейского типа: королевские лилии, обрамляющие клейма, фигурное, напоминающее «голову короля» клеймо знаменитого золингенского мастера холодного оружия Иоганнеса Вундеса**. Голова короля на пистолетном стволе — видимо, поддельное клеймо, так как Вундесы — мастера холодного оружия. Привлеченный эффектным видом клейма, мастер перенес его на огнестрельное оружие. Интересно, что иногда клеймо только по внешнему контуру напоминает голову короля, тогда как внутри изображены два рокайльных завитка и черточки. По всей вероятности, копируя плохо сохранившийся оригинал, мастер заполнил стершу-

* Известно, например, клеймо мастера Кюхенрайтера (Регенсбург) — скачущий конь в круглом маленьком овале.

** И. Вундес работал в 1520—1620 гг. (с 1591 г. вместе со своим сыном Иоганном); клеймо перешло к его сыновьям и внукам, а в 1774 г. было продано Петру Вейербергу /Ленд, 1908; 253; Boeheim, 654/.

юся внутреннюю часть клейма завитками в стиле украшения всего предмета.

На некоторых стволах в квадратных клеймах помещены неясные значки, зигзаги. Все эти стволы украшены сходным орнаментом, состоящим из раковин, завитков и перьев, выполненных неглубокой резьбой и гравировкой.

Кроме привозных западноевропейских стволов или местных подражаний им, на бытовавших в Черкесии пистолетах встречается еще один вид стволов, по моему мнению, местного производства. Это стальные, круглые стволы без нарезов, утолщенные к казне, с очень небольшим ребром сверху по центру; у дула имеется небольшой раструб, которому предшествует поперечный ободок. Такой же ободок повторен у казенного среза. Длина стволов колеблется от 27,5 до 31 см; калибр — 11 — 13 мм. Стволы близки между собой не только конструктивно, но и по декору: они украшены гладкой золотой насечкой стилизованным растительным орнаментом. Встречаются два его варианта. Для одного характерен орнамент, заключенный в парные рамки, состоящий из извивающихся веток с двухлепестниками и бутонами. Он расположен на казенной части, у дула, дважды повторен в середине ствола. Остальную неукрашенную поверхность ствола должны закрывать обоймицы. У второго варианта золотая насечка покрывает всю поверхность ствола. Возле казны она образует рамку, заполненную двухлепестниками. Две полосы орнамента, состоящего из вьющихся стеблей со слегка вытянутыми двухлепестниками и из трехлепестковых цветов, доходят до поперечных ободков у дула. Никаких надписей и клейм на стволах нет.

Замки пистолетов отличаются от ружейных лишь меньшими размерами. Самый крупный имеет 75 мм в длину и 62 мм в высоту, самый маленький — 53 мм в длину и 45 мм в высоту. Наиболее часто встречаются замки, которые имеют 62—70 мм в длину и 53—60 мм в высоту. Конструкция пистолетных замков идентична конструкции замков ружейных; лишь иногда отличается формой боковой планки, левая сторона которой бывает одинаковой ширины с правой стороной и немного скруглена по бокам; либо боковая планка совершенно плоская, без

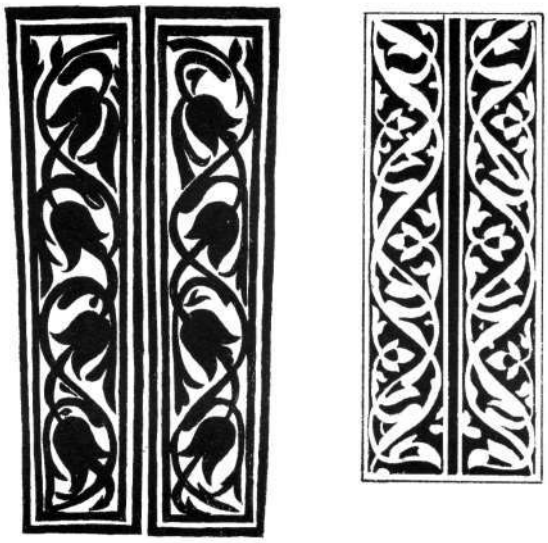


Рис. 74. Золотая насечка на стволах черкесского производства

округлений и немного расширена в сторону клейма. Отличие состоит также в правильности и величине выемки около клейма. На замках, имеющих совершенно одинаковые боковые планки, могут стоять клейма разных мастеров. Замки украшены растительным или геометрическим, иногда растительно-геометрическим орнаментом, в котором встречаются завитки в форме запятой; иногда замки украшены кубачинским орнаментом, этим же орнаментом покрыт ствол. Клейма аналогичны клеймам на ружейных замках.

Для черкесских пистолетов характерна тонкая деревянная ложа, оклеенная черной ослиной кожей. Тонкие рукоятки заканчиваются костяным, несколько сплюснутым сверху и снизу шариком. Нередко костяной шарик в процессе реставрации оказывается замененным деревянным или гипсовым. При этом часто он вытянут кверху и книзу. Деревянные шарики покрыты черной или коричневой краской.

По деталям прибора — обоймицам и накладкам — пистолеты можно разделить на несколько подгрупп:

1. Пистолеты имеют очень узкие, железные, неукрашенные обоймицы; у некоторых из них

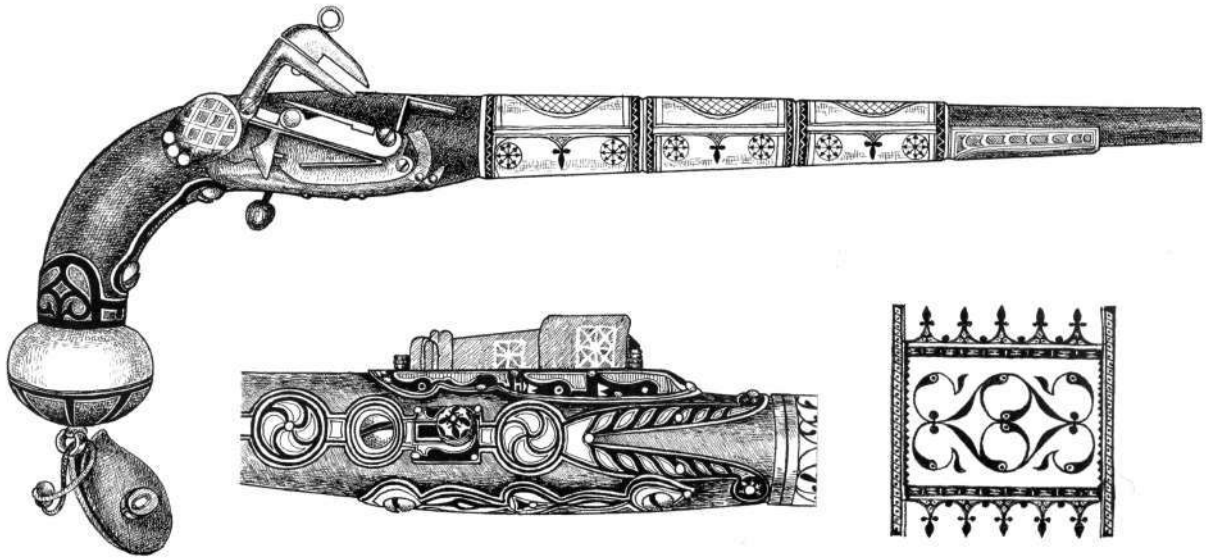


Рис. 75. Пистолет: накладка у спуска в виде ножниц, обоймица (ТИМ№345)

нижняя сторона овальной формы; иногда вместо первоначальных обоймиц встречаются подобранные медные или железные. В головки винтов, крепящих шарики, продеты крупные колечки. Накладки, украшения, шомпольные гнезда отсутствуют. На конце цевья иногда имеются костяные пластинки. Шарики обычно костяные, немного сплюснутые сверху и снизу, бывают деревянные, покрытые черной кожей или черной краской.

2. Пистолеты снабжены серебряными, лишенными орнамента накладками, расположенными с обеих сторон хвостовика и украшенными прокатками ложной зерни. Накладки также имеются вокруг рукояти у шарика (иногда они соединены с верхней пластинкой на шарике и оформлены рядами ложной зерни), на конце цевья с фальшивым или настоящим шомпольным гнездом, очерченным рядами ложной зерни или филигранными прокатками, у хвостовых винтов и около спуска, вокруг замка и между замочными винтами, иногда снизу у шарика, Обоймицы — от одной до трех, они широкие, гладкие, также не украшенные, иногда имеют сверху вырез. У всех пистолетов костяные шарики несколько сплюснуты сверху и снизу.

3. Пистолеты, на которых находятся серебряные накладки, украшенные орнаментом, выполненным гравировкой и чернью. Часть накладок нередко совершенно утрачена, но по их следам и по сохранившимся гвоздикам можно видеть, где они были. Накладки располагаются на хвостовике, вокруг рукоятки у шарика, на конце цевья, у хвостовых винтов и около спуска, расходясь далее в виде ножниц, вокруг замка. У некоторых пистолетов сохранились серебряные обоймицы. Орнамент на серебряных деталях пистолетов неодинаков, сходны лишь его элементы, среди которых преобладает завиток в форме запятой — характерный мотив черкесского орнамента.

Однако некоторые пистолеты имеют серебряные пластинки с одинаковым орнаментом. Так, на пистолетах с полной или частично обрезанной черневой надписью «Работал Али», расположенной на накладке хвостовика, орнамент на хвостовиках общий, он состоит из листовидных фигурок, образованных завитками в форме запятой с точкой в головке; внутри каждого листа — цветок с тремя головками с точкой в средней головке. Эти же пистолеты имеют совершенно одинаково орнаментированные накладки около хвостовика и снизу на рукояти. Основной

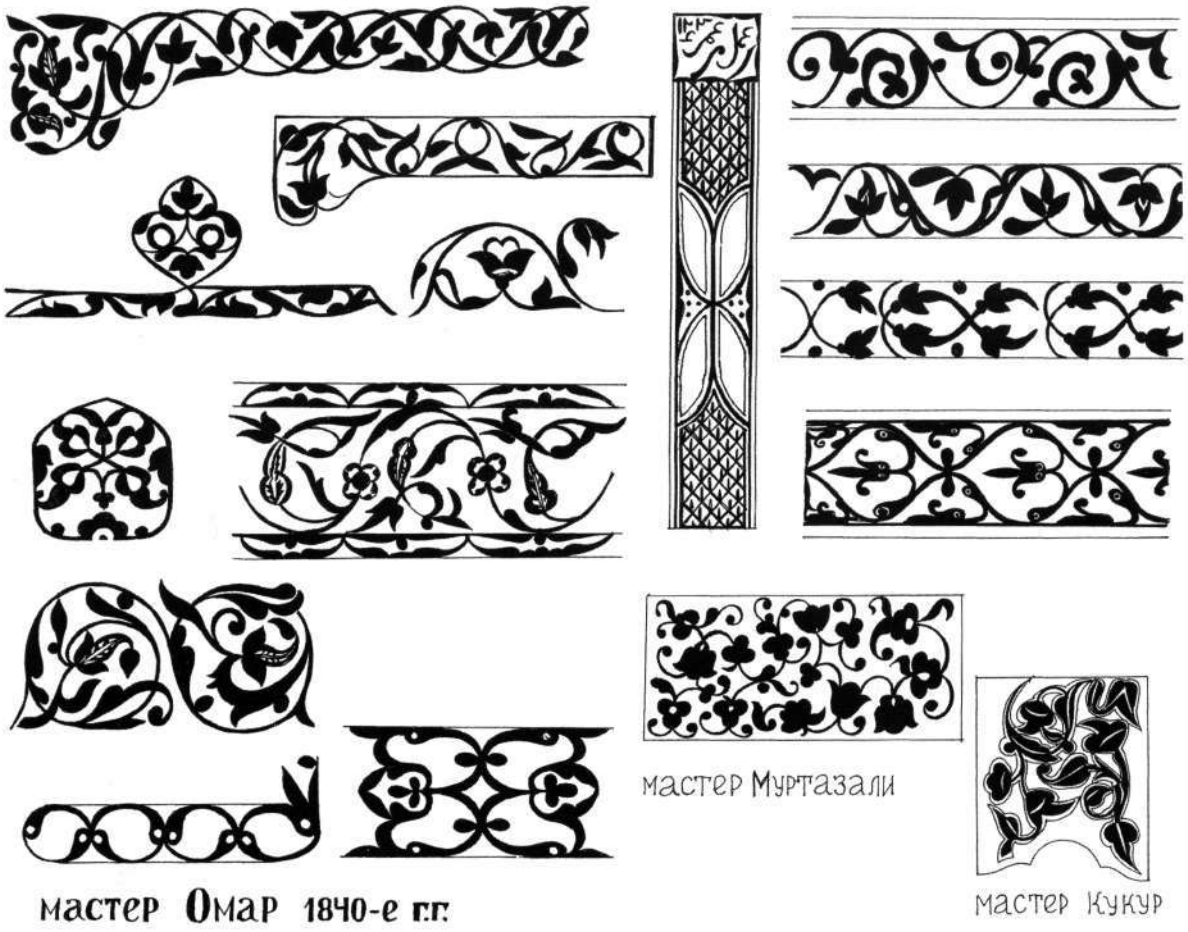


Рис. 76. Украшения серебряных деталей черкесских пистолетов середины XIX в.

мотив — побеги, образованные завитками в форме запятой.

Встречаются также парные пистолеты, имеющие накладки с совершенно одинаковым орнаментом, состоящим на яблоке из симметричных, соединенных ветвями чередующихся двухлепестников, соприкасающихся головками с точками внутри и листиками с трехлепестковыми белыми бутонами внутри. Накладки на хвостовике украшены ромбами с рисунком «сито» и бантиками-перехватами. Околохвостовые накладки орнаментированы плавными треугольными фигурками.

Все пистолеты этой третьей группы не имеют ни настоящего, ни ложного шомпольного гнезда, на конце цевья у них расположены серебряные накладки. Шарик-яблоко у всех пистолетов имеет чуть сплюснутую сверху и снизу форму и приблизительно один размер. У части пистолетов шарик обложен серебром, украшенным гравировкой и чернью. Возможно, такие накладки первоначально были у всех пистолетов; иногда шарик костяной, с серебряной инкрустацией, это редкий тип украшения.

К рукояти пистолета прикреплялся шнур, который носился на шее для щегольства. Эти шнуры изготовляли девушки для подарка молодым мужчинам /Меретуков, 67/. Ношение пистолета было широко распространено. «Высший класс всегда имеет при себе заряженный пистолет, и оружие это бывает часто виною смерти при случайных спорах» /Хан-Гирей, 143/.

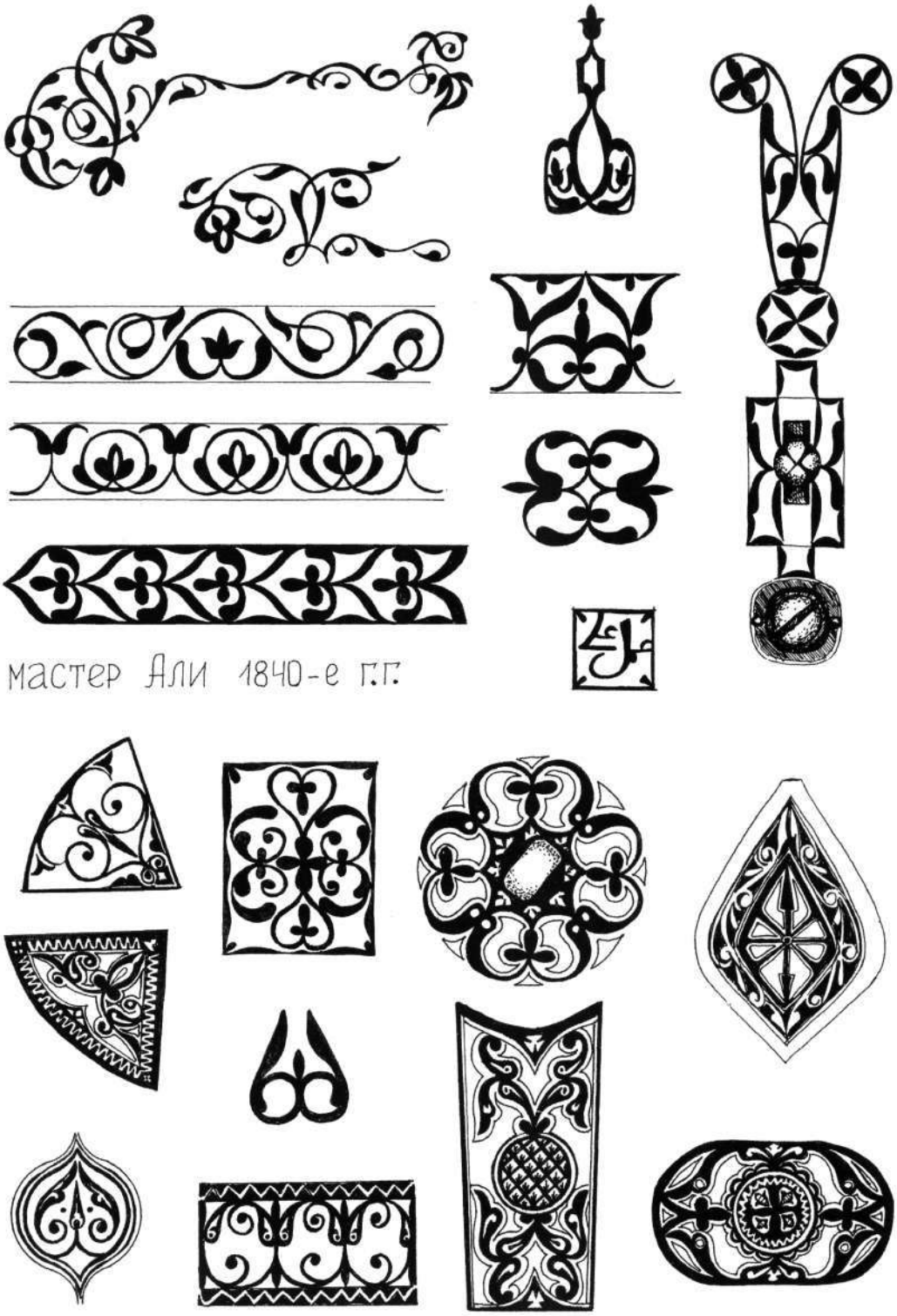


Рис. 77. Украшения серебряных деталей черкесских пистолетов середины XIX в.

Рис. 78. Украшение черкесских ружей середины XIX в.
(ТИМ №969, 1002, 1006, 976, 1007, 984)

Рис. 78. (продолжение). Украшение черкесских ружей середины XIX в.

Газыри, пороховницы, натруски

К огнестрельному оружию полагалось снаряжение. Дюбуа де Монпере (1833 г.) следующим образом описывает принадлежности к огнестрельному оружию: «На груди с двух сторон имеются два маленьких кармашка или чаще два ряда маленьких коробочек или патронных гильз, сделанных из дерева, камыша, кости или металла. У более богатых крышечки патронташей прикреплены к плечам серебряными цепочками. На плече черкес носит ружье, вложенное в черный фетровый чехол, прикрепленный двумя кольцами из красной кожи к ремню. На поясе черкес имеет кинжал; там же у него прикреплены, кроме того, тесак-отвертка, кожаный кошель, где хранятся трут и ружейный кремень... прекрасно выполненная из черненого серебра маленькая коробочка с салом, которым натираются пули для того, чтобы они лучше скользили в стволе. В руке черкес держит маленькую подставку из двух деревянных реек; на эту подставку кладется ствол ружья при стрельбе» /Монпере, 442/. К этому добавим из Хан-Гирея: «Вместе с ружьем носятся и подсошки, искусно оправленные и состоящие из двух тонких прутиков» /Хан-Гирей, 243/. Приспособлениями для ношения пороха были газыри, пороховницы и натруски.

Газыри, или патронные гильзы, как называет их Монпере, представляют собой круглые, полые внутри, деревянные или камышовые трубочки высотой 8—10 см. Во внутрь палочек насыпался порох и отверстие затыкалось шерстью или просто тряпочкой. Головки (верхушки) газырей, выступавшие из карманчиков, обычно делались из кости, из железа или серебра, которые украшались золотой или серебряной инкрустацией (кость, железо) или гравировкой и чернью (серебро). Газыри продолжали носить и после того, как они перестали служить зарядами, просто в качестве украшения. Они представляли собой уже не трубочки, а палочки с серебряными головками.

В больших пороховницах хранился запас пороха. Эти пороховницы имели форму закрученного рога, делались же из дерева, а сверху оклеивались кожей. Они имели специальное приспособление для отмеривания дозы пороха, засыпаемого в ствол-мерку, которая прикреплялась к широкой части пороховницы, в которой имелось отверстие для отсыпки пороха. Пороховница опрокидывалась, порох отсыпался в мерку, а затем отверстие закрывалось специальной костяной пластинкой, задвигавшейся в пороховницу. Сверху мерка затыкалась деревянной пробкой.

В маленьких пороховницах, называвшихся натрусками, хранили высококачественный порох, который насыпали на полку ружья или пистолета. Натруски имели форму рожка, более редкой была круглая форма. Натруски делались из рога, кости, дерева, в более редких случаях целиком из серебра. Натруски оправлялись в серебро, которое украшалось гравировкой и чернью. Натруска сбоку имела устройство, представлявшее собой рычаг, верхнее плечо которого имело пружину. Пружина надавливала на плечо рычага, заканчивавшееся крышкой, закрывающей отверстие натруски.

В специальной коробочке носились пыжи. Пыж представлял собой кусочек войлока или тряпочку Он должен был быть забит туго в дуло, иначе выстрел не будет иметь силы. Пуля с пыжом должна быть прибита к нижнему пыжу, иначе будет сильная отдача. Тогда ружье хорошо заряжено, когда при ударе о пыж будет отскакивать шомпол /Прозрителев, 7/.

Инструментами для ухода за ружьем служили отвертка, сальница (коробочка с жиром); привешивалась к поясу также пластинка для отливки пуль.

Ружья и пистолеты носились в чехлах. Для ружей чехлы шились из войлока, использовались куски старых бурок /Тхамоков, 150/, из желтого и красного сукна /Прозрителев, 8/.

Рис. 79. Снаряжение к огнестрельному оружию: пороховница для ствольного пороха, натруски для затравочного пороха, газыри

Рис. 79 (продолжение). Снаряжение к огнестрельному оружию: натруски и газыри

Защитное вооружение

Черкесский защитный доспех состоял из шлема, кольчуги, налокотников и перчаток. О его широком распространении свидетельствовали современники.

Шлемы

Д. Интериано описал внешний вид шлема XV в.: военный головной убор черкесов «походит на те, которые мы видим на древних изображениях, он закрывает щеки и прикрепляется под горлом, по древнему обычаю» /Интериано, 50/. Дж. Лукка отмечал, что голову черкесы защищают «кольчатым шишаком, покрывающим лицо» /Лукка, 71/. Рассказав о том, что черкесская знать посещает близких соседей в вооружении — в кольчугах и шишаках, Э. Д'Асколи добавляет, что последние украшены «в виде розеток из золоченого серебра» /Д'Асколи, 63/. Как уже отмечалось, Г.-Ю. Клапрот указывал на существование двух видов шлемов: небольшого (кипха) и большого (таш) /Клапрот, 266/. Ж.-Ш. де Бессе подтверждает это /Бессе, 335/. Оба шлема различались своей высотой.

В музейных собраниях мы можем видеть шлемы XVIII—XIX вв. Их сохранилось около двух десятков. Они входили в комплект вооружения кабардинских дворян, состоявших в 1828—1882 гг. на службе в лейб-гвардии Кавказском горском эскадроне.

Таш, или танж (его правильное название), представляет собой высокий конический железный шлем, склепанный из двух половин. К верхушке шлема прикреплено кольцо, в котором закреплен флажок из красного сафьяна, обшитого галуном, с вышитым узором. К ободу шлема крепится кольчужная сетка. Она закрывает половину лица и ниспадает на плечи поверх кольчуги, создавая дополнительную защиту. Спереди кольчужная сетка шлема застегивается на крючок.

Шлем украшен накладными железными или серебряными пластинками, на которые нанесен характерный черкесский орнамент, состоящий из завитков в форме запятой. Эти завитки расположены попарно или соединены в гирлянды. На железные пластинки рисунок нанесен гравировкой и позолотой, на серебряные — гравировкой и чернью. Нередко внутри орнамента имеется имя мастера и дата. Целая серия шлемов этого рода была изготовлена мастером Али сыном Хаджи Бакы в 1796-1800 гг.

Низкий шлем (его правильное название пдьпао) имеет полусферическую форму, он железный, украшен накладными серебряными пластинками с гравированным и черневым орнаментом. Среди орнамента встречаются надписи и клейма. К нижнему краю прикреплена кольчужная сетка.

Третий вид шлема, так называемая мисюрка, представляет собой круглую выпуклую пластину с такими же, как и у других шлемов, дырочками для крепления кольчуги. В центре пластины прикреплено кольцо для флажка. Поверхность шлема имеет серебряную накладку, украшенную гравировкой. В Государственном Историческом музее хранится оригинальный черкесский шлем, представляющий собой мисюрку к которой вместо обычной бармицы (кольчуги) прикреплена кольчато-пластинчатая защита, а пластинки украшены черкесским орнаментом. Особенностью черкесского шлема является отсутствие защитного приспособления для лица — носовой стрелки. Вместо нее используется кольчужная сетка, закрывающая половину лица. Бармица у черкесских шлемов длинная, прикрывающая плечи. Под подбородком обе половины застегиваются на крючок.

Шлемы ввозились в Черкесию, но и производились на месте. Так, о существовании местного производства мы узнаем из духовного завещания князя Ю. А. Лепинского-Оболенского, составленного не ранее 1547 и не позднее 1564 г.: «Да на князе же Василье взяти мне шелом тамошней черкасской да юшман шамахейской*, а цена шелому и юшману пятьдесят рублев» /АФЗХ, II, 207-211/.

* Юшман — тип защитного доспеха, состоящего из пластин и колец.

Рис. 80. Шлемы: а - высокий, б - низкий, в - мисюрка

Рис. 81. Мисюрка

Рис. 82. Высокий шлем и кольчуга

Кольчуга, или панцирь

Афе, или афех — это защитный доспех, сплетенный из колец. В источниках нет твердого различия между понятиями кольчуга и панцирь. Однако исследователь защитного вооружения Н. В. Гордеев предлагает различать их по способу крепления кольца — в кольчуге «на гвоздь», в панцире «на шип».

Крепление «на гвоздь» состоит в том, что расплющенные концы согнутого в колечко отрезка проволочки с пробитыми отверстиями соединяют гвоздиком, проходящим в оба отверстия, концы которого расклепывают по обе стороны кольца. Крепление «на шип» заключается в том, что в одно из отверстий укрепляют конической формы шип, на его острие накладывают отверстие второго конца проволочки и расплющивают шип. При этой технике головка образуется лишь на одной стороне кольца, другая остается гладкой и на ней иногда видно место укрепления шипа. Благодаря тому, что одна сторона кольца гладкая, панцири меньше рвут надеваемую под них одежду, чем кольчуги. Все панцири одинакового плетения, то есть каждое кольцо захватывает четыре других. Кольца у панцирей меньшего размера, чем у кольчуг, и панцири легче их.

И кольчуга, и панцирь были непременной частью защитного вооружения знати. Д. Интериано сообщил в конце XV в., что воины не расстаются со своим доспехом. «Они спят с так называемым ими панцирем, то есть кольчужной рубахой, под головой вместо подушки и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными» /Интериано, 49/. Э. Кемпфер через столетие замечал: «Знатнейшие люди страны носят теперь панцири, на которые они надевают шелковые кафтаны» /Кемпфер, 117/. Как это нередко имело место в традиционном обществе, происхождение доспеха связывали с мифологическими сюжетами. Так, Потоцкий записал в 1798 г.: те кольчуги, «которые делаются в настоящее время, не в слишком большом почете, но у них есть старинные, которым нет цены; считают, что их производили некие девственницы, которые сейчас исчезли и которых называли таххуты» /Потоцкий, 227/. Кольчуги продолжали цениться даже с распространением огнестрельного оружия; су-

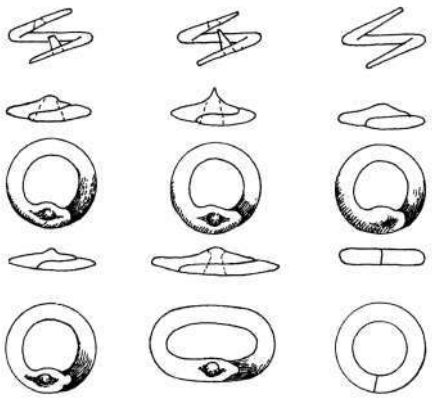


Рис. 83. Плетение колец кольчуги

ществовал даже особый способ проверки иХ прочности, описанный Г.-Ю. Клапротом: кольчугу «кладут на теленка и стреляют из пистолета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается». Клапрот же сообщал, что под кольчугой черкесы «носят на войне еще одежду на вате, от которой пули отскакивают еще лучше» /Клапрот, 266/. Кольчуги, как и другие части защитного доспеха, в целом носили до середины XIX в., хотя в это время, в связи с широким распространением огнестрельного оружия, их защитные функции резко упали.

Согласно нашим источникам, кольчуги ввозились в Черкесию из Персии, Константинополя, Дагестана, Кубани, земель абхазов. Вместе с тем защитный доспех производили и в самой Черкесии. В 1595 г. шах Аббас, показывая русскому послу князю Андрею Звенигородскому разное оружие, сказал: «А пансыри добрые выходят к нам из Черкас» /Веселовский, 1899, 271/. В 1615 г. кабардинский князь из Малой Кабарды Мудар Алкасов повез иранскому шаху Аббасу в дар пять иноходцев и «пансыри» /Кушева, 103; Вилинбахов, 129/. В 1660-1662 гг. в Москву через Астрахань выписывали «черкас пансырного дела самых добрых мастеров да булатного сабельного дела сварщиков самых же добрых мастеров», а в Астрахани стремились наладить учение этому мастерству местных «ребят» и присланных из Оружейного Приказа Москвы «иноземных (литовских. — *Э. А.)* ребят» /КРО, I, 322-326/. Из документа 1662 г. известны имена двух черкесских мастеров панцирного дела, работавших в Астрахани, — Колюбата и Баду /КРО, 1, 327/.

Таким образом, черкесские панцири, как и шлемы, не только производились на внутренний рынок, но и вывозились и вызывали одобрение таких искушенных обладателей прекрасного и в боевом, и в художественном отношении оружия, как шах Аббас, да и представители русского господствующего слоя не жалели денег на дорогое оружие.

Так как техника изготовления кольчуг повсеместно была почти одна и та же, то определить их происхождение довольно трудно. Подспорьем в этом могут являться только какие-нибудь дополнительные детали, например форма воротника или застежки и т. д.

В Оружейной палате Московского Кремля хранятся шесть «черкасских панцырей» XVII в. (так все они значились в описи 1687 г.). Их исследовал Н. В. Гордеев. Согласно его описанию, черкесские панцири имеют, как правило, «кольцо железное, круглое, плоское, средней величины» /ОМОП, III, 2, 66—68/. Кольца имеют почти одинаковый размер по всему панцирю, их диаметр 10—11 мм, толщина проволоки от 1 до 2 мм.

В описи 1884 г. указано, что все черкесские панцири «креплены в узел». Это означает такой способ крепления, когда раскованные в виде лопаточек проволочки кольца заходят друг за друга, образуя продолговатое утолщение, как при креплении кольца «на гвоздь». Кольца всех черкесских панцирей клепаны «на шип» в горячем состоянии, так как в месте склепки видна сварка металла, вследствие чего кольца совершенно невозможно разъединить. Техника плетения и крепления колец, по оценке Н. В. Гордеева, первоклассная /Гордеев, 87/.

Черкесские панцири представляют собой рубашки с короткими выше локтей прямыми рукавами, с круглыми разрезными воротами. Два из них имеют разрезные подолы. По описи 1687 г. у одного панциря у ворота была медная застежка, впоследствии утраченная. У этого же панциря, по той же описи, на груди располагались «две больших и две малых мишени (пластинки. — *Э. А.)* с подрезкою, на спине две таких же мишени... медных посеребрянных». Вообще же при описи 1687 г. было «у трех пансирей по

Рис. 84. Перчатки и наручи

шти (шести) мишени медные, посеребрянные, а у двух по три мишени». У одного из панцирей к вороту прикреплен воротник, состоящий из 13 рядов тонких колец диаметром 10 мм. По приблизительным подсчетам в черкесских панцирях насчитывается более 25 тыс. колец. Длина панцирей от 66 до 75 см, ширина с рукавами от 93 до 111 см, ширина в подоле от 48 до 57 см, вес от 3,390 до 4,920 кг. Вес увеличивался за счет утолщения колец. Цена панцирей во второй половине **XVII** в. была не очень высока: панцирь с мишенями стоил 15 рублей, но наиболее распространена была цена от 6 до 10 рублей **/ОМОП, 66—68;** Гордеев, **87/.**

Налокотники, или наручи

Предназначались для защиты руки от ударов клинка. Черкесская принадлежность налокотников определяется их формой и украшением: главная пластина неглубока и прикрепляется к руке при помощи еще двух небольших пластинок, скрепленных кольчужными колечками и застежками. Поверхность наручей иногда украшали гравировкой или позолотой с надписями, и по краям налокотников около запястья располагались серебряные накладки, поверхность которых покрывалась черневым и гравированным орнаментом и надписями. Вспомним, как описывал М. Ю. Лермонтов «удалого кабардинца»:

Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных,
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.

Продолжением налокотников являлись перчатки, или наручники, как назвал их Хан-Гирей, служащие для защиты пальцев. Они изготавливались из красного или черного сафьяна, к которому пришивались куски кольчуги и кожаные шнуры для прикрепления к руке. Хан-Гирей сообщает, что раструбы перчаток укрепляются под налокотники /Хан-Гирей, 244/. Перчатки обшивались галуном, вытканным из золотых или серебряных нитей. Посередине перчаток вышивали золотом или серебром закрученные рога — типичный черкесский орнаментальный мотив.

Изготавливали и вышивали перчатки женщины.

Конское снаряжение

Рис. 85. Х. Гейслер. Простой черкес и черкесский князь в полном вооружении на коне, конец XVIII в.

В XV в., по свидетельству Д. Интериано, конь мог принадлежать только знатному человеку Он писал об адыгской знати: «они не терпят, чтобы их подданные держали лошадей, и если случится вассалу вырастить как-нибудь жеребенка, то как только он станет большим, его отнимет дворянин и даст ему взамен быков, присовокупляя такие слова: "вот это, а не конь больше подходит для тебя"» /Интериано, 47/. Данные более поздних источников это свидетельство не подтверждают. Уже Эвлия Челеби сообщает о наличии у черкесских племен многочисленных конных отрядов /Челеби, II, 63—66/. Конечно, среди воинов этих отрядов были не только «знатные», то есть феодалы, но и их вассалы, в числе которых находились простые люди. Тем не менее следует иметь в виду, что лошади у адыгов употреблялись преимущественно для верховой езды, а в горах под вьюк, но не для сельскохозяйственных работ, и поэтому далеко не всякий простолюдин мог позволить себе роскошь — владение конем. К тому же, по наблюдениям Дж. Лукка, черкесские лошади дороги, они ценятся из-за своей резвости «дороже татарских» /Лукка, 72/.

Разведением лошадей для военных нужд и для продажи занимались на равнинных пастбищах Кабарды и Прикубанской низменности главным образом князья и крупные феодалы. Здесь, по данным С. М. Броневского, в начале XIX в. было 58 больших конных заводов /Броневский, 229—230/. Каждый завод имел свое тавро-тамгу, которым больше никто не имел права пользоваться. Как уже отмечалось, тамга превратилась в существенный элемент черкесской орнаментики, особенно часто использовавшийся на конских уборах. В горах, где было меньше удобных пастбищ, лошадей держали вдвое меньше и они отличались худшим качеством.

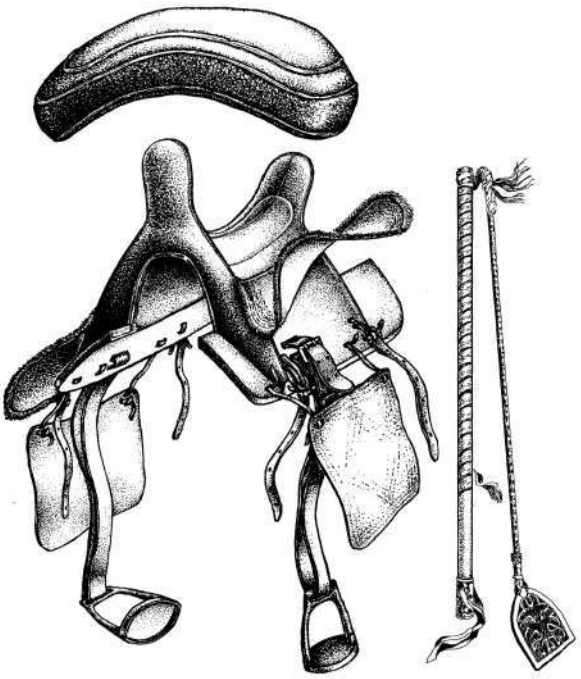


Рис. 86. Черкесское седло и ногайка

Характерно, что именно там проживали «демократические» племена.

Черкесские лошади имели большой спрос на Кавказе, в Крыму, в России, Польше и Литве. По замечанию К. Пейсонеля, высокие, хорошо сложенные, чрезвычайно сильные и выносливые в беге, черкесские лошади высоко ценились в Крыму, где за них платили до 200 пиастров тогда, когда цена коня местной породы колебалась от 15 до 20 пиастров /Пейсонель, 189,197/. В XVIII в. в Кабарду специально для закупки лошадей приезжали покупатели из соседних русских городов и казачьих станиц.

Развитие коневодства влекло за собой расцвет отраслей, связанных с производством снаряжения для лошадей. Правда, часть конской упряжи ввозилась в Черкесию из Крыма, о чем подробно сообщает К. Пейсонель*.

Однако много конского снаряжения высокого качества производилось и в самой Черкесии. «Лучшие седла и лошадиные верхние уборы изготовляются ими и продаются соседним татарам», — сообщал И.-Г. Гербер в 1728 г. /Гербер, 154/. В XVIII в. производство седел в Кабарде было так распространено, что в 1788 г. Шейх-Мансур заказал в Большой Кабарде 20 тыс. седел /Вилинбахов, 129/. Как отмечал О. В. Маргграф, кабардинское или адыгское племя всегда производило оружие, седла, уздечки и прочие принадлежности убранства всадника, служившие образцами для других туземцев. Образец седельного набора, занесенного из Кабарды, до сих пор господствует на Северном Кавказе между горским и казачьим населением и называется «кабардинским» или «черкесским» /Маргграф, 158/. Черкесские седла пользовались большим спросом у казаков. «Казаки весьма уважают черкесские седла, — писал С. М. Броневский, — и стараются снабжать себя оными, в рассуждении отменной легкости и ловкости деревянных арчаков и прочности кожевенных тебеньков, служащих вместо чепрака» /Броневский, 142/.

В производстве снаряжения для лошади участвовали мастера нескольких специальностей: седельщики, шорники, кузнецы, серебряники.

* В 50-х годах XVIII в. из Бахчисарая и Каффы в Черкесию было привезено от 2 тыс. до 3 тыс. седельных ленчиков стоимостью по 30—40 пара за штуку; из Карасу — от 2 тыс. до 3 тыс. тебенков по 30—40 пара за штуку; из Бахчисарая и Ахмешида (Симферополя) — 3 тыс. пар стремян по 20—30 пара; от 3 тыс. до 4 тыс. лошадиных удил по 6—10 пара за штуку; 4 тыс. наборов подков для лошадей с гвоздями по 20 пара; 10 тыс. штук сафьяна крымского, красного, желтого и черного, красный по 60 пара, другие по 20 пара за штуку; из Крыма вывозят в Черкесию также тысячу сухих кож по 3—4 пиастра за штуку. Эти кожи, называемые кесселис, и по-французски «лощеные коровы», употребляют для верхней стороны седла, для части, которая называется «джиабук» и представляет собой две пластинки на боках лошади, употребляют их также для тебенгиса, для стрелок и обуви. Цена их колеблется от 60 пара до 3 пиастров. В Крыму прекрасно изготовляют татарские седла, которые очень удобны, гибки и дешевы; бесчисленное количество их вывозится ежегодно в Черкесию, Молдавию и Валахию / Пейсонель, 185—187, 194/

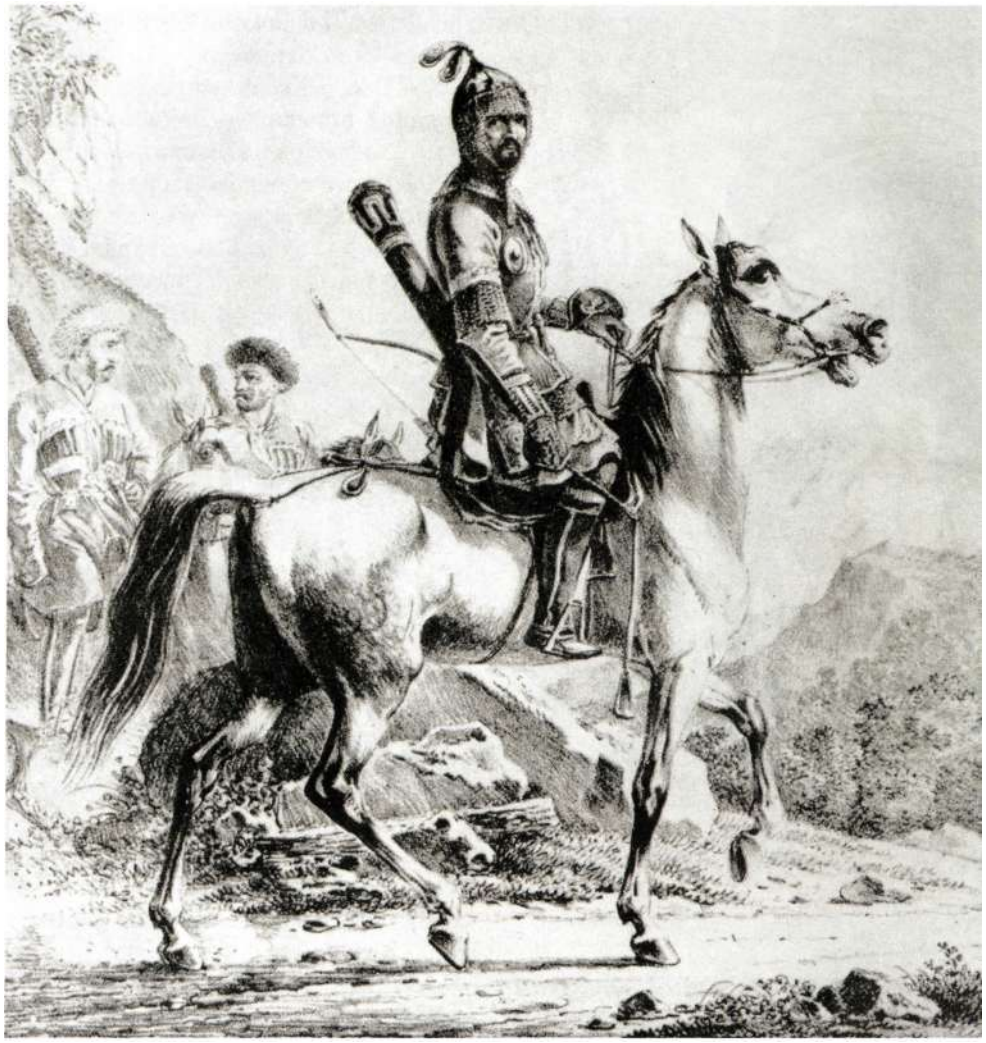


Рис. 87. А. Орловский. Черкес на коне. 1830 г.

Седельное производство

Кабардинское или черкесское седло относится к типу арчаков. Слово «арчак» означает остов седла или ленчик. **В** России в **XVI—XVII** вв. этот термин обрел специальное значение: арчаками называли небольшие седла с привязанной к сиденью подушкой. Легкое седло и сейчас называют арчаком.

Небольшое, легкое, довольно высокое черкесское седло опирается на спину коня двумя параллельными седельными полками. Узкая передняя лука с закругленным верхом располагается перпендикулярно к седлу. Задняя, более широкая лука, также имеющая закругленный верх, плавно отогнута назад. Форма седла диктовалась военными целями — высокое седло придавало свободу посадке воина, а низкая задняя лука не мешала повороту в седле и возможности отстреливаться на скаку. Удобство черкесского седла отмечал Д. Лонгворд: «Я привык к нему и по достоинству оценил его преимущества как боевого седла. Черкесы поворачиваются в нем с чрезвычайной легкостью и могут, подобно древним парфянам, стрелять назад на полном скаку, а также, держась за передний де-

Рис. 88. Черкесское парадное седло

ревянный выступ, могут перегнуться почти под брюхо своего скакуна и на полном карьере поднять все что угодно с земли. Их посадка на спине лошади по сравнению с тяжелым турецким или плоским европейским седлом кажется игрушечной; то же можно сказать и об их весе, который составляет половину первого и треть второго». Между тем «во время утомительных походов и набегов, которые они совершают, несколько фунтов больше или меньше веса всадника и упряжи могут иметь серьезное значение» /Лонгворд, 533/.

Наружная и внутренняя стороны седла, за исключением полок, оклеивались черной или красной кожей. Иногда верхние части лук и концы седельных полок (извести) оковывались серебряными пластинками — огибями. В более редких случаях серебряные пластинки покрывали луки и извести целиком и украшались черневым орнаментом и позолотой. Среди орнамента располагались надписи. С обеих сторон к седлу прибивались крыльца или крылья — куски тонкой и мягкой кожи с закругленным нижним краем, отороченные галуном или бахромой. Иногда крыльца расшивались растительным орнаментом, исполненным серебряными нитями. С обеих сторон седла на кожаных ремешках укреплялись тебеньки — куски толстой кожи квадратной или закругленной формы, украшенные тисненым или раскрашенным геометрическим орнаментом. Тебеньки защищали колени всадника от грязи и пота лошади. К седлу полагались кожаная подушка и потник, которые изготавливались в домах*.

Как отмечалось, производство арчаков было развито в Кабарде, там почти в каждом ауле имелись свои седельщики. Особенно много — около сорока — мастеров насчитывалось в селении князя Докшукина, среди которых лучшими считались братья Хатахшуко и Ельмурза Асыновы. Седельщики имелись также в селениях 1-го участка Пятигорского округа (в Хату Анзорова было два, в Кайсым Анзорова — три, в Джанхотово — два, в Верхне-Кожоковом — один, в селении Нальчик — два мастера). Мастера работали в одиночку и компаниями (преимущественно в городах, куда на заработки отправлялась часть мастеров в свободное от сельских работ время). Хорошие мастера имели учеников, которые уплачивали небольшую сумму за обучение или учились на особо оговоренных условиях.

Производство седел не составляло единственного занятия мастеров, а служило скорее подспорьем к другим хозяйственным занятиям, поэтому размеры производства были относительно невелики. Каждый из братьев Асыновых, например, изготавливал в год 50—70 арчаков. По мнению одного из них, за шесть месяцев можно изготовить от 50 до 100 седел. Сбыт арчаков не представлял больших трудностей: изделия известных мастеров раскупались на месте производства или на базарах и ярмарках Владикавказа, Пятигорска, Георгиевска, Моздока и других городов, где седла приобретались казаками и горцами.

Материал для производства арчака приготавливался самим мастером или приобретался на стороне. Древесину на деревянную часть седла мастера рубили в лесах. Обычно употреблялось дерево самых крепких пород: карагача, клена, орешника и березы. (Считалось, что ольху использовали недобросовестные мастера.) Клей и кожу для оклейки арчака покупали в Нальчике, Пятигорске, Георгиевске и других городах.

Инструментами седельных мастеров являлись топоры, мотыговидные инструменты и полукруглое долото, ножи с изогнутыми рукоятками. Все инструменты выделывались самими же мастерами. Производство арчаков считалось довольно выгодным ремеслом, так как арчак на месте ценился от 3 до 9 рублей и более /Маргтраф, 162-163/.

Все кожаные детали седла — тебеньки, подпруги, ремни — изготавливались мастерами-шорниками.

* На один арчак шло до четверти фунта клею (по 30 коп.) и кожи на 1—2 рубля, Кроме обыкновенной черной кожи для более ценных арчаков употреблялся особый сорт кожи — хоз, который выделывался из лошадиных шкур и своей красивой шероховатой поверхностью напоминал шагрень. Хоз ценился дороже обыкновенной кожи, и его на седло шло на 2-4 рубля. Дешевые арчаки покрывались телячьей и жеребячьей кожей или оставлялись неоклеенными.

Рис. 89. Черкесская парадная упряжь и ее серебряные детали

Шорное производство

Главными предметами шорного производства на Кавказе являлись принадлежности седла: обшивка, тебеньки, подпруги, уздечка, подушка и т. п. Наибольшей известностью на Северном Кавказе пользовались шорные изделия кабардинцев. О. В. Маргграф отмечал, что кабардинским, или черкесским, шорным товаром славились Пятигорск, Нальчик, Георгиевск, Владикавказ, Екатеринодар, Майкоп. Там сбывали свой товар десятки шорников. Так, исследовавший крестьянские промыслы Г. Х. Мамбетов насчитывал более ста шорников, проживавших в конце XIX — начале XX в. в селениях Кабарды /Мамбетов, 52/.

Технология выделки кож описана в источниках. У всех кавказских народов шорные изделия выделывались не целыми кожами, а отдельными кожаными полосами самой различной ширины и толщины, которые обрабатывались животными жирами без применения квасцов. Для этой цели ремни погружались на двое-трое суток в холодную воду, после чего с размокших полос ножом соскребались остатки мягких тканей и они подсушивались. При дальнейшей обработке влажные полосы, закрепленные одним концом неподвижно, пропускались между двумя деревянными брусками. По мере высыхания ремень пропитывали бараньим жиром и снова протягивали между брусками; эта операция повторялась многократно /Монпере, 454; Бларамберг, 391/. «После неоднократного повторения этой операции, — отметил Бларамберг, — ремень становится таким же мягким, как если бы он был сделан из лучшей дубленой кожи, и таким прочным, что его почти невозможно разорвать». Ремни окрашивались в разные цвета: для уздечек и подхвостника употреблялся синий; в оранжевый цвет красились тренога и остальные ремешки на седле, иногда также подпруга. Краски были натуральными, их изготовлял сам мастер. Желтая краска получалась из ольховой коры, истолченной в ступе и настоенной в течение нескольких часов в горячей воде. Синяя краска производилась из особой синьки (ее местное название «кольга»), которую разводили в воде; красили ремни тряпкой. После высыхания ремни протирали суконкой до тех пор, пока краска не переставала оставлять свой след. После этого ремни натирали навощенной тряпкой или яичным белком, от чего ремни приобретали глянец.

Седельные подушки делались из покупного черного сафьяна или из простого опойка. Они имели четырехлопастную форму и набивались ватой, пухом и оленьей шерстью, последняя предпочиталась. Шили подушку иголкой: женщины шелковыми нитками или мужчины козевкою. Козевка представляла собою тонкий ремешок, приготовленный из кожи дикой козы или серны. Лучшей считалась для этой цели летняя кожа, снятая до того, как ее попортят оводы. Кожа разрезалась на узкие ремешки, с обеих сторон которых срезались толстые слои, так что оставался только самый плотный прочный живец, немного толще писчей бумаги. Он-то и шел на козевку.

Потники изготавливались из сложенного в 6 или 8 слоев войлока, сшитого нитью или козевкой. Обычно войлок слегка смачивали водой и клали вместе с седлом на лошадь; через несколько часов езды седло «усаживалось» на потник. Затем войлок обрезался и округлялся у краев и на углах. Для хороших седел потники оторачивались сафьяном, который шился козевкой, придающей красоту и прочность. Под этот потник подкладывался сложенный вдвое другой войлок, окрашенный в разные цвета. Он должен был быть мягче и нежнее верхнего /Маргграф, 164-165/.

Важным видом шорной работы было изготовление ногаек, служивших средством управления конем. Этот промысел традиционно был широко распространен в Черкесии и соседнем Крыму. О его развитии в XVII в. в Тамани и Темрюке сообщает Эвлия Челеби: «Тамань славится в ряде другого плетеными ремнями и татарскими хлыстами», для жителей Темрюка ловля рыбы и «производство черкесских ногаек из выделанных ремней являются занятием, из которого они извлекают прибыль» /Челеби, II, 45—46/. В 1822 г. Роберт Лайэлл купил на Кавказе «большое число черкесских ногаек за 4, 10 и даже 15 рублей»; «у самых дорогих ногаек, — сообщал он, — в рукоятке имеется кинжал. Все они прекрасной работы» /Лайэлл, 326/. Маете-

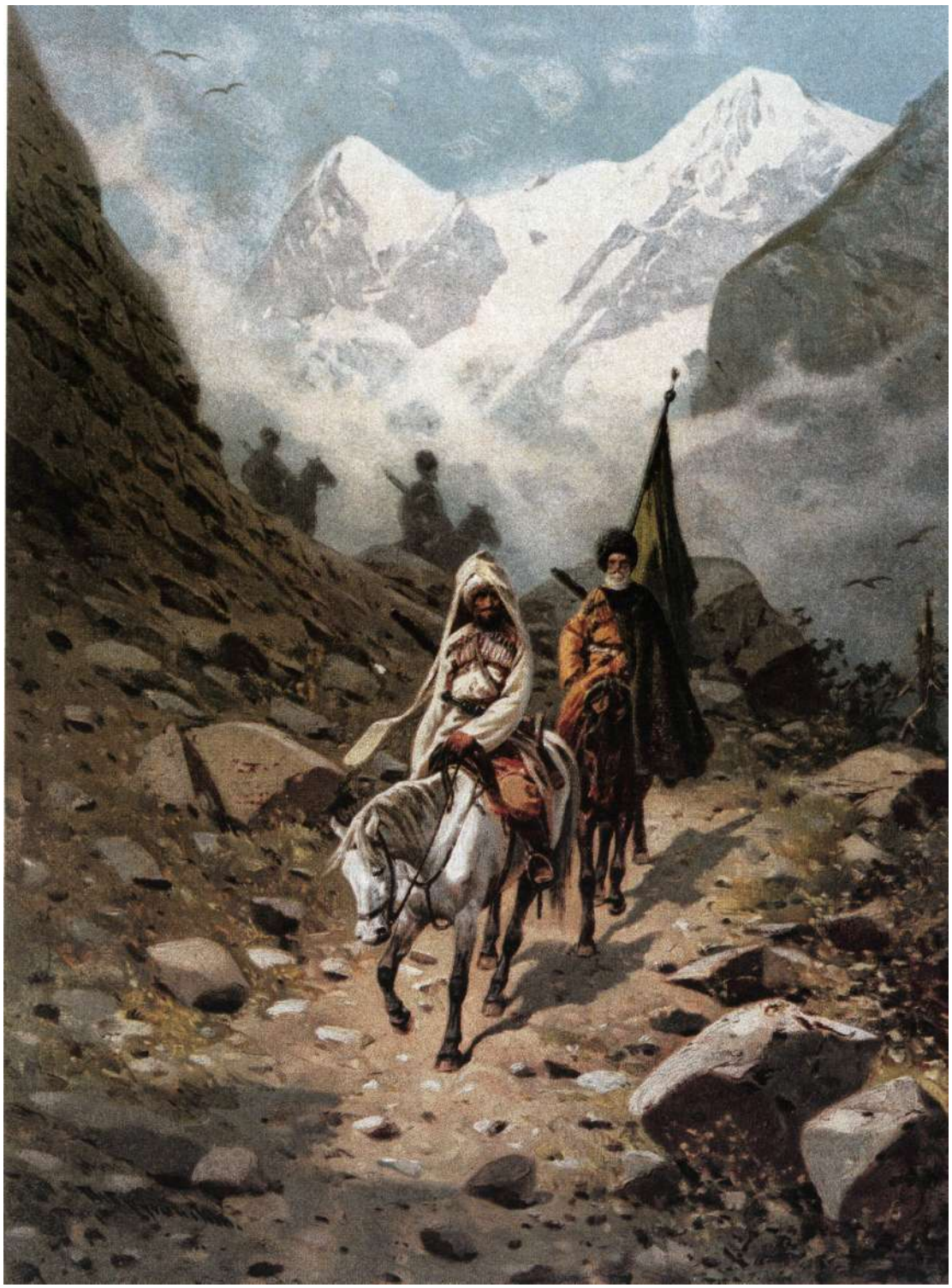


Рис. 90. П. И. Грузинский. Черкесы в горах

ром, изготовившим ногайки, был Шора Ногмов, известный адыгский просветитель.

О. В. Маргграф подробно описал устройство, изготовление и формы сбыта черкесских ногаек /Маргграф, 166—169/. Плеть изготавливалась следующим образом. Мастера покупали свежие шкуры, предпочтительно козы или оленя, ценою от 50 копеек до 8 рублей за штуку. Из большой шкуры выделывали более 14 ремней; в свою очередь из каждого ремня выходили одна-две плети. Ремешок, предварительно смоченный в воде, обрезался до нужной ширины. Затем с него снимался верхний слой, отчего он становился тоньше и легче обрабатывался. После этого тонкий ремешок складывался вдвое и его концы надевались на палочку, согнутую подобно луку. Один конец ремешка сворачивали в трубку, смачивали слюной, чтобы он слипся в виде цилиндра. Тот цилиндр обертывали вторым концом ремешка так, чтобы наружный слой закрывал внутренний, а концы оставались свободными. Затем ногайку вывешивали на солнце или на ветру, чтобы ее сердцевина сделалась твердой и упругой. Другой ремешок, длиной 1,8 м, разрезают на восемь тоненьких шнурочков, причем конец остается неразрезанным. Этот конец надевают на выструганную согнутую ветку (на более толстый конец) и начинают плести, то есть одну половину ремешков завивают справа налево, а другую — наоборот, причем поочередно захватывают и переплетают их между собой. Каждый ремешок стягивается рукой, чтобы палка охватывалась плотнее и ремешки, прилегая друг к другу, переплетались туго, что достигается при помощи двух палочек; на каждой палочке вырезаны полукруглые выемки, при соединении палочек образующие круги. С одного конца палочки соединены, с другого могут открываться как щипцы. Вставив в раздвинутые палочки стержень или сердцевину плети, а затем сдавив их, сдвигают переплетенные части к началу или толстому концу плети, отчего переплетенные ремешки уплотняются и плетение получает более гладкий вид. После окончания плетения один конец прикрепляют к ручке. Для этого не свернутый в трубку конец размягчают и мнут руками, а к другому более тонкому концу прикрепляют удлиненный ремешок — нашлепку, которая предохраняет плеть от ломки во время удара по лошади. При ударе нашлепка вызывает то щелканье, которым особенно щеголяют молодые наездники.

Ручки делают из особо твердого дерева, растущего в горах, — гордовника. Их обертывали ремешком или черным сафьяном, к концу приделывали роговые или костяные украшения, а высший сорт обвивали золотой канителью. Простые плети не имели украшений. Ручку простой плети обертывали тряпкой, чтобы она не скользила в руке, а тряпку пропитывали растопленным желтым воском с примесью медного купороса, отчего она окрашивалась в зеленый цвет. Ручки покупали обычно во Владикавказе или Нальчике ценою по 10—15 копеек за штуку. Плети продавались на месте изготовления или в городах и на ярмарках стоимостью от 50 копеек до 2 рублей и дороже. В каждом селении в Кабарде работали один-два мастера по производству ногаек. В селениях, где при мечетях имелись духовные школы, ученики в свободное от занятий время зарабатывали этим ремеслом себе на жизнь. Лучшим специалистом по изготовлению ногаек считался Абдулла Тохтамышев (житель сел. Атажукина III), славился также Хакясс Мазасов, житель сел. Джанхотова. Кабардинским мастерам ничуть не уступали осетинские, среди которых называли Алагирея Дедакаева (сел. Магометанское Владикавказского округа), Асланика Дадурова (сел. Карджим при станции Дархкох), Ахмеда Дурова (близ станции Беслан), чьи изделия продавались от 1 до 5 рублей за штуку.

Кабардинские принадлежности для верховой езды продавались в лавках Екатеринодара, Майкопа, Баталпашинска и во всех уездных городах Кубанской области, где их главными покупателями были строевые казаки. Рядовой горец конское снаряжение, за исключением арчака и железных частей, делал сам. Терские казаки из станиц по верхнему течению Терека также покупали преимущественно кабардинские изделия, изготовленные в Пятигорске, Георгиевске, Нальчике, Владикавказе и Моздоке. Казаки из низовых станиц приобретали в городах Грозном, Аксае, Хасавюрте, Кизляре и на станичных ярмарках дагестанские и чеченские изделия, изготовленные по кабардинскому образцу.

Кузнечные работы

Металлическое производство обеспечивало конский убор стременами и пряжками для стремян, подпругой, удилами, уздечками и пр. Эти изделия изготавливались местными кузнецами, которых в Кабарде вплоть до последней трети XIX в. было немного. Всего по одному-двум хорошим седельным кузнецам насчитывалось в таких селениях Кабарды, как Когоскинское, Анзорово, Чесма, Джанхотовское, Куденетовское.

К этому перечню, составленному Маргграфом, Г. Х. Мамбетов прибавляет селения Кызбурун **III,** Куриджин, Урвань, Дейское и Балкарское общество /Мамбетов,67-70/. Они работали только на заказ и брали довольно дорого с заказчиков. Пара стремян, на производство которой кузнец тратил два-три дня, продавалась за 3—5 рублей /Маргтраф, 165/. Впоследствии число кузнецов начало расти: если в 1874 г. их было 34, то в 1878 г. — 70, в 1894 г. - 129, в 1916 г. - 200. К этому времени во многих селениях работало до 10 кузнецов и более. Самой выгодной после оружия работой было производство принадлежностей к кабардинскому седлу. Маргграф отмечал, что в Кабарде начинали появляться также дагестанские кузнецы. Несмотря на то что они продавали свои изделия дешевле, чем кабардинцы, они не могли составить конкуренуию местным мастерам, потому что они еще не приспособились ко вкусу и требованиям кабардинского населения.

Кабардинские стремена отличались от стремян других народов Северного Кавказа по форме, размерам и качеству. «Горские стремена и удила всегда поражали знатоков своей прочностью и изяществом; они изготовлялись обычно из целых кусков металла и холодным способом, что давало несомненную гарантию прочности и надежности» /Хижняков, 48/.